

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 78
№ 5 2025

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Актуальные проблемы
формирования номенклатуры
научных специальностей
по праву

Правовые подходы
к регулированию
искусственного интеллекта:
уроки китайского права

Криминологическая
характеристика
компьютерной преступности
и новые методы
ее предупреждения

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 78
№ 5 (222)
май 2025

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 78
№ 5 (222)
май 2025

В журнале публикуются статьи
по научным специальностям
группы 5.1 «Право»
(юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ
Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог
«Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 13.05.2025
Объем 17,32 усл. печ. л. (13,92 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ
для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 78
№ 5 (222)
May 2025

The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media
Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

13.05.2025
Volume: 17,32 conventional printer's sheets (13,92 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ / PROBLEMA PRINCIPALE

- Абдуллин А. И., Воронин М. Ю., Габов А. В., Грачева Е. Ю., Корнев А. В., Россинский Б. В.**
Актуальные проблемы формирования номенклатуры научных специальностей по праву 9

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

- Ананьева А. А., Филатова У. Б.** Новые подходы
к саморегулированию перевозок легковым такси 32
- Шишмарева Т. П.** Влияние недостаточности имущества
на прекращение деятельности юридического лица 43
- Шестерякова И. В., Шестеряков И. А.** К вопросу о правовом регулировании
труда работников онлайн-платформ в странах БРИКС 54
- Волос А. А.** Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации
и цифровые технологии: вопросы судебной практики 68

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

- Ефремова И. А.** Криминологическая характеристика
компьютерной преступности и новые методы ее предупреждения 77
- Кочои С. М.** Суд vs наука уголовного права? 87
- Пудовочкин Е. Ю.** Общественная опасность
преступления и ее отражение в составе преступления 97

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / JUS GENTIUM

- Лифшиц И. М., Сибатян А. С.** Правовые аспекты
формирования общего биржевого пространства ЕАЭС
в свете наилучших практик интеграционных объединений 113

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / CYBERSPACE

- Харитонов Ю. С.** Правовые подходы к регулированию
искусственного интеллекта: уроки китайского права 130
- Селькова А. А.** Метавселенная: вопросы подсудности и порядка разрешения споров 139

CONTENTS

FUNDAMENTAL PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE / PROBLEMA PRINCIPALE

- Abdullin A. I., Voronin M. Yu., Gabov A. V., Gracheva E. Yu., Kornev A. V., Rossinskiy B. V.**
Current Issues in the Formation of the Nomenclature of Scientific Specialties in Law 9

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Ananyeva A. A., Filatova U. B.** New Approaches
to Self-Regulation of Passenger Taxi Transportation 32
- Shishmareva T. P.** The Influence of Asset Insufficiency
on the Termination of a Legal Entity's Activities 43
- Shesteryakova I. V., Shesteryakov I. A.** Legal Regulation
of Online Platform Employment of Workers in BRICS Countries 54
- Volos A. A.** Norms of the Civil Code of the Russian Federation
and Digital Technologies: Issues of Judicial Practice 68

CRIMINAL SCIENCES / JUS CRIMINALE

- Efremova I. A.** Criminological Characterization
of Computer Crime and New Methods of its Prevention 77
- Kochoi S. M.** The Court vs Criminal Law Science? 87
- Pudovochkin Yu. E.** The Social Danger of Crime
and its Reflection in the Body of a Crime. 97

INTERNATIONAL LAW / JUS GENTIUM

- Lifshits I. M., Smbatyan A. C.** Legal Aspects of the Formation
of the Common EAEU Exchange Space in the Light of Best Practices of Integration Associations 113

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Kharitonova Yu. S.** Legal Approaches to Artificial
Intelligence Regulation: Chinese Law Lessons 130
- Selkova A. A.** The Metaverse: Issues of Jurisdiction and Dispute Resolution 139

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ PROBLEMA PRINCIPALE

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.009-031

А. И. Абдуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан

М. Ю. Воронин

Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация

А. В. Габов

Институт государства и права РАН
г. Москва, Российская Федерация

Е. Ю. Грачева

А. В. Корнев

Б. В. Россинский

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Актуальные проблемы формирования номенклатуры научных специальностей по праву

Резюме. Статья посвящена группе научных специальностей 5.1 «Право», которая является составной частью номенклатуры научных специальностей, утвержденной приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 24.02.2021 № 118. Авторы статьи принимали непосредственное участие в формировании данной группы научных специальностей. Работа шла в обстановке широкой дискуссии в научном юридическом сообществе. Учитывались мнения и практических работников. Основная цель состояла в увеличении потенциала и максимальном использовании возможностей юридической науки, в которой к этому моменту обнаружились очевидные признаки кризиса. Представляется, что были созданы условия для более свободного научного поиска, поскольку сознательно пришлось отказаться от излишней детализации направлений исследований. С момента утверждения новой номенклатуры прошло определенное время, и уже можно подводить некоторые итоги. Разумеется, какие-то проблемы есть и будут. Но для того и существует наука, чтобы их решать.

Ключевые слова: государство; диссертация; инновации; наука; новизна; номенклатура; паспорт научной специальности; право; шифр научной специальности

Для цитирования: Абдуллин А. И., Воронин М. Ю., Габов А. В., Грачева Е. Ю., Корнев А. В., Россинский Б. В. Актуальные проблемы формирования номенклатуры научных специальностей по праву. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 5. С. 9–31. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.009-031

© Абдуллин А. И., Воронин М. Ю., Габов А. В., Грачева Е. Ю., Корнев А. В., Россинский Б. В., 2025

Current Issues in the Formation of the Nomenclature of Scientific Specialties in Law

Adel I. Abdullin

Kazan (Volga) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan

Mikhail Yu. Voronin

Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation

Andrey V. Gabov

Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences (RAS)
Moscow, Russian Federation

Elena Yu. Gracheva

Arkadiy V. Kornev

Boris V. Rossinskiy

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the group of scientific specialties 5.1 «Law» (for law specialties) that form an integral part of the Nomenclature of Scientific Specialties, approved by order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 118 dated 24 February 2021. The authors of the paper were directly involved in the formation of this group of scientific specialties. The work was conducted in an environment of broad discussion within the legal academic community, taking into account the opinions of practitioners. The main goal was to enhance the potential and maximize the opportunities of legal science, which by that time had shown obvious signs of crisis. It seems to us that the conditions were created for a freer scientific search, since we deliberately had to abandon unnecessary detailing of the directions of scientific research. Since the approval of the new nomenclature, some time has passed, and it is already possible to draw some conclusions. Of course, there are and will be some problems. But for this there is a science to solve them.

Keywords: State; thesis; innovation; science; novelty; nomenclature; passport of a scientific specialty; law; scientific specialty code

Cite as: Abdullin AI, Voronin MYu, Gabov AV, Gracheva EYu, Kornev AV, Rossinskiy BV. Current Issues in the Formation of the Nomenclature of Scientific Specialties in Law. *Lex russica*. 2025;78(5):9-31. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.009-031

Общественные преобразования последнего тридцатилетия в нашей стране формируют новые требования к науке, от которой общество ждет анализа причин и тенденций происходящего, разработки эффективных механизмов и инструментов, воздействующих на различные процессы, активного обновления и совершенствования законодательства, отвечающего современным вызовам и направленного на решение возникающих проблем. Разработка законодательства, соответствующего целям и задачам общественного развития в условиях цифровизации, мировых технологических достижений, необходимости отстаивания и развития государственного суверенитета, возможна только на основании фундаментальных теоретических исследований, учитывающих исторический опыт и традиции российской государственности

и права, сложившийся зарубежный опыт, все факторы и обстоятельства, особенности протекающих в современном российском обществе процессов. Представляется, что именно данные причины влияют на тенденции развития научных исследований, делая их «неинтересными», ненужными для общества или востребованными и значимыми на долгие годы, определяющими развитие юридической науки в целом.

Важным фактором, влияющим на стимулирование исследований в соответствующем направлении, является существующая в стране номенклатура научных специальностей. Так, принятая ранее номенклатура предусматривала 15 научных специальностей по праву: 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»; 12.00.02 «Конституционное право, конституционный судеб-

ный процесс; муниципальное право»; 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»; 12.00.04 «Финансовое право; налоговое право; бюджетное право»; 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения»; 12.00.06 «Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право»; 12.00.07 «Корпоративное право; конкурентное право; энергетическое право»; 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»; 12.00.09 «Уголовный процесс»; 12.00.10 «Международное право; европейское право»; 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность»; 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность»; 12.00.13 «Информационное право»; 12.00.14 «Административное право; административный процесс»; 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс».

Основным, но не единственным, критерием формирования данной номенклатуры стал отраслевой принцип, что позволило, за исключением некоторых специальностей (например, 12.00.01, 12.00.11, 12.00.12), соотносить научную специальность с конкретной отраслью права или несколькими отраслями. Некоторые специальности включали в себя название только одной науки, например 12.00.04 «Финансовое право; налоговое право; бюджетное право»; 12.00.09 «Уголовный процесс»; 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс» и др. А в ряде случаев одна специальность включала несколько близких, но самостоятельных наук, например 12.00.07 «Корпоративное право; конкурентное право; энергетическое право». Данная номенклатура научных специальностей оказала значительное влияние на развитие юридической науки в течение ряда непростых лет преобразований и реформирования в нашей стране, поскольку позволяла достаточно глубоко проникнуть в суть предмета правового регулирования конкретной отрасли, изучить ее систему, отношения институтов и подотраслей между собой, выявить то новое, что было характерно для нашего общества в переходный, перестроечный период, сформулировать новые направления развития отраслевых юридических наук, предопределить появление ранее неизвестных не только институтов, подотраслей, но и отраслей права, например корпоративного, энергетического права и др.

Структура номенклатуры соответствовала в основном логике расположения соответствующих отраслевых наук. Например, постановка теории и истории государства и права на первое место и включение этих наук в специальность 12.00.01 свидетельствуют об их фундаментальном, всепроникающем характере. Специальность 12.00.02 оставалась за конституционным и муниципальным правом; специальность 12.00.03 справедливо была отведена под отраслевую науку гражданского права. Значимым стало отнесение к специальности 12.00.04 финансового права с его основными подотраслями: налоговым и бюджетным правом. Наука трудового права включалась в специальность 12.00.05; регулирование жизненно важных сфер: земельных отношений, природных ресурсов, экологической сферы, было причислено к специальности 12.00.06. В то же время осталось неясным отнесение такой важнейшей для государства науки, как административное право, к специальности под номером 12.00.14 или гражданского процесса — к специальности 12.00.15. Можно привести и иные примеры подобного рода расположения юридических наук вне значимости их роли для развития современного российского общества.

Необходимо отметить, что названная номенклатура не оставалась неизменной, и в нее периодически вносились некоторые дополнения и уточнения, например, в специальность 12.00.07 было включено энергетическое право, а несколько позже в результате научной дискуссии было предложено дополнить эту специальность конкурентным правом. В ходе обсуждений были отклонены предложения выделить в качестве самостоятельных отраслей права и включить в номенклатуру такие новые отрасли, как спортивное, образовательное, банковское право и др. Возникающие дискуссии отражали происходящие в обществе процессы, появление новых общественных отношений, эффективное регулирование которых требовало выработки новых подходов, включая межотраслевое взаимодействие, что и порождало споры об отнесении этих отношений к предмету той или иной отрасли права, о возможном формировании новых, ранее не существовавших отраслей. Традиционные критерии самостоятельности отрасли права — предмет и метод правового регулирования — не позволяли аргументировать предложенные подходы о выделении новых отраслей права, в связи с чем предлагались для каждого случая свои критерии определения конкретной отрасли как самостоятельной.

Обоснованно подобные взгляды не нашли поддержки и не были отражены в номенклатуре научных специальностей.

Наряду с положительной ролью номенклатуры в углублении наших представлений о содержании юридической науки, ее системе, возможностях воздействия на различные общественные процессы в переходный период она в определенный период стала тормозить развитие юридической науки. Так, в выборе тем диссертаций, особенно представляемых на соискание ученой степени кандидата юридических наук, отмечались незначительность, узость, простота, повторяемость. Некоторые темы по несколько раз в год становились предметом исследований, в которых разными словами повествовалось об уже по многу раз изученных вопросах, выводы повторялись из работы в работу, не способствуя развитию юридической науки.

Жесткие отраслевые рамки не позволяли подойти комплексно к исследуемым вопросам, эмпирическая база была также ограничена отраслевыми рамками и соответствующей темой диссертации, что неизбежно приводило к формулированию выводов, не в полной мере отражающих реальное положение дел, а в ряде случаев — и к ошибочным рекомендациям по изменению законодательства. В целях преодоления этих и иных негативных факторов в развитии юридической науки перед экспертными советами ВАК при Минобрнауки России была поставлена задача предложить направления укрупнения научных специальностей.

Разработка и введение новой номенклатуры научных специальностей — объективно обусловленный процесс, представляющий собой значительный этап в развитии науки в целом и юридической науки в частности. Работа над новой номенклатурой началась с рекомендации ВАК при Минобрнауки России от 11.12.2018 «Об организации работы по совершенствованию номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени»; в последующем были приняты рекомендации ВАК от 26.06.2019 и от 24.12.2019, в соответствии с которыми необходимо было подготовить и представить окончательный вариант номенклатуры в июне 2020 г.

Экспертный совет по праву (в настоящее время — Экспертный совет по праву и политологии)

при разработке проекта номенклатуры научных специальностей по юриспруденции ориентировался на следующие требования, содержащиеся в перечисленных ранее рекомендациях: 1) учитывать количество защит по реформируемой специальности; 2) их актуальность в современном обществе; 3) необходимость междисциплинарных связей; 4) исключение узких тематик диссертаций.

Первый проект новой номенклатуры был подготовлен и представлен уже в январе 2020 г.¹

Экспертный совет по праву принципиально и ответственно подошел к формированию новой номенклатуры, понимая, что прежняя номенклатура, которая способствовала проведению глубоких исследований категорий, институтов, закономерностей отдельных отраслей права, в то же время предопределяла чрезмерное разграничение и дробление отраслей, подготовку «чисто отраслевых» работ, узость выбираемых тем, что практически привело к отсутствию межатраслевых, комплексных диссертационных исследований, рассмотрению тех или иных общественных явлений без взаимосвязи с другими институтами политической или правовой системы. Узость избранной темы исследования обуславливала и подбор эмпирической базы, которая, соответственно, носила односторонний характер, не учитывала многоуровневость, многообразие, сложность общественных связей и взаимозависимостей и не позволяла сформулировать комплексные, фундаментальные выводы, адекватные реально протекающим процессам. Ошибочность, неточность итоговых выводов диссертации не отвечали потребностям развития законодательства, правоприменительной практики. Подобный подход не учитывал межпредметные связи, возможности и потенциал различных отраслей права по эффективному и комплексному воздействию на соответствующие общественные процессы.

Названные обстоятельства обусловили активное участие экспертного совета, всего юридического сообщества в совершенствовании номенклатуры научных специальностей, что воспринималось как необходимое условие дальнейшего развития и актуализации юридической науки².

¹ См.: Габов А. В., Мацкевич И. М. Номенклатура научных специальностей как элемент государственной системы научной аттестации: к постановке вопроса // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2. С. 18–28.

² См.: Мацкевич И. М. Новая номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени: задачи и перспективы развития юридической науки // Юридическое образование и наука.

Работа над новой номенклатурой включала несколько этапов: разработку проекта номенклатуры; обсуждение названного проекта в юридической научной среде, со всеми заинтересованными министерствами и ведомствами; разработку проектов паспортов научных специальностей; предложения по совершенствованию списка научных журналов, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций; работу по перерегистрации диссертационных советов по присуждению ученых степеней.

Как видим, основным, определяющим этапом работы стала разработка проекта номенклатуры научных специальностей. Она в целом нашла поддержку научного сообщества. В то же время были высказаны и замечания. Одним из первых предложений, не получивших поддержки экспертов, стало мнение о неизменности сложившейся и действовавшей в тот период номенклатуры. Позиция экспертного совета была обусловлена следующими обстоятельствами.

Данной стадии работы предшествовал проведенный Экспертным советом по праву анализ подготовленных в предшествующие десятилетия монографических и диссертационных исследований, в которых формулировались предложения по изменению и совершенствованию системы права, выделению новых отраслей. Можно сказать, что в целом различными авторами были сформулированы идеи о выделении почти 90 новых отраслей права, например спортивного, образовательного, арктического права и т.д. В рамках существовавшей номенклатуры подобные предложения были объяснимы, поскольку появление новых сфер общественных отношений, субъектов, увеличившиеся и усложнившиеся связи между ними требовали правового урегулирования, делали малоэффективным, а порой и невозможным использование сложившихся правовых отраслевых инструментов, категорий, механизмов для воздействия на общественные процессы. В рамках прежней системы права, а также номенклатуры научных специальностей актуализация правовых исследований была невозможна. Сложилось твердое убеждение, что развитие системы права по пути постоянного увеличения отраслей с неизбежностью привело бы к чрезмерному дроблению

юридической науки, к тем негативным тенденциям, о которых говорилось ранее.

Этими обстоятельствами была обоснована позиция об объективной необходимости не оставлять номенклатуру неизменной, а пересмотреть ее путем укрупнения входящих в нее научных специальностей.

Одновременно было высказано довольно радикальное предложение вообще отказаться от деления системы права на отрасли, что свойственно целому ряду европейских государств, в которых исследования проводятся по комплексу правовых проблем, а ученая степень присуждается в соответствии с номенклатурой, в которой право находится, например, в одной группе с историей, социологией, философией и другими общественными дисциплинами. Думается, что переход к новой номенклатуре, с учетом объективной необходимости, современного этапа развития нашего общества, права, законодательства, сложившихся традиций дореволюционного, советского, российского права, подготовки научных работников, должен был носить постепенный характер, позволяющий завершить ранее начатые исследования, учесть особенности обучения в аспирантуре, докторантуре, опубликования результатов исследований в соответствующих журналах, формирования и функционирования диссертационных советов.

Интересным, но также не получившим поддержки стало предложение о распределении всех научных специальностей внутри единой номенклатуры на две части, соответствующие традиционному, исторически сложившемуся делению права на публичное и частное в различных правовых системах.

Оптимальным стало предложение об укрупнении научных специальностей с 15 до 5:

- 1) теоретико-исторические правовые науки;
- 2) публично-правовые (государственно-правовые) науки;
- 3) частноправовые (цивилистические) науки;
- 4) уголовно-правовые науки;
- 5) международно-правовые науки.

Именно этот вариант был обсужден и согласован с РАН, соответствующими заинтересованными министерствами, ведомствами, крупнейшими юридическими вузами и научно-исследовательскими институтами.

2021. № 8. С. 10–19 ; Грачева Е. Ю. Проблемы повышения качества диссертационных исследований по праву // Юридическое образование и наука. 2021. № 8. С. 19–25.

Безусловно, любая классификация несвободна от критики, поскольку не позволяет учесть всю сложность и многообразие связей и отношений.

В ходе дискуссий о структуре номенклатуры высказывалось несколько замечаний. Так, вполне обоснованно отмечалось, что уголовно-правовые науки, будучи выделенными в самостоятельную научную специальность 5.1.4, в то же время являются публичными по характеру.

Возражения экспертного совета были следующими. Формирование номенклатуры научных специальностей имеет целью не только определить тенденции дальнейшего развития юридической науки, ее приоритеты, методологию, но и создать основу для подготовки научных кадров, выполнения и защиты диссертационных исследований. Объединение всех публично-правовых наук в одну специальность представляется преждевременным, поскольку создает сложности не только для сдачи кандидатских экзаменов по специальности, но главное — для выбора и раскрытия темы исследования: предмет правового регулирования уголовно-правовых отраслей специфичен, тесно взаимосвязан со всеми без исключения отраслями права, т.к. в уголовном праве исследуются причины преступности, способы и методы противодействия ей, оно включает нормы, предусматривающие уголовную ответственность за нарушение отраслевых правовых норм, а также процессуальные нормы, методы проведения криминалистических экспертиз и др. Это позволяет названные науки не объединять с иными публично-правовыми науками, а выделить в самостоятельную специальность 5.1.4.

Дискуссии о структуре номенклатуры научных специальностей касались, в частности, таких наук, как предпринимательское право, энергетическое, экологическое, трудовое право, которые направлены на регулирование одновременно частных и публичных отношений, складывающихся в соответствующих сферах. Было предложено учесть специфику предмета регулирования данных отраслей при формулировании паспортов научных специальностей — публично-правовых (государственно-правовых) и цивилистических наук, в которых отразить названную специфику путем включения регулируемых отношений.

Предложенная номенклатура, сокращая количество научных специальностей, тем самым расширяет возможности ученых изучать актуальные проблемы правового регулирования отдельных, зачастую ранее не регламентированных правом сфер общественной жизни в современных условиях комплексно, во всех взаимосвязях, с учетом возможностей самых разных отраслей права, используя междисциплинарный подход, что направлено на получение наиболее точной научной оценки существующих проблем и, как следствие, выработку научно обоснованных решений, предусматривающих совокупность различных юридических форм и методов, разработку эффективного законодательства.

После утверждения новой номенклатуры важнейшим этапом стала разработка паспортов научных специальностей. Экспертный совет обосновал, что новые паспорта укрупненных групп специальностей не должны включать всю совокупность прежних паспортов, объем каждого из которых был не менее 1,5–2 печатных листов. Это не позволило бы отказаться от узости рассматриваемых и изучаемых тем, создало бы трудности для подготовки к сдаче кандидатских экзаменов, поскольку внимание акцентировалось бы не на глобальных, значимых, а на несущественных вопросах. Задача виделась в том, чтобы в паспортах отразить основные направления, тенденции, по которым предполагается ведение научных изысканий с учетом их комплексного, обобщенного, междисциплинарного характера, позволяющего исследователям сосредоточиться на фундаментальных, актуальных проблемах, а не на отдельных, частных вопросах.

Изменение номенклатуры повлекло за собой перерегистрацию диссертационных советов, которые формируются в соответствии с научными специальностями. Одновременно были изменены требования к составу диссертационных советов. Принятые меры в определенной степени расширили возможности вузов по созданию диссертационных советов, что и было реализовано на практике. Особенно значимыми данные меры оказались для вузов в районах Дальнего Востока, Сибири, поскольку позволили им сформировать диссертационные советы и создать тем самым потенциальные возможности для обучения в аспирантуре, подготовки и защиты диссертаций³.

³ См.: Пахомов С. И. Новая редакция номенклатуры научных специальностей и трансформация сети диссертационных советов // Юридическое образование и наука. 2021. № 8. С. 4–10 ; Он же. Переход к новой модели государственной научной аттестации: вызовы и перспективы // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 4–11.

Одним из условий защиты диссертации, а также ведения научно-исследовательской деятельности являются публикационная активность преподавателей, научных работников, опубликование результатов исследований в журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России. В соответствии с принятой номенклатурой была проведена масштабная работа по переоформлению данных изданий, а также по их категорированию, что имело основной целью создание собственной российской системы, заменяющей международные базы данных — Scopus и WoS. В настоящее время все названные журналы имеют соответствующую категорию, что важно для аспирантов, докторантов, а также занимающихся научной деятельностью, поскольку, например, соискателям докторских степеней необходимо иметь из требуемых как минимум 15 публикаций не менее пяти в журналах, имеющих категорию K1 или K2. Соискателям кандидатских степеней достаточно не менее трех публикаций в журналах любой категории.

Научная специальность 5.1.1

«Теоретико-исторические правовые науки»

В настоящее время значительно повысился интерес к фундаментальным наукам, что предполагает вывод российской системы образования на качественно иной уровень. На это прямо указал Президент РФ в послании Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 г.

Научная специальность 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки» пришла на смену 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве».

Теоретические и исторические дисциплины, как и отрасли юридической науки, занимали прочное место на прежнем этапе истории нашей страны. Они имели не только методологическое, но и важнейшее идеологическое значение.

Значение теоретико-правовой науки заключается в том, что она должна ответить на центральный вопрос государственно-правового бытия, откуда, куда, а главное — зачем эволюционирует тот или иной тип общества и государства, образуя для этого соответствующие правовые формы. Эти науки должны заниматься формированием смыслов, целеполаганием государственно-правового развития.

Отраслевые юридические науки в той или иной степени связаны законодательством. В этом смысле они ориентируются на проблемы, которые имеют место здесь и сейчас. Данное обстоятельство вольно или невольно сказывается на степени свободы научных исследований. Если юридическая наука целиком и полностью будет связана законодательством, то в таких условиях она не сможет развиваться. Скорее законодатель должен ориентироваться на разработки юридической науки. Но для этого ей надлежит выходить из пространственных, временных, фактологических и формальных законодательных рамок.

Начнем с теории государства и права. Некоторые авторы предлагали избавиться от теории государства и оставить только теорию права на том основании, что юристам государство будто бы и не нужно, пусть им занимаются политологи, а не юристы. Такой подход означал бы, что из сферы юридической науки исчезло бы государство как макрообъект для исследования. С этим невозможно согласиться, поскольку государство прежде всего правовой институт. Одна только немецкая юридическая наука внесла гигантский вклад в исследование государства как юридического феномена. Немецкие ученые-юристы и мысли не допускали о том, что государство юридической науке не нужно.

Все темы, которые традиционно относят к теории права, так или иначе связаны с государством: система законодательства, правонарушение, юридическая ответственность, правотворчество и пр. Даже вопросы правопонимания, которые воспринимаются как чисто академические, имеют для государства первостепенное значение, поскольку они связаны с монополией на формирование законодательства и применение легитимного принуждения. Думается, что разорвать право и государство можно исключительно умозрительно, но не практически. Да и как можно «разделить» правовое или социальное государство между правом и государством?

Но не только в этом состояла проблема. Отдельные ученые, причем довольно известные и авторитетные, призывали и вовсе отказаться от теории государства и права, которая казалась наследием советского подхода, явно страдавшего, по их мнению, этатизмом.

Другие писали, что теория государства и права имеет слишком сложный и абстрактный характер и вместо нее нужно ввести «Энциклопедию права». Причем ссылались на опыт дореволюционной России. Предлагался и такой

предмет, как «Теория правовой системы». Наряду с этим обосновывались отказ от теории права и необходимость вместо этого развивать самостоятельные юридические науки, имеющие и свой предмет, и свои методы исследования, например философию права, социологию права и догму права, с чем согласиться не представляется возможным. С учетом значимости названных юридических наук в настоящее время они также включены в паспорт специальности 5.1.1.

Несколько слов об истории права и государства. Негативное отношение советской исторической науки к дореволюционной России едва ли не автоматически вылилось в критическое отношение уже к советскому периоду. История в угоду политическому моменту приняла обвинительный, разоблачительный уклон, что необходимо было преодолеть.

Дискутировался вопрос об отнесении истории права к отраслевым юридическим наукам. При этом ссылались на зарубежный опыт. Например, история гражданского или уголовного права должна рассматриваться в рамках этих учебных курсов и соответствующих наук.

Вышеобозначенная позиция не представляется обоснованной. История права не должна носить мозаичный характер. Только цельная, всеобщая история возникновения и эволюции политических и правовых институтов дает возможность открывать закономерности их бытия, исследовать факторы, определяющие их развитие.

Если и есть у теории или истории своя специфическая область исследования, то она очень условная. Новая утвержденная номенклатура научных специальностей предельно четко разграничивает общую и отраслевую историю. История институтов — это предметная сфера отраслевых юридических наук, например история института соучастия в уголовно-правовой науке. Или трудовой договор в историческом контексте. Однако если речь идет о масштабной кодификации, реформах или каких-либо общих трансформациях государственно-правовой сферы, то этим должна заниматься историко-правовая наука. Разумеется, любая проблема имеет свою историю. Но определить ее отраслевую принадлежность новая номенклатура научных специальностей позволяет без труда.

В настоящее время историко-правовая наука нужна как никогда. Речь идет не только о противодействии фальсификации истории. Например, территория нашего государства пережила немало историко-правовых трансформаций. Данная тема ждет своих исследователей. Тер-

риториальные претензии к России нарастают. Между тем наука пока мало что дает полезного в части беспочвенности таких притязаний. Наоборот, это Россия может ставить территориальные вопросы. Но для этого необходима научно обоснованная историко-правовая аргументация. В этом вопросе не обороняться нужно, а наступать. Причем с железобетонными историческими и правовыми аргументами.

Развитие сотрудничества со странами — членами БРИКС, иными интеграционными объединениями обуславливает усиление внимания юридической науки не только к правовым системам названных стран, но и к их истории и культуре. Сотрудничество, дальнейшее развитие по пути интеграции должны быть обеспечены не фрагментарными исследованиями в рамках юридической компаративистики, отраслевых юридических наук, а как раз теоретико-историческими дисциплинами. Представляется, что историко-правовая наука сегодня должна быть востребована как никогда. Понять историю, смыслы, ценности, категории других социоправовых типов — задача более масштабная и практически важная, чем исследование отдельных институтов и проблем. Именно теоретико-исторические дисциплины направлены на понимание социокультурной природы права иных цивилизаций и стран.

Высказывались замечания и в части названия научной специальности. Почему она именована «теоретико-исторические», а не «историко-правовые юридические науки»? Основания для второго варианта есть: теоретизировать, обобщать можно только на конкретной исторической основе. Фактически с самого возникновения государства и права мы можем наблюдать попытки теоретического осмысления этих феноменов. Однако теория все-таки стоит на первом месте. И это правильно, поскольку теоретический уровень — это научный. Для названия научной специальности это имеет принципиальное значение.

«История» употребляется по меньшей мере в двух значениях. С одной стороны, под ней могут подразумеваться формирование и развитие разнообразных форм социального, более предметно — политико-правового, бытия. С другой стороны, история сложилась как одна из первых социальных наук.

Теоретический уровень отличается как от обыденного знания, так и от профессионального. В силу этого редакция названия научной специальности представляется вполне обоснованной.

Научная юридическая специальность 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки» занимает особое место в системе юридической науки. Это вытекает из ее методологического и междисциплинарного статуса. К сожалению, специализация научного знания самым негативным образом отразилась на интеграции юридических наук. Практически исчезли названия «смежные отрасли права», «смежные юридические науки». В настоящее время межотраслевые связи юридических наук практически разрушены. Отраслевые юридические науки переходят на собственное методологическое и категориальное обеспечение. Получается откровенно плохо.

На этом фоне направления научной специальности 5.1.1 перечисляются, начиная с главного — «Юридическая наука: проблемы объекта, структуры, функций». Так широко и глубоко проблема не обозначена ни в одной научной специальности группы 5.1 «Право». В данном случае имеет значение предметная область всей юридической науки как таковой. Редакционная постановка возлагает на теоретико-историческую правовую науку особую ответственность. Причем исторический контекст играет такую же важную роль, как и теоретический.

История любой науки — это во многом история ее методологии. Современная юридическая наука пребывает в методологической и смысловой неопределенности, а государственно-правовые институты фактически эволюционируют в ситуации дефицита знаний о самих себе.

В этих условиях научная специальность 5.1.1 призвана выполнить особую миссию. Отраслевые юридические науки в силу своей природы фрагментарно воспринимают правовую действительность. Фундаментальные же науки предназначены для того, чтобы структурировать, обобщать и объяснять сущность правовых явлений. Государственно-правовая действительность нуждается в целостном, максимально обобщенном восприятии.

Теория государства и права как самая абстрактная юридическая дисциплина должна работать над совершенствованием понятийного аппарата, применяемого в науке, юридическом образовании и на практике. Методологическая культура современных юристов оставляет желать лучшего. Не так хорошо, как хотелось бы, обстоит дело и с владением категориальным аппаратом. За это направление отвечает догма права, являющаяся одним из структурных элементов теории государства и права. Корректность использования правовых катего-

рий собственно юридическими науками только одна из проблем. Но есть и другая. Научные категории являются общими для всех наук без исключения. И когда в кандидатских, а теперь и в докторских, диссертациях «банкротство», «безопасность», «занятость», «цифровая среда» объявляются научными категориями, то ничего, кроме недоумения, это вызывать не может.

Еще одной специфической чертой теоретико-правовых наук является их методологический статус, поскольку методология и история всей правовой науки являются одним из направлений исследования.

Теоретико-исторические дисциплины — единственные, которые занимаются методологическими проблемами всей юридической науки. Опыт показывает, что диссертационные исследования в отраслевых юридических науках преимущественно ориентированы на решение прикладных проблем. Изменилась редакция статьи или закона, и вот уже появляется «новая» диссертация как ответ на перемены.

Иное дело, когда речь идет о теоретических, а тем более о метатеоретических (методологических), исследованиях. Создать теорию как высшую форму знания совсем не просто. Другое дело, что соискатели ученых степеней с неимоверной легкостью используют данную категорию. Употребление даже таких названий, как «доктрина», «концепция», «парадигма», ко многому обязывает. Экспертам ВАК при Минобрнауки России, правда, не всегда удается их обнаружить в диссертационных работах. Исследования в области методологии наук требуют особых качеств ученого.

Отличительной чертой теоретико-исторической правовой науки является то, что одним из направлений научных изысканий являются источниковедение и междисциплинарное взаимодействие.

Источниковедение, историография никогда не были сильными сторонами профессионального юридического образования. Между тем без овладения этими дисциплинами проводить исследовательскую работу сложно. Источниковедение отличается от библиографии. Отрадно, что оно появилось в паспорте научной специальности 5.1.1.

Междисциплинарность теоретико-исторических дисциплин органично вытекает из их природы. В качестве смежных выступают все научные специальности группы «Право»: 5.1.2, 5.1.3, 5.1.4, 5.1.5. В определенном смысле теоретико-исторические правовые науки интегри-

руют всю научно-правовую информацию, объективизируя ее в выявленных закономерностях, принципах права, юридических конструкциях и дефинициях. В естественных науках даже единичный факт может привести к открытию. Отраслевые юридические науки исследуют конкретную проблему. Теоретико-исторические правовые науки изучают коллективный правовой опыт. Только на его основе можно констатировать выявленные социальные тенденции и закономерности.

Теоретико-исторические правовые науки по-прежнему включают теорию государства и права, а также три истории: государства и права России; государства и права зарубежных стран; учений о праве и государстве.

При структурировании научной специальности были некоторые сложности. Хотелось в максимальной степени сохранить традиции, проверенные временем, поскольку без преемственности наука развиваться не может.

Особое место в паспорте научной специальности 5.1.1 занимает история учений о праве и государстве. Эту научную дисциплину создавали не просто ученые, а выдающиеся мыслители, оставившие о себе память в своих бессмертных творениях. Она более других юридических наук развивает аналитические способности, расширяет кругозор, дает возможность разбираться в сложных перипетиях политико-правовой реальности. В настоящее время эта наука особенно актуальна. Как говорится, «нет ничего практичнее хорошей теории». В современных условиях недопустимо противопоставление фундаментальных теоретико-исторических наук и практики. Их взаимопроникновение, взаимосвязь, взаимодополнение есть важнейшее условие разрешения стоящих перед обществом проблем.

Научная специальность 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

Изменение номенклатуры научных специальностей — перманентный процесс, отражающий постоянное появление новых знаний, возникновение иных общественных потребностей и, как следствие, уточнение направлений проводимых исследований. Не являются исключением и юридические, в частности публично-правовые, науки.

Если говорить конкретно о науках государственно-управленческого профиля, то прежде

всего нужно указать следующее. Во второй половине 1960-х гг. в связи с распространением кибернетических принципов на государственное управление начал формироваться широкий подход к этому процессу. Стало очевидно, что субъектами государственного управления являются не только исполнительные и распорядительные органы, что декларировалось раньше, но и представительные органы как на союзном и республиканском, так и на местном уровне, а также суд, банк, прокуратура, адвокатура, иные общественные организации. В этой связи при исследовании юридических аспектов государственного управления приходилось обращаться к положениям ряда отраслей публичного права.

Это явилось одной из основных причин образования в 1972 г. действовавшей до 2000 г. комплексной научной юридической специальности 12.00.02, включавшей государственное (ныне — конституционное) право; административное право; финансовое право; советское строительство (в том числе организацию и деятельность местных органов), а до 1978 г. — также прокурорский надзор, судопроизводство, адвокатуру. Интересно, что наряду с указанными отраслями в данную специальность входило и государственное управление.

Казалось бы, уже в 1972 г. в указанной научной специальности были представлены и государственное управление, и административное право. Очевидно, что уже в начале 1970-х гг. разработчики номенклатуры юридических научных специальностей понимали необходимость разделения соответствующих понятий. Это должно было способствовать развитию исследований государственно-управленческой деятельности и иных субъектов, нежели только исполнительные и распорядительные органы.

Сложившийся у ученых, в том числе юристов, подобный подход к сущности государственного управления в полной мере вписался в концепцию модернизации Российского государства и совершенствования его правовой системы. Всё это привело в конце концов к отказу в Конституции РФ 1993 г. от терминов «государственное управление» и «органы государственного управления», т.е. фактически от узкого понимания государственного управления. Государственным управлением официально стала признаваться совокупная деятельность всех ветвей власти и иных государственных органов, другими словами, оно стало трактоваться в широком смысле. В этой связи термин «государственное управление», наряду с «админи-

стративным правом», существовал в паспорте специальности 12.00.02 только до 1995 г. и, потеряв актуальность с фактическим признанием широкого подхода к государственному управлению, был упразднен.

Впрочем, созданная интегральная специальность публично-правовых дисциплин 12.00.02 уже со второй половины 1990-х гг. вошла в определенное противоречие с Конституцией РФ. Ведь произошло разделение органов государственной власти на три ветви (ст. 10), а также отлучение органов местного самоуправления от системы органов государственной власти (ст. 12). Это серьезно осложнило изучение в рамках одной научной специальности вопросов, относящихся к разведенным таким образом структурам, что к тому же усугублялось значительным расширением объема соответствующих юридических исследований.

В этих условиях начался постепенный обратный процесс — дифференциация юридических наук. В номенклатуре специальностей научных работников, утвержденной в 2001 г., в разделе юридических наук, уже предусматривалась узкая специализация: 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право»; 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения»; 12.00.06 «Природоресурсное право; аграрное право; экологическое право»; 12.00.11 «Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура»; 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право».

В номенклатурах 2012 и 2017 гг. произошла дальнейшая дифференциация юридических наук. Например, в 2012 г. единая публичная специальность 12.00.14 была разбита на три специальности: 12.00.04 «Финансовое право; налоговое право; бюджетное право»; 12.00.13 «Информационное право»; 12.00.14 «Административное право; административный процесс». Конечно, названные три специальности, отпочковавшиеся от единой основы, не были исключением. Практически во всех юридических науках появились центробежные устремления к образованию новых самостоятельных специальностей и к созданию соответствующих диссертационных советов. Так, в структуре единой научной специальности 12.00.07,

помимо корпоративного и энергетического права, в 2018 г. появилось конкурентное право. Причем в том же году Минтранс России предлагал еще больше расширить данную специальность, дополнив ее новой областью исследования — транспортным правом, что, к счастью, Экспертному совету по праву ВАК при Минобрнауки России удалось пресечь⁴. Аргументы, в частности, сводились к отсутствию единства в различных его видах, а также в невозможности рассмотрения вопросов транспортного права в изоляции от других отраслей юридической науки. Некоторое время назад в Московском автомобильно-дорожном государственном техническом университете была даже создана кафедра для изучения и преподавания широкого спектра юридических проблем, свойственных всем видам транспорта, с экстравагантным названием «Кафедра транспортной юриспруденции». Ничего из задуманного не получилось. Все дисциплины кафедры, за исключением нескольких специальных курсов, причем относящихся только к автомобильному транспорту, в конце концов стали читаться в рамках традиционных юридических предметов.

Не получило поддержки предложение о выделении банковского права в наименование научной специальности 12.00.04 «Финансовое право, налоговое право, бюджетное право». Экспертный совет по праву ВАК при Минобрнауки России также посчитал подобную постановку вопроса преждевременной⁵.

С немалым трудом ВАК при Минобрнауки России предотвратила образование и специальности по таможенному праву. Удалось доказать, что соответствующие работы с успехом защищались по уже существовавшим специальностям, в том числе 12.00.14.

Здесь уместно сослаться на мнение И. М. Мацкевича и Н. А. Власенко о том, что «именно мотивы отклика на динамику постоянных изменений лежали в основе выделения специальности 12.00.13 «Информационное право»; модернизации специальности 12.00.07 «Корпоративное право; конкурентное право; энергетическое право»»⁶.

Впрочем, ни объективные потребности в тех или иных направлениях исследований, ни

⁴ Мацкевич И. М., Власенко Н. А. Номенклатура и Паспорт научных специальностей по юриспруденции : сборник документов и иных материалов. М. : Проспект, 2019. С. 137–149.

⁵ Мацкевич И. М., Власенко Н. А. Указ. соч. С. 104–112.

⁶ Мацкевич И. М., Власенко Н. А. Указ. соч. С. 94.

тем более соответствующие инициативы научного сообщества или заинтересованных государственных органов сами по себе, без учета особенностей изучаемых явлений (в праве — общественных отношений), без возможностей необходимой организации научной деятельности, не могут обеспечить системно-структурную оптимизацию исследовательского процесса.

Выше отмечалось, что в 2018 г. в состав научной специальности 12.00.07 «Корпоративное право; энергетическое право» введена новая отрасль — конкурентное право. В целом по этой специальности за последующие годы были защищены лишь несколько кандидатских диссертаций: работы по проблематике правового регулирования антимонопольной деятельности продолжали защищаться по имевшимся ранее, традиционным юридическим научным специальностям — 12.00.03 и 12.00.14. Логика здесь достаточно проста. Зачем соискателям создавать себе проблемы и писать диссертации по конкурентному праву, если в паспорте «раскрученной» научной специальности 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» есть такая область исследования, как предпринимательское право, в содержание которой входят доминирующее положение предпринимателя на товарных и финансовых рынках; антимонопольный контроль за экономической концентрацией на рынках; особенности заключения, изменения и расторжения сделок, требующих предварительного согласия антимонопольного органа.

Ко всему прочему большинство диссертаций, написанных, казалось бы, по узким специальностям, неизбежно затрагивали и другие отрасли права, поскольку юридические науки в целом интегрируются. Более того, многие юридические диссертации фактически относились к двум научным специальностям и должны были защищаться в диссертационном совете, куда вводились специалисты из других советов. Это серьезно осложняло организацию их защиты. Например, традиционно в рамках административного права изучаются вопросы административно-правового принуждения. Усложнение процесса государственного управления неизбежно обусловило применение принудительных методов, в том числе назначение наказаний, в других отраслях публичного права, в частности в финансовом праве. Без объединения соответствующих исследований эффективно получить результаты невозможно. С учетом

конституционного понимания допустимости ограничения прав и законных интересов граждан подобные исследования неосуществимы также вне этой отрасли публичного права.

В связи с расширением числа субъектов, наделенных внешними властными полномочиями, особенно контрольно-надзорного характера, а также появлением различных форм собственности и осуществлением управленческими подразделениями соответствующих структур контрольных функций стали развиваться исследования, направленные на совершенствование контрольно-надзорного механизма, причем не только в различных публично-правовых отраслях, но и в частноправовой сфере. Ввиду того что вопросы контроля и надзора традиционно изучались в основном в рамках административного права, во-первых, развитие подобных административно-правовых исследований обусловило их интеграцию с исследованиями в других публично-правовых, а зачастую даже в частноправовых науках, а во-вторых, такие науки неизбежно впитывали административно-правовые подходы.

Как показывает анализ диссертаций, много общего отмечается в работах, связанных с регулированием охраны окружающей среды, природопользования, земельных отношений, изучением правовых проблем градостроительства, обеспечения экологической безопасности и др.

Наконец, интеграция научных исследований во всех отраслях права обусловлена в настоящее время также невозможностью их осуществления без применения современных информационно-компьютерных технологий, продуктов цифровизации, в том числе элементов искусственного интеллекта, т.е. без использования данных, полученных в информационном праве. Однако при этом неизбежен и обратный интеграционный процесс. Дело в том, что и самому информационному праву необходимо изучать свои закономерности, разрабатывать собственные формы, методы и приемы не в каких-либо абстрактных научных системах, а непосредственно в конкретных отраслях права. В этой связи происходит мощное проникновение результатов исследований этих отраслей в информационное право.

Подобных примеров можно привести еще немало. С учетом этого появилась необходимость и новой интеграции научных специальностей с целью комплексного, всестороннего подхода к исследованиям. При этом важнейшей предпосылкой для укрупнения публич-

ных юридических наук послужило введение в Конституцию РФ части 3 ст. 132, определившей вхождение органов местного самоуправления и всех органов государственной власти в единую систему публичной власти в Российской Федерации. Ведь ряд вопросов, изучаемых ранее в различных отраслях права (конституционном, административном, муниципальном, финансовом, земельном и др.), потребовал теперь обязательного интеграционного рассмотрения. К таким проблемам следует отнести правовое регулирование осуществления публичной власти, организацию публичного управления, публичный контроль и надзор, публичные финансы, правовое регулирование публичной финансовой деятельности, регулирование охраны окружающей среды, природопользования, земельных отношений, публичную службу и многое другое.

В целом просуществовавшая 20 лет номенклатура научных специальностей, исчерпав себя, перешла на следующий виток спирали. Если говорить конкретно о публично-правовых науках, то в паспорте новой специальности 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» направления всех исследований, во-первых, представлены единым списком (30 пунктов), без разбивки на самостоятельные правовые дисциплины. Во-вторых, они сформулированы во многих случаях либо вообще без привязки к тем или иным конкретным публично-правовым дисциплинам, либо с привязкой одновременно к нескольким. Например, пункт 2 паспорта специальности 5.1.2 сформулирован как «Правовая природа и принципы публичной власти, правовое регулирование ее осуществления. Система публичной власти. Организация публичной власти и публичного управления. Институты публичной власти и публичного управления. Публичная власть и гражданское общество». Пункт 15 — «Принуждение в публичном праве, в том числе конституционно-правовое, административно-правовое, финансово-правовое принуждение». Пункт 16 — «Публичный контроль и надзор в публично-правовой и частно-правовой сферах». Пункт 20 — «Правовая природа публичных финансов и правовое регулирование публичной финансовой деятельности. Государственная и муниципальная казна». Пункт 26 — «Правовое регулирование использования информационных (цифровых) технологий при осуществлении публичной власти и в публичном управлении». Пункт 27 — «Публично-правовое регулиро-

вание охраны окружающей среды, природопользования, земельных отношений и градостроительства, обеспечения экологической безопасности». Пункт 30 — «Государственная и муниципальная служба».

Подобные изменения произошли не только с юридическими, но и с иными, гуманитарными, экономическими, естественно-научными и прочими специальностями. Это, видимо, неизбежно: как уже отмечалось, идут интеграция научных знаний и, как следствие, сближение предметов научного исследования.

Процесс дифференциации научных специальностей, в том числе юридических, начался с середины 1990-х гг., достигнув к концу второго десятилетия нынешнего века состояния, которое стало противоречить реалиям времени. В этих условиях старая номенклатура научных специальностей, исчерпав себя, перешла на следующий виток спирали. В частности, в новой номенклатуре специальность 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» очень напоминает юридическую специальность 12.00.02. Все вопросы, входившие в ту специальность, теперь отнесены к единой специальности 5.1.2. Таким образом, очевидна невероятная близость содержания существовавшей несколько десятилетий назад специальности 12.00.02 и новой специальности 5.1.2. Для начала очередного витка спирали потребовалось 50 лет. Никуда не деться от ее величества диалектики!

Научная специальность 5.1.3

«Частно-правовые (цивилистические) науки»

В настоящий момент она включает направления исследований, которые ранее составляли целый ряд специальностей ранее действовавшей (до 2021 г.) номенклатуры научных специальностей, а именно: 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право», 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения», 12.00.06 «Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право», 12.00.07 «Корпоративное право; конкурентное право; энергетическое право», 12.00.13 «Информационное право», 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс».

Это создавало первую значительную сложность при изложении содержания новой специальности (паспорта специальности) с точки

зрения наиболее полного охвата различных вопросов при описании предметных областей (направлений) исследований, однако не единственную. Во-первых, еще в момент действия прежней номенклатуры специальностей выдвигались различные предложения по ее уточнению, причем прежде всего за счет специальности 12.00.03 и создания новых, довольно узких (иначе говоря, углубленных) специальностей, как то: банковское, медицинское, спортивное право и пр. Надо сказать, что частично эти предложения нашли реализацию при создании новой специальности 12.00.07, которая сначала включала вопросы, относящиеся к корпоративному и энергетическому праву, а затем к ним добавились еще и вопросы так называемого конкурентного права. Однако опыт создания именно этой последней по счету в старой номенклатуре (в части юридических наук) специальности на фоне обсуждения вопросов измельчания тем диссертационных исследований, упиравшихся в жесткие рамки описания конкретной специальности, окончательно показал, что дальнейшее развитие научных специальностей по юридическим наукам в направлении выделения отдельных узких специальностей не имеет перспективы и негативно сказывается на подготовке диссертационных работ соискателями. Нельзя не отметить, что при введении узких специальностей аргументация часто заключалась в том, что сосредоточение узких предметных областей в рамках одной специальности, замкнутой на какое-то очередное «право» (в названии совокупности таких областей), приведет к росту числа исследований, повышению их качества. Жизнь показала обратное: исследований больше не стало, а узость предметных областей (в случае со специальностью 12.00.07 — и еще разнородность этих предметов, ибо сказать, что роднит корпоративное, энергетическое и конкурентное право, совершенно невозможно) не привела к росту соответствующих углубленных исследований, часть их содержания по-прежнему составляли вопросы общего характера. Во-вторых, стояла двуединая задача: сохранив преемственность с прежними паспортами специальностей, которые вобрала в себя новая специальность 5.1.3, указать наиболее перспективные, учитывающие задачи стратегического развития страны направления.

С учетом этого и общей задачи отойти от описания различных «прав», сосредоточившись

на указании направлений исследований, которые охватывали бы круг предметных областей соответствующей специальности, и создавалось новое содержание (паспорт) научной специальности 5.1.1 «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Для подготовки паспорта указанной специальности была создана рабочая группа Экспертного совета по праву ВАК при Минобрнауки России, которая представила проект, в максимальной степени учитывающий вышеуказанные задачи. В результате в проекте паспорта были укрупненно выделены блоки направлений исследований (предметных областей), позволяющие соискателям ученой степени в ходе работы над диссертациями максимально реализовать свой потенциал, не замыкаясь в узких рамках формулировок паспорта, с оглядкой на то, не вышли ли они за рамки специальности.

После подготовки проекта нового паспорта состоялось его обсуждение среди членов Экспертного совета по праву ВАК при Минобрнауки России, которое было критически важным для сопряжения предлагаемых направлений научных исследований (предметных областей) в новом паспорте с проектами паспортов иных научных специальностей по юридическим наукам. Оно показало, что при создании паспортов новых специальностей в целом удалось решить поставленные задачи, а также разграничить предметные области различных направлений научных исследований; при этом было принято важное решение о том, что для нового паспорта научной специальности 5.1.3, как и для иных паспортов, смежными являются все иные специальности (5.1.1, 5.1.2, 5.1.4, 5.1.5). Следует отметить дискуссию о разделении предметных областей между паспортами специальностей 5.1.3 и 5.1.5 «Международно-правовые науки». В частности, рассматривалось предложение по интеграции вопросов международного публичного права и международного частного права в рамках одной специальности 5.1.5. Такая идея была справедливо отвергнута абсолютным большинством членов Экспертного совета по праву ВАК при Минобрнауки России. Действительно, при всей привлекательности на первый взгляд этой идеи (а у нее есть сторонники среди специалистов в области международного права) создание единой специальности вызывает обоснованные сомнения, поскольку вопросы, которые входят в международное публичное и международное частное право, имеют радикальные различия.

После одобрения в рамках рабочих групп Экспертного совета по праву ВАК при Минобрнауки России всех паспортов научных специальностей они были размещены на сайте для публичного обсуждения. В ходе него поступило значительное количество замечаний от ведущих научных и образовательных центров Российской Федерации, ряда государственных академий наук, государственных органов, а также иных заинтересованных лиц. Частично эти замечания были учтены. Однако многие из них поддержки не нашли: ряд замечаний представлял излишнюю, с точки зрения разработчиков нового паспорта специальностей, детализацию при описании предметных областей (например, в части исследований в области энергетики, правового положения отдельных субъектов, особенностей участия в процессе ряда субъектов, осуществления отдельных видов деятельности (предпринимательской) и т.д.). Отдельные замечания были направлены фактически на сохранение логики изложения ранее действовавших паспортов (узкоотраслевого подхода), в том числе предложения не об описании отдельных укрупненных блоков направлений исследований, а о выделении тех или иных «прав». Часть замечаний не носила конкретного характера, а представляла собой «соображения по теме».

Оценивая содержание нового паспорта специальности 5.1.3, хотелось бы сделать следующие важные выводы.

Новый паспорт в полной мере обеспечил преемственность с основными положениями тех ранее действовавших паспортов специальностей, части которых были использованы при его создании. Основные предметные области (направления исследований) касаются горизонтальных отношений, которые в доктрине относятся к сфере частноправовых исследований. При этом в целях сохранения преемственности в качестве принципиального решения выступает некоторое «вкрапление» публично-правовых элементов, прежде всего в описании направлений исследований, касающихся разного рода экономической (в первую очередь предпринимательской) деятельности; так, в новом паспорте сохранилось упоминание о государственной политике и государственном регулировании в сфере предпринимательства, государственной поддержке предпринимательства, иных форм экономической деятельности. Удалось содержанием паспорта охватить и новые, перспективные направления исследований (частно-

правовые аспекты применения биотехнологий, информационных (цифровых) технологий, в том числе искусственного интеллекта).

К тематике общего характера отнесены вопросы предмета и метода отрасли права, ее источников, характеристик соответствующих правоотношений, включая основания их возникновения и дальнейшую динамику, вопросы истории, правового положения субъектов, в том числе наличия иностранного элемента в том или ином правоотношении, и т.д. Например, вопросы международного гражданского процесса и международного коммерческого арбитража относятся к межотраслевым (междисциплинарным) и не имеют ярко выраженной отраслевой принадлежности. Поэтому они могут рассматриваться как путем исследования процессуальных аспектов соответствующей проблематики, так и в рамках науки международного частного права на основе цивилистической методологии. Таким образом, наличие иностранного элемента или процессуальной составляющей по любой тематике, отнесенной к предмету исследования каждой из подотраслей цивилистического направления, позволит готовить диссертации межотраслевого характера специалистам соответствующей сферы правовой науки.

То же самое касается новых сфер общественных отношений, которые становятся объектом правового регулирования и научного исследования, например правовые вопросы спорта, медицины, энергетики, инвестиций и т.д. Наличие в них цивилистической или процессуальной составляющей либо включение иностранного элемента позволит проводить исследования на основе общей формулы специальности 5.1.3 с учетом специфики методологии в рамках объекта и предмета исследования.

Составной частью специальности стали частноправовые отношения, являвшиеся предметом специальности 12.00.06 (в части сделок с землей и ряда иных). Часть указанной специальности «Аграрное право» практически полностью вошла в область исследований «Предпринимательское право».

«Корпоративное право» — часть специальности 12.00.07, ранее искусственно и необоснованно выделенная из специальности 12.00.03, — также стало составляющей новой специальности 5.1.3 (все вопросы внутри этой специальности носят частноправовой характер).

Большая часть вопросов, составлявших область исследований «Энергетическое право»,

также вошла в новую специальность (за исключением вопросов публично-правового характера).

Как думается, подход, которого придерживались разработчики паспорта специальности 5.1.3, создал условия для проведения исследований интегративного характера и подготовки соответствующих диссертаций учеными-юристами, которые не были бы связаны узкими отраслевыми рамками, ограничивающими научный поиск. В юридической науке возникает всё больше проблемных вопросов, которые не имеют четкого и ясно выраженного места в системе специальностей, поскольку зависят от характера и содержания исследования и поэтому носят межотраслевой (междисциплинарный) характер. Например, к их числу относятся такие вечные темы, как принципы, правоотношения, субъекты, юридические факты, ответственность, санкции и т.д., — список таких вопросов значителен. В целом ряде научных специальностей выделяются пересекающиеся сферы научных исследований, отраслевая принадлежность которых в рамках соответствующей специальности может быть определена только с учетом избранного направления исследования. Ограничивать многие межотраслевые вопросы рамками одной специальности было бы неверно с точки зрения развития междисциплинарных комплексных исследований, которые позволяют рассмотреть соответствующую проблематику всесторонне и более полно с учетом избранной диссертантом методологии.

Расширение круга вопросов, входящих в область исследования той либо иной отрасли юридической науки, характерно практически для всех ее сфер, поскольку носит объективный и необратимый характер в условиях новых политических и социально-экономических реалий. Это свойственно всем отраслям российского права, включая право гражданское и связанные с ним отрасли, в том числе право семейное, международное частное и процессуальное. Возврат к существовавшим в прошлом границам научных специальностей вряд ли целесообразен объективно, поскольку невозможно остановить естественное развитие науки, усиление ее специализации, расширение сферы и углубление исследований, отражающие те процессы, которые происходят в правовой системе как нашей страны, так и подавляющего большинства других государств. Таким образом, в конкретную научную специальность включаются новые сферы, и в то же время ис-

следования по традиционной проблематике приобретают новое качество в связи с изменением отдельных элементов правовой системы, поэтому в паспорте вынесены за скобки и выделены в качестве общих все те вопросы, которые так или иначе попадают в любую из отраслей цивилистической науки через общую формулу специальности, и те вопросы, которые отнесены к общему объекту исследования в рамках специальности 5.1.3.

Изложенный подход, как представляется, позволит уйти от сугубо догматических споров о том, к какой специальности относится та или иная научная проблема и создать условия для развития междисциплинарных исследований.

Научная специальность 5.1.4

«Уголовно-правовые науки»

В число методологических проблем, вставших перед юридической наукой, вошла существующая дифференциация научных специальностей. Разделение смежных отраслей юридической науки, с одной стороны, отдалило диссертационные исследования, проводимые по разным научным специальностям, несмотря на близость предмета исследования, с другой стороны, привлекало научных работников к решению задач, предмет которых лежал в смежной области. Как раз в тех случаях, когда предмет исследования находится в точке соприкосновения разных направлений научных изысканий, накапливаются новые знания.

Установление связи и взаимодействия между смежными отраслевыми юридическими науками позволило сформулировать новую научную специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки». Она обладает внутренней логической структурой, проявляющейся во взаимосвязи ее элементов. Построение паспорта новой научной специальности, определение его внутренней структуры стало возможным благодаря выделению фундаментальной правовой категории, без взаимосвязи с которой не могут быть определены другие понятия, влияющие на предметы отраслевых юридических наук. Это «преступление». Именно преступление является тем социальным феноменом, отдельные стороны которого образуют предметы отраслевых юридических наук, включенных в паспорт научной специальности 5.1.4.

Переходя к отраслевым наукам, включенным в состав новой научной специальности, мы

в первую очередь обращаем внимание на науку уголовного права. Она определяет содержание феномена «преступление», объединяющего отраслевые уголовно-правовые юридические науки. Помимо преступления, наука уголовного права изучает институт наказания, социальное и юридическое содержание и назначение уголовного права, тенденции его развития, направления совершенствования уголовного закона и практики его применения и др. С учетом того что одной из задач уголовного закона является предупреждение преступлений, предмет науки уголовного права включает исследование роли уголовного законодательства в борьбе с преступностью и предупреждении преступлений.

Предметом науки уголовного процесса является уголовно-процессуальная деятельность, изучаемая через призму уголовно-процессуального права. Уголовно-процессуальная деятельность, отдельные ее закономерности по своему содержанию представляются реализацией уголовного законодательства, иными словами, его жизнью. Всё это отражает связь наук уголовного права и уголовно-процессуального права. Основой этой связи является социальный феномен «преступление», обращение к которому не означает совпадения предметов уголовного права и уголовно-процессуального права, содержание которых отражает разные аспекты исследуемого явления, а его изучение преследует различные цели. Например, закономерности при вынесении приговора выступают предметом науки уголовного процесса и уголовного права в силу того, что вынесение приговора — стадия применения не только уголовно-процессуального законодательства, но и уголовного закона. Необходимо обратить внимание и на взаимосвязь уголовного процесса с криминалистикой и оперативно-розыскной деятельностью. Закономерности, лежащие в плоскости науки уголовно-процессуального права, взаимосвязаны с закономерностями, прослеживаемыми в рамках криминалистики и оперативно-розыскной деятельности.

Обращаясь к науке уголовно-исполнительного права, мы обнаруживаем тесную связь с предметом науки уголовного и уголовно-процессуального права. Предмет науки уголовно-исполнительного права охватывает общественные отношения в сфере исполнения наказания: применения иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных уголовным законодательством, использования средств исправления осужденных и т.д. Наблюдается

взаимосвязь наук уголовно-исполнительного права и уголовного процесса. Например, исполнение приговора охватывает группы общественных отношений, которые являются объектами наук уголовно-процессуального права и уголовно-исполнительного права. Безусловна связь науки уголовно-исполнительного права с криминологией: она лежит в области совместного предмета, а именно предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Отдельные закономерности в процессе исполнения наказания становятся предметом исследования не только науки уголовно-исполнительного права, но и оперативно-розыскной деятельности.

Следующей составляющей данной научной специальности является криминалистика. Безусловна связь криминалистики и уголовного права. Она просматривается через формулировки признаков составов преступлений, которые определяют средства криминалистической техники, разработку методик установления и фиксации следов преступления, частных методик расследования. Теория доказательств и порядок проведения следственных и судебных действий отражают взаимосвязь криминалистики и уголовного процесса. Именно процессуальные науки исследуют условия и пределы применения криминалистических рекомендаций по использованию криминалистических средств, приемов, методик.

Существует связь криминалистики и криминологии. Криминалистика насыщает криминологию данными о способах и орудиях совершения преступлений, об особенностях лиц, их совершивших. Криминалистическая информация, накапливаемая в ходе расследования преступлений одной категории, позволяет получать обобщенный комплекс данных, например о лицах, совершающих преступления. Информационные массивы позволяют построить криминологическую характеристику преступности того или иного вида, что, безусловно, ложится в основу разработки системы мер предупреждения преступлений.

Здесь необходимо сказать об одном из направлений предупреждения преступлений — криминалистической превенции. Исследователи обращают внимание на криминалистическую превенцию преступлений, представляющую собой систему мер, направленных на своевременное обнаружение подготавливаемого или совершаемого преступления в целях его предотвращения, а также обеспе-

чения его выявления, раскрытия и расследования. Установление обстоятельств, которые способствуют приготовлению и совершению преступлений, также входит в сферу криминалистического предупреждения преступлений, обеспечивая тем самым противодействие их совершению.

Необходимо констатировать и близость криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности. Изначально теория оперативно-розыскной деятельности рассматривалась как часть криминалистики. Это определило совпадение объектов изучения — преступная деятельность различных видов и деятельность по ее раскрытию и расследованию. Много общего в тактике и методике проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Безусловна связь теории оперативно-розыскной деятельности и криминологии. Категории криминологии, отражающие закономерности и тенденции преступной деятельности, ее детерминанты, особенности личности преступника, оказывают непосредственное влияние на организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности. Например, в теории оперативно-розыскной деятельности для разработки оптимальной организации и тактики данной деятельности используется оперативно-розыскная характеристика различных преступлений. В качестве ее основных элементов выступают характер преступлений определенной категории, способы их совершения и сокрытия, характеристики личности преступника и жертвы. Другие элементы подпадают под уголовно-правовую или криминалистическую характеристику преступления, включая способы совершения и сокрытия. Имеют значение личности преступника и жертвы. Всё изложенное показывает взаимосвязь предметов отраслевых уголовно-правовых наук.

Анализ диссертационных исследований в области оперативно-розыскной деятельности показывает, что положения, выносимые на защиту, включают уголовно-правовую характеристику тех или иных групп преступных деяний, криминологическую характеристику в части признаков личности виновных лиц, признаков потерпевших, динамику и тенденции преступлений, механизм совершения конкретного преступления, комплекс причин и условий, детерминирующих преступную деятельность.

В паспорт научной специальности включена судебная экспертология, которая является самостоятельным научным направлением, имею-

щим свою теорию и методологию. Предметом судебной экспертологии являются закономерности судебно-экспертной деятельности. Наиболее тесно судебная экспертология связана с криминалистикой: это две родственные, но обладающие самостоятельным предметом отраслевые науки. Судебная экспертология также близка к уголовно-процессуальному праву и его теории.

Правозащитная и правоохранительная деятельность также включена в паспорт научной специальности. Предметом научного направления, посвященного правозащитной деятельности, являются ее общие закономерности как единого комплекса взаимосвязанных государственных и негосударственных организаций, отдельных лиц и юридических средств, с помощью которых эффективно и качественно осуществляется защита прав и законных интересов людей и их объединений в сфере уголовного судопроизводства. Теория правозащитной деятельности в контексте паспорта научной специальности тесно связана с теорией уголовного права и уголовного процесса, теорией оперативно-розыскной деятельности и теорией уголовно-исполнительного права.

Теория правоохранительной деятельности как направление уголовно-правовой науки имеет своим предметом различные закономерности, возникающие в процессе формирования и развития правового регулирования деятельности системы субъектов в сфере борьбы с преступностью, закономерности в области формирования их полномочий, координации их усилий. Безусловна связь этого научного направления с криминалистикой и уголовным процессом, судебной экспертологией и теорией оперативно-розыскной деятельности, исследованиями в области исполнения наказания и предупреждения преступлений.

Все вышеприведенные рассуждения позволяют судить о взаимосвязи отраслевых юридических наук, объединенных в настоящее время паспортом научной специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки».

Верность принятого решения обосновывается тем, что в настоящее время сложно разграничить предметы отраслевых юридических наук, основным объектом которых выступают преступление и все закономерности, связанные с ним, что обусловило взаимопроникновение, интеграцию уголовно-правовых наук. Категория преступления является и исходным пунктом, и конечным результатом. Исходный

пункт — первоначальное его абстрактное определение, а конечный результат — конкретное содержание данного понятия, определяемое совокупностью его компонентов, являющихся предметом отраслевых уголовно-правовых наук. Преступление как объект изучения находится в фокусе внимания многих наук, но это означает не полное совпадение предметов их исследования, а их взаимосвязь.

Концептуальную основу взаимосвязи отраслевых уголовно-правовых наук составляет уголовная политика, которая позволяет посмотреть на паспорт научной специальности не только как на комплекс отраслевых уголовно-правовых наук, но и как на сложную структуру. Сложная внутренняя структура предмета каждой отраслевой юридической науки затрудняла формирование лаконичного паспорта научной специальности, побуждая составителей расширять формулу паспорта, включать отдельные стороны предметов юридических наук. Это, впрочем, звучало и в предложениях научных и образовательных организаций.

Таким образом, можно констатировать логические связи между основными понятиями уголовно-правовых наук, вошедших в новую научную специальность. Они отражают единство и разнообразие правовых категорий уголовно-правовых наук.

Научная специальность 5.1.5 «Международно-правовые науки»

Среди пяти научных специальностей в рамках группы «Право» важное место занимает специальность 5.1.5 «Международно-правовые науки».

При разработке паспорта специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки» и определении его концепции рабочая группа Экспертного совета по праву ВАК при Минобрнауки России исходила из необходимости сохранения преемственности и дальнейшего развития тех идей и ключевых положений, которые были заложены в паспорте специальности 12.00.10 «Международное право; европейское право», существовавшей в рамках ранее действовавшей номенклатуры научных специальностей. При этом следовало исходить из того, что паспорт специальности 5.1.5 должен отразить актуальные проблемы и основные перспективные направления научных исследований в международно-правовой сфере с ориентиром

на междисциплинарность предпринимаемых диссертационных исследований в отечественной юридической науке.

Содержанием специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки» являются исследование системы международно-правовых норм (норм международных договоров, международно-правовых обычаев, положений «мягкого права»), регулирующих отношения между государствами, международными межправительственными организациями и иными субъектами международных отношений, изучение международно-правовых идей, принципов, понятий, категорий, концепций, характеризующих сущностные особенности международного права, включая и право региональных интеграционных организаций, а также целей, методов и механизмов международно-правового регулирования.

Как известно, паспорт ранее действовавшей научной специальности 12.00.10 включал *два основных компонента, посвященных соответственно проблематике международного и европейского права*. Указанный подход отвечал самому названию действовавшей тогда научной специальности 12.00.10 «Международное право; европейское право» и отражал актуальность и необходимость, диктуемую временем, более детального и системного исследования вопросов, связанных с европейским правом в широком смысле этого термина (право Совета Европы, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и Европейского Союза).

В паспорте специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки» нашла отражение актуальная тенденция формирования и развития *права региональных интеграционных организаций (интеграционного права)*. В современных международных отношениях одновременно присутствуют два диалектически взаимосвязанных явления: глобализация и регионализация. Если глобализация — в значительной степени процесс экономической, политической, социокультурной интеграции и унификации во всемирном масштабе, то регионализация представляет собой производную от глобализации тенденцию всё более интенсивного сотрудничества в рамках определенного регионального пространства. Совершенно понятно, что эти направления в развитии международных отношений проявляются и в процессах, характеризующих современное международное право.

Проблематика правового обеспечения интеграционных процессов является одной из наиболее актуальных в современном международном праве в связи с тем, что абсолютное большинство государств мира входят в те или иные интеграционные образования.

Несмотря на достаточно большое количество публикаций по интеграционной тематике, нельзя однозначно сказать, что в отечественной международно-правовой науке решены основные теоретические проблемы правовой природы интеграционных образований, их источников, государственного суверенитета участников интеграционных образований, наднациональности (надгосударственности) международных интеграционных образований и др. При этом в международном праве категория «интеграционное право» имеет большое значение. Она дает возможность привести в систему чрезвычайно объемное международное право и увязать его с национальной правовой системой данного государства. По сути, интеграционное право представляет собой правовой феномен, роль которого в системе регулирования международных отношений стремительно возрастает.

В этой связи с учетом формирующихся тенденций региональной интеграции государств, активного участия Российской Федерации в интеграционных процессах в евразийском пространстве (ЕАЭС, Союзное государство России и Беларуси и др.), формирования и успешного функционирования современных отечественных научно-образовательных центров интеграционного права паспорт научной специальности вобрал в себя ряд положений, связанных с интеграционным правом.

Другим важным аспектом при разработке специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки» явилась проблематика взаимосвязи и взаимодействия международного публичного и международного частного права.

Всё более важным источником международно-правовых норм являются также акты межгосударственных организаций региональной экономической интеграции (ЕС, ЕАЭС и др.). Роль международно-правовых актов таких организаций пока малоизученна.

В настоящий момент усиливается тенденция постоянного расширения сферы международных частных отношений, регулируемых посредством унифицированных международно-правовых актов.

В этой связи в паспорте специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки» были отра-

жены неразрывное взаимодействие и взаимовлияние международного публичного и международного частного права. Так, в частности, пункт 21 паспорта специальности 5.1.5 включает такие аспекты, как взаимодействие международного публичного и международного частного права, международные публично-правовые основы регулирования частноправовых отношений, международное сотрудничество и роль международных организаций в регулировании отношений, осложненных иностранным элементом.

Важной составляющей паспорта специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки» является закрепление в нем *новейших тенденций развития международного права*, которые связаны с регулированием новых сфер сотрудничества государств и должны найти отражение в исследованиях в сфере международно-правовых наук. В этой связи в паспорте специальности 5.1.5 зафиксированы такие важные и актуальные аспекты международно-правового сотрудничества, как международно-правовые проблемы регулирования миграции (п. 14), сотрудничество государств в сфере труда и социального обеспечения (п. 15), вопросы международного космического права, включая правовое регулирование прикладных видов космической деятельности, деятельности по исследованию, освоению и использованию ресурсов космического пространства и небесных тел, предотвращение милитаризации космического пространства (п. 19).

Кроме того, своевременным и востребованным как юридической наукой, так и практикой является закрепление в паспорте специальности 5.1.5 таких проблем, как международно-правовое сотрудничество в сфере энергетики, включая международное ядерное право (п. 23), международно-правовое сотрудничество в научно-технической сфере. Отдельно внимание акцентировано на взаимодействии международного права и новых технологий (цифровая экономика, искусственный интеллект, биотехнологии и т.д.), международном информационном праве (п. 29). Нашли отражение в паспорте и вопросы международно-правового сотрудничества в сфере образования, науки, культуры, здравоохранения и спорта (п. 30).

Необходимо подчеркнуть, что как сама научная специальность 5.1.5 «Международно-правовые науки», так и паспорт этой специальности находятся в тесной связи и, по сути, являются смежными (в контексте междисциплинарности) с иными научными специальностями группы

«Право», что нашло отражение как в паспорте специальности 5.1.5, так и в паспортах других научных специальностей, входящих в группу «Право»: 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки» и 5.1.4 «Уголовно-правовые науки».

Послесловие

Любая классификация носит условный, относительный характер и идеальной быть не может. Вместе с тем, несмотря на различные мнения, дискуссии, действующая номенклатура научных специальностей предоставляет на современном этапе возможности для комплексных и междисциплинарных исследований, отвечающих потребностям времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Габов А. В., Мацкевич И. М. Номенклатура научных специальностей как элемент государственной системы научной аттестации: к постановке вопроса // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2. С. 18–28.
- Грачева Е. Ю. Проблемы повышения качества диссертационных исследований по праву // Юридическое образование и наука. 2021. № 8. С. 19–25.
- Мацкевич И. М. Новая номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени: задачи и перспективы развития юридической науки // Юридическое образование и наука. 2021. № 8. С. 10–19.
- Мацкевич И. М., Власенко Н. А. Номенклатура и паспорт научных специальностей по юриспруденции : сборник документов и иных материалов. М. : Проспект, 2019.
- Пахомов С. И. Новая редакция номенклатуры научных специальностей и трансформация сети диссертационных советов // Юридическое образование и наука. 2021. № 8. С. 4–10.
- Пахомов С. И. Переход к новой модели государственной научной аттестации: вызовы и перспективы // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 4–11.

REFERENCES

- Gabov AV, Matskevich IM. The nomenclature of scientific specialties as an element of the government system of academic performance assessment: raising the issue. *The Monitoring of Law Enforcement Journal*. 2020;2:18-28. (In Russ.).
- Gracheva EYu. Problems of raising the quality of thesis research in law. *Legal Education and Science*. 2021;8:19-25. (In Russ.).
- Matskevich IM, Vlasenko NA. Nomenclature and passport of scientific specialties in jurisprudence: collection of documents and other materials. Moscow: Prospekt Publ.; 2019. (In Russ.).
- Matskevich IM. A new list of scientific majors where academic degrees are awarded: tasks and development prospects of the legal science. *Legal Education and Science*. 2021;8:10-19. (In Russ.).
- Pakhomov SI. A new version of the list of scientific majors and a transformation of the dissertation board network. *Legal Education and Science*. 2021;8:4-10. (In Russ.).
- Pakhomov SI. The transition to a new model of state scientific attestation: challenges and prospects. *Legal Education and Science*. 2023;8:4-11. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллин Аделъ Ильясович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета
д. 18, корп. 1, Кремлевская ул., г. Казань 420008, Российская Федерация
Adel.Abdullin@kpfu.ru

Воронин Михаил Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, директор Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета
д. 36, Остоженка ул., г. Москва 119034, Российская Федерация
LawFaculty@linguanet.ru

Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права, главный научный сотрудник Института государства и права РАН
д. 10, Знаменка ул., г. Москва 119019, Российская Федерация
gabov@igpran.ru

Грачева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, председатель Экспертного совета по праву и политологии ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
gracheva@msal.ru

Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
avkornev@msal.ru

Россинский Борис Вульфович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
bvrossinskij@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Adel I. Abdullin, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International and European Law, Kazan (Volga) State University, Kazan, Russian Federation
Adel.Abdullin@kpfu.ru

Mikhail Yu. Voronin, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
LawFaculty@linguanet.ru

Andrey V. Gabov, Dr. Sci. (Law), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Acting Head of the Civil and Entrepreneurial Law Sector; Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
gabov@igpran.ru

Elena Yu. Gracheva, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; Chairman of the Expert Council on Law and Political Science, Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; Head of the Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
gracheva@msal.ru

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
avkornev@msal.ru

Boris V. Rossinskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Administrative Law and Procedure,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
bvrossinskij@msal.ru

*Материал поступил в редакцию 11 сентября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 апреля 2025 г.
Принята к печати 15 апреля 2025 г.*

*Received 11.09.2024.
Revised 14.04.2025.
Accepted 15.04.2025.*

А. А. Ананьева

У. Б. Филатова

Российский государственный университет правосудия

имени В.М. Лебедева

г. Москва, Российская Федерация

Новые подходы к саморегулированию перевозок легковым такси

Резюме. Повышение ценности времени и ускорение темпа жизни современного общества способствуют постоянному росту спроса на услуги такси, несмотря на то что удовлетворение потребности в мобильности возможно и иными способами, в том числе путем каршеринга или приобретения собственного транспортного средства. В условиях цифровизации и популяризации платформенных решений, в числе которых и сервисы служб заказа легкового такси, спрос на перевозку этим видом транспорта неуклонно возрастает. Констатируется, что нормативные правовые акты, направленные на регулирование общественных отношений в сфере перевозок легковым такси, не обеспечивают баланс интересов участников соответствующих правоотношений, а также не способствуют улучшению качества услуг в этой сфере. В работе делается вывод, что сфера перевозок легковым такси объективно нуждается в формировании саморегуляторной среды, в которой ключевые позиции занимают крупные агрегаторы такси. При этом сложившаяся система саморегулирования, представленная действующими СРО, неэффективна, чем аргументирован новый подход к саморегулированию перевозок легковым такси. Предлагается, сохранив общие законодательные требования, обусловленные публично-правовым регулированием прежде всего с позиции обеспечения безопасности, предоставить участникам перевозочного процесса возможность самостоятельно формировать новую регуляторную среду, обеспечивая баланс интересов перевозчиков легковым такси, агрегаторов и потребителей соответствующей услуги.

Ключевые слова: саморегулирование; СРО; перевозка легковым такси; договор фрахтования легкового такси; публичный договор; агрегатор; служба заказа легкового такси

Для цитирования: Ананьева А. А., Филатова У. Б. Новые подходы к саморегулированию перевозок легковым такси. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 5. С. 32–42. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.032-042

New Approaches to Self-Regulation of Passenger Taxi Transportation

Anna A. Ananyeva

Ulyana B. Filatova

Lebedev Russian State University of Justice

Moscow, Russian Federation

Abstract. The increase in the value of time and the acceleration of the pace of life of modern society contribute to the constant growth in demand for taxi services, despite the fact that meeting the need for mobility is possible in other ways, including by car sharing or purchasing a personal car. In the context of digitalization and popularization of platform solutions, including services for ordering passenger taxis, the demand for transportation by this means of transport is steadily increasing. The authors state that legal acts aimed at regulating public relations in the field of passenger taxi transportation do not ensure a balance of interests of participants in the relevant legal

relations. They also do not contribute to improving the quality of services in this area. The paper concludes that the sphere of passenger taxi transportation objectively needs to form a self-regulatory environment where large taxi aggregators occupy key positions. At the same time, it is noted that the existing system of self-regulation in this area, represented by the existing SROs, is ineffective, which argues for a new approach to self-regulation of passenger taxi transportation. While maintaining the general legislative requirements stipulated by public legal regulation, primarily in the context of ensuring safety, the authors propose to provide participants in the transportation process with the opportunity to independently form a new regulatory environment, ensuring a balance of interests of carriers with passenger taxis, aggregators and consumers of the corresponding service.

Keywords: Self-regulation; SRO; transportation by passenger taxi; passenger taxi charter agreement; a public contract; aggregator; passenger taxi order service

Cite as: Ananyeva AA, Filatova UB. New Approaches to Self-Regulation of Passenger Taxi Transportation. *Lex russica*. 2025;78(5):32-42. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.032-042

Введение

Повышение ценности времени и ускорение темпа жизни современного общества способствовали актуализации потребности в мобильности, одним из способов удовлетворения которой является перевозка пассажиров и багажа легковыми такси. Невзирая на то обстоятельство, что наряду с такси на рынке перевозочных услуг есть и альтернативы, в том числе каршеринг, подавляющее большинство жителей нашей страны по-прежнему отдают приоритет такси. Приобретение собственного транспортного средства становится менее популярным способом удовлетворения потребности в мобильности, что обусловлено интенсификацией городского трафика, проблемой с поиском свободных парковочных мест, высокой стоимостью зон платной парковки, повышением цены обслуживания транспортного средства. Согласно столичной статистике, в последние несколько лет демонстрируется снижение количества личного транспорта, участвующего в городском потоке, что в немалой степени связано с продолжающимся ростом популярности такси.

Следует подчеркнуть, что интерес к услугам такси в немалой степени возрос за счет цифровизации соответствующей информационной среды благодаря появлению на этом рынке агрегаторов и сервисов такси. По этому поводу Б. А. Шахназаров отмечает, что в процессе создания нового правового регулирования законодатель всякий раз вынужден соизмерять назревшие социальные проблемы с уровнем

научно-технического прогресса, достигнутого обществом, что в конечном счете способствует созданию оптимального «нормативного продукта». Названный ученый добавляет, что большую ценность имеет сознательное поведение участников имущественного оборота, демонстрируемое ими за рамками установленных норм, что говорит о ценности саморегулирования в современных экономических реалиях¹.

Подчеркнем, что унификация регулирования в сфере перевозки пассажиров и багажа легковыми такси действительно крайне необходима, что обусловлено существенным количеством разнообразных факторов, среди которых — потенциальная возможность причинения вреда жизни и здоровью потребителей соответствующей услуги или третьих лиц. Л. В. Зарапина, отмечая рискованный характер предпринимательской деятельности, связанной с предоставлением услуг в сфере такси, что так или иначе сопряжено с возможностью «нанесения ущерба правам, законным интересам, здоровью граждан», объясняет важность предъявления к таким предпринимателям особых требований². Большой проблемой современного рынка такси следует признать сохранение существенного по объему сегмента «серых» перевозок, уровень качества и безопасности которых оставляет желать лучшего. Так, среди водителей такси стали пользоваться популярностью сомнительные организации, предоставляющие услуги по подключению к информационным сервисам крупнейших агрегаторов, подписанию поддельных путевых листов, выдаче разрешений

¹ Шахназаров Б. А. Право и информационные технологии в современных условиях глобализации // *Lex russica* (Русский закон). 2021. Т. 74. № 1 (170). С. 129. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.118-134.

² Зарапина Л. В. Правовое регулирование перевозки пассажиров автомобильным транспортом в междугородном сообщении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.

и т.п. При этом последствия безответственного отношения перевозчиков к предоставляемым ими услугам ложатся на плечи конечных потребителей транспортных услуг.

Сказанное свидетельствует об актуальности изучения проблем, связанных с повышением качества соответствующих услуг, а также формирования конструктивных предложений по их решению и защите прав потребителей данных услуг.

Основная часть

Модель саморегулирования как альтернатива традиционному государственному регламентированию. Частноправовые отношения, базирующиеся на принципах автономии воли, равенстве участников, а также недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, детерминируют приоритетность саморегулирования как одного из значимых направлений развития современного общества. М. А. Егорова более 10 лет назад обратила внимание на тенденцию к саморегулированию в отечественной правовой системе. Такая тенденция воплощается в усилении диспозитивности в общей массе частноправового регулирования, приводящей, в свою очередь, к делегированию публично-властных функций частноправовым институтам, в том числе СРО³. Следует отметить и экономию бюджетных средств в случае подобного делегирования. Например, достаточно дорогостоящей является процедура проверки соответствия субъекта предпринимательской деятельности лицензионным требованиям. В то же время оптимизация финансовых ресурсов возможна в случае выдачи лицензии путем создания механизма финансирования СРО за счет средств ее членов.

В зарубежной исследовательской литературе обращается внимание на прогнозируемую существенную трансформацию экономических отношений, под действием которой наряду с моделью классического государственного регу-

лирования могут получить популярность такие альтернативные инструменты, как 1) равноправное регулирование (peer regulation), 2) саморегулируемые организации (self-regulatory organizations) и 3) делегированное регулирование с помощью данных (data-driven delegation)⁴. А. В. Ефимов, признавая ценность саморегулирования, добавляет, что подобная модель не подменяет собой правовое регулирование, несмотря на то что подобный радикальный взгляд широко исследован в зарубежной литературе (например, австрийская экономическая школа)⁵.

Понятие саморегулирования. Несмотря на то что обозначенный термин достаточно прочно вошел в цивилистический категориальный аппарат, его содержательное наполнение остается дискуссионным. Например, И. А. Минникес высказал точку зрения о том, что саморегулирование не тождественно индивидуальному правовому регулированию и включает только два вида индивидуального правового регулирования: автономное и договорное⁶.

Отношения, возникающие между участниками СРО, носят специфический характер, позволяющий квалифицировать СРО в качестве гражданско-правового сообщества, под которым в научной литературе предложено понимать устойчивое и определяемое по своему составу квазисубъектное образование, участники которого связаны отношениями внутреннего саморегулирования и преследуют общую цель. Очевидно, что достаточно яркой чертой СРО является наличие у нее контрольных функций. Подчеркнем, что контроль в гражданско-правовом сообществе взаимен, поскольку призван саморегулировать отношения в коллективе. Для осуществления взаимного контроля законодатель дает участникам гражданско-правового сообщества набор правомочий, например право запрета (вето), некоторые преимущественные права и прочие, призванные воздействовать на правовую сферу другого лица.

«Отношения внутреннего саморегулирования» не синоним термина «индивидуальное

³ Егорова М. А. Соотношение категорий «регулирование» и «управление» в гражданско-правовых отношениях // Юрист. 2014. № 9. С. 20.

⁴ Sundararajan A. The Sharing Economy: The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism. Cambridge, MA : The MIT Press, 2016. P. 150.

⁵ Ефимов А. В. Экономика совместного потребления (sharing economy) и правовое положение потребителей // Российское правосудие. 2022. № 5. С. 20.

⁶ Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование: теоретико-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 98.

регулирование»: это группа отношений, которые складываются между участниками, а также между участниками и сообществом, и урегулированы особыми актами, обладающими специфическим, в отличие от тех же гражданско-правовых договоров, свойством — сохранять силу до тех пор, пока действует сообщество, даже если его состав изменился.

Правовые предпосылки саморегулирования перевозок легковым такси по российскому законодательству. Гражданское законодательство оперирует легальной дефиницией категории «саморегулирование», размещенной в ст. 2 Федерального закона «О саморегулируемых организациях»⁷. В указанном нормативном правовом акте предложено и определение понятия «саморегулируемые организации». Анализ этого понятия позволяет сделать вывод о том, что основополагающим критерием их создания выступает «единство отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг)» либо объединение «субъектов профессиональной деятельности определенного вида». Это профессиональное единство усматривается в ныне действующих СРО, функционирующих в сле-

дующих сферах: финансовый рынок⁸, аудиторская деятельность⁹, актуарная деятельность¹⁰, строительство¹¹, кадастровая инженерия¹², теплоснабжение¹³, энергетическое обследование¹⁴, арбитражное управление¹⁵, медиация¹⁶, реклама¹⁷, виноделие¹⁸ и т.п.

Очевидно, спектр видов предпринимательской деятельности, в рамках которых практикуется саморегулирование, достаточно велик. При этом в законодательстве нередко указывается на наличие в той или иной сфере саморегулируемых организаций, а также основных критериев их функционирования. Несмотря на отсутствие подобных норм применительно к предпринимательской деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси, в этой сфере также созданы СРО. Например, с 2011 г. функционирует Ассоциация «СРО “МОАТП”», которая нацелена на «юридическую помощь перевозчикам, консалтинговые и информационные услуги, реализацию системы коллективной имущественной ответственности членов СРО перед потребителем, разработку и внедрение IT-инструментов для ведения бизнеса (единой цифровой платформы), общественную деятельность и многое другое»¹⁹.

⁷ Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О саморегулируемых организациях» (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы приводятся по источнику: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.02.2025)).

⁸ Федеральный закон от 13.07.2015 № 223-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка»; Федеральный закон от 18.07.2009 № 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О кредитной кооперации»; Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об инвестиционных фондах»; Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О рынке ценных бумаг»; Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 28.12.2024) «Об организации страхового дела в Российской Федерации».

⁹ Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об аудиторской деятельности».

¹⁰ Федеральный закон от 02.11.2013 № 293-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «Об актуарной деятельности в Российской Федерации».

¹¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024).

¹² Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О кадастровой деятельности».

¹³ Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О теплоснабжении».

¹⁴ Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹⁵ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)».

¹⁶ Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

¹⁷ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «О рекламе».

¹⁸ Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

¹⁹ URL: <https://nppar.ru/> (дата обращения: 17.02.2025).

Следует подчеркнуть, что СРО в сфере такси не пользуются популярностью. Вместе с тем значимость саморегулирования в этой области трудно переоценить: именно такой формат диалога государства, общества и таксомоторного бизнеса позволит разрешить те проблемы и противоречия, которые назрели в этой сфере предпринимательской деятельности.

Ю. Чупрунова более 10 лет назад высказалась о необходимости развития саморегулирования в сфере перевозок такси. Она обратила внимание на то, что контроль в области перевозок пассажиров и багажа легковым такси следует возложить на СРО, поскольку именно они наиболее эффективно справятся с этой задачей. Кроме того, автор сопоставила саморегулирование с лицензированием, отдав приоритет первому и подчеркнув, что СРО является более надежным партнером по отношению к государству, чем каждый отдельно взятый предприниматель²⁰.

Еще раньше мысль о важности саморегулирования в таксомоторной сфере прозвучала в работе Д. В. Феина, который, предлагая к разработке проект закона г. Москвы «О такси в городе Москве», отметил, что соответствующее нормативное решение позволит обеспечить баланс между саморегулированием и государственным контролем в области таксомоторных перевозок, что, в свою очередь, обусловлено сочетанием административного и рыночного механизмов регулирования в этой сфере²¹. Добавим, что законопроект, предполагающий обязательное членство перевозчиков в СРО, был предложен на обсуждение в Государственной Думе ФС РФ, однако не нашел поддержки²².

Р. М. Янковский обратил внимание на то, что синтез саморегулирования и новых технологий,

являющихся достижениями научно-технического прогресса, сокращает государственное вмешательство в отдельные области хозяйствования радикальным образом, а в некоторых случаях делает его невозможным. В качестве примера автор приводит сервисы такси, отмечая, что «технологические алгоритмы саморегулирования принимают на себя, по сути, функции, которые ранее обеспечивались государством»²³. Действительно, в научной литературе уже неоднократно обращалось внимание на то, что электронная платформа тех или иных услуг основывается на принципах саморегулирования путем закрепления правил функционирования той или иной информационной системы²⁴. Продолжая эту линию рассуждений, С. А. Краснова добавляет, что, несмотря на имеющийся у платформенных решений потенциал саморегулирования, нормативная регламентация платформенной среды все-таки крайне необходима²⁵.

Примечательно, что в зарубежных правовых порядках сфера таксомоторных перевозок находится под воздействием жесткого государственного регулирования, эффективно сочетающегося с саморегулированием в этой сфере за счет системы ассоциаций таксистов. Как отмечает Д. В. Феин, жесткость регламентации в таксомоторной сфере проявляется в строгой системе критериев допуска на соответствующий рынок, в том числе соответствия стандартам качества, квалификационных требований и технической безопасности²⁶. Это обеспечивает высокое качество указанных услуг и защищенность прав и интересов пользователей такси.

Предложения по изменению подходов к саморегулированию в сфере перевозок легковыми такси. Не секрет, что отечественная

²⁰ Чупрунова Ю. Саморегулирование автомобильных перевозок // ЭЖ-Юрист. 2011. № 36. С. 12–13.

²¹ Феин Д. В. К вопросу о государственном регулировании таксомоторных перевозок // Транспортное право. 2009. № 1. С. 18–21.

²² Проект закона № 157002-5 «О внесении изменений в отдельные федеральные законы в связи с установлением института саморегулируемых организаций перевозчиков» // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Янковский Р. М. Проблемы правового регулирования криптовалют // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2018. № 1. С. 45–51.

²⁴ См., например: Целовальникова И. Ю. Правовое регулирование предоставления услуг с использованием инвестиционных платформ и защита прав потребителей // Современный юрист. 2020. № 3. С. 121–130.

²⁵ Краснова С. А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 1. С. 67–82 ; № 2. С. 76–86.

²⁶ См. об этом: Феин Д. В. Анализ зарубежного опыта регулирования таксомоторных перевозок // Транспортное право. 2008. № 4. С. 36–39.

статистика случаев участия такси в ДТП ежегодно демонстрирует темпы роста, во многом напоминающие геометрическую прогрессию. Председатель Комиссии по транспорту Общественной палаты Москвы М. Буре полагает, что федеральный закон о такси должен быть дополнен нормой, посвященной саморегулируемым организациям, что позволит обеспечить контроль по ряду вопросов, возникающих в области таксомоторных перевозок, в том числе соблюдению режима сна и отдыха водителями такси. Свою точку зрения в рамках обозначенной проблематики высказал и В. Капитонов, являющийся председателем правления СРО в сфере проектирования и негосударственной экспертизы. По мнению названного эксперта, СРО в сфере таксомоторных перевозок могли бы выполнять такой востребованный функционал, как контроль за прохождением водителями медицинского осмотра; оценка квалификации водителей; разрешение конфликтных ситуаций между перевозчиком, агрегатором и пассажиром; страхование транспортных средств, а также жизни и здоровья пассажиров такси; разработка унифицированной цифровой площадки для концентрации в ней той или иной информации, например о времени работы конкретного водителя у того или иного агрегатора²⁷.

Подчеркнем, что диспозитивность в исследуемой предметной области должна обеспечивать еще и вариативность форматов взаимодействия непосредственных перевозчиков, агрегаторов и конечных пользователей соответствующей услуги. Так, ранее нами был сделан вывод о том, что различные формы взаимодействия сервисов с непосредственными перевозчиками могут быть востребованными и актуальными и нет смысла ограничивать такие формы взаимодействия. Это могут быть и полноценные операторские (операторско-диспетчерские) службы, которые готовы осуществлять управление перевозками с использованием такси, нести ответственность перед пассажирами, улучшать качество обслуживания. Без сомнения, работа подобных сервисов станет

одной из лучших мер, направленных на полноценную защиту прав пользователей транспорта. В то же время, если сервис такси принимает решение лишь оказывать информационные услуги, ограничивая свою ответственность, то это тоже вполне допустимо. Главное, чтобы не нарушалось право пассажира на получение достоверной информации о непосредственном исполнителе и не происходило смешения различных моделей сервисов. В этих целях необходимо выработать и законодательно закрепить различные варианты, обозначив их существенные различия, с тем чтобы пассажир мог делать осознанный выбор, заключая договор фрахтования²⁸.

К инфраструктуре такси, которую совместно эксплуатируют одновременно несколько перевозчиков, принято относить централизованную диспетчерскую службу заказа легкового такси²⁹. В задачи владельцев такой инфраструктуры обычно входят решение вопросов, связанных с обеспечением стоянок такси, технологической связи такси; проведение технического осмотра и ремонта автомобилей; проведение изысканий и опытно-конструкторских работ по развитию производственной инфраструктуры такси. Например, такая модель используется ООО «Столичный экспресс», которое осуществляет диспетчеризацию таксомоторных услуг на территории Международного аэропорта «Жуковский», т.е. на территории транспортной инфраструктуры, принадлежащей владельцу воздушного транспорта. Так, на территории аэропорта в зонах выдачи багажа международных и внутренних авиалиний установлены стойки вызова такси, которые принадлежат владельцу инфраструктуры автомобильного транспорта. Кроме того, аэропорт выделяет место для стоянки такси в количестве, необходимом для оперативного управления процессом подачи транспортных средств. Но и это еще не всё. Аэропорт разместил линию подачи такси вдоль пассажирского терминала. Такая организация взаимодействия удобна для пассажира, который, обратившись со стойки такси к оператору, не только быстро получает инфраструктурные услуги, но и оперативно

²⁷ URL: <https://tass.ru/moskva/7807627> (дата обращения: 17.02.2025).

²⁸ См. об этом: *Ананьева А. А.* Совершенствование правового и индивидуального договорного регулирования работы сервисов заказа услуг такси как одна из мер, направленных на защиту прав пассажиров // *Транспортное право*. 2020. № 4. С. 20–23.

²⁹ См. об этом: *Ахунова И. Б., Гук Г. А.* Проблемы и перспективы бизнеса таксомоторных перевозок в городе // *Сборник статей Международной научно-практической конференции «Закономерности и тенденции развития науки в современном обществе»*, 29–30 марта 2013 г. Ч. 3. Уфа : РИЦ БашГУ, 2013. С. 27–28.

заключает договор фрахтования такси для дальнейшей поездки, имея возможность сразу произвести оплату по данному договору с помощью банковской карты или наличными денежными средствами и получить все необходимые отчетные документы. Договор между владельцами транспортных инфраструктур предусматривает оплату фрахтования такси на основе промоторифов и проведение акций, направленных на снижение провозной платы.

В рамках настоящего исследования мы предлагаем совершенно иной подход к саморегулированию в сфере таксомоторных перевозок: оказание услуг по управлению фрахтованием может быть широко использовано при взаимодействии агрегаторов такси с фактическими перевозчиками. Сама идея обеспечения этой сферы той или иной системой саморегулирования, как мы убедились, не нова. Участие в СРО в сфере такси не пользуется в нашей стране большой популярностью, поскольку перевозчики и без того несут бремя уплаты многочисленных взносов. Действующее нормативно-правовое регулирование перевозок легковым такси, несмотря на незавершенность, все-таки отличается императивностью, не оставляющей места для эффективного саморегулирования.

Нормативную платформу отношений в области перевозок пассажиров и багажа легковым такси составляет Федеральный закон от 29.12.2022 № 580-ФЗ³⁰, а также подзаконные нормативные правовые акты³¹. Несмотря на обилие последних, частноправовой аспект исследуемой предметной области не в полной мере попал в поле правового регулирования как в части системы гражданско-правовых договоров, опосредующих перевозку, так и в части саморегулирования.

Оценивая положительно специальное правовое регулирование договора службы зака-

за легкового такси с перевозчиком легковым такси в рамках упомянутого Закона № 580-ФЗ, У. А. Скварко приходит к выводу о том, что «СЗЛТ (служба заказа легкового такси. — А. А., У. Ф.) не наделяется по отношению к перевозчику легковым такси властными полномочиями, позволяющими ей волевыми действиями давать последнему обязательные к исполнению команды»³². Представляется, что следует рассуждать о так называемом гражданско-правовом контроле, который нередко имеет место в структуре частноправовой связи. Далее справедливым будет добавить, что именно саморегулирование в сфере перевозок легковым такси могло быть стать объективным основанием формирования правоотношений, построенных на принципах гражданско-правового контроля.

Нам представляется возможным исходить из следующего в понимании саморегулирования в этой сфере. Так, крупные игроки на рынке таксомоторного бизнеса могли бы взять на себя функции саморегулирования на этом рынке. Безусловно, такой подход к саморегулированию не исключает потребность в нормативно-правовом обеспечении рынка такси со стороны государства, однако при участии последнего только в формате минимальных обязательных требований, обеспечивающих безопасность дорожного движения. Смысл предлагаемого нами саморегулирования в таксомоторной сфере заключается в передаче крупным агрегаторам такси функции по формированию унифицированной регуляторной среды, обязательной для перевозчиков, заинтересованных в сотрудничестве с соответствующими агрегаторами. Поскольку на рынке таксомоторных услуг присутствует несколько крупных игроков, качество предлагаемой ими регуляторной среды будет формировать конкуренцию в этой сфере. Те крупные агрегаторы, которые предложат луч-

³⁰ Федеральный закон от 29.12.2022 № 580-ФЗ (ред. от 24.06.2023) «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

³¹ См., например: постановления Правительства РФ от 24.07.2023 № 1201 «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе легковых такси»; от 30.05.2023 № 872 «Об утверждении требований к периоду передачи заказов легкового такси перевозчикам легковым такси службами заказа легкового такси»; от 04.07.2023 № 1101 «Об утверждении Правил предоставления службой заказа легкового такси доступа федеральному органу исполнительной власти в области обеспечения безопасности или его территориальному органу к информационным системам и базам данных, используемым для получения, хранения, обработки и передачи заказов легкового такси».

³² Скварко У. А. Правовая природа правоотношений службы заказа легкового такси с перевозчиком легковым такси // Право и экономика. 2024. № 6. С. 53.

шие условия как для пользователей такси, так и для перевозчиков, естественно, будут пользоваться преимуществом, обеспечивая тем самым спрос на свои услуги. По большому счету и нынешнее состояние исследуемого сегмента предпринимательства наглядно демонстрирует действительное влияние агрегаторов на рынок такси. Так, законодательная регламентация перевозок легковым такси, связанная с введением в действие Закона № 580-ФЗ, не оказала принципиального воздействия на перевозчиков такси: они были готовы к продолжению перевозок без установленных документов/процедур. Однако принципиальную роль в этом процессе сыграл такой крупный агрегатор такси, как «Яндекс». Как следует из СМИ, «Яндекс», чтобы не растерять водителей, не стал тотально отключать всех нарушителей новых правил, а либо делает это выборочно, либо частично понижает таких водителей в правах (снижает приоритет, дает меньше заказов). Для сравнения: в Москве водителей без лицензии или без ежедневного техосмотра агрегатор сразу же отключает»³³. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что агрегатор уже сегодня осуществляет саморегулирование в исследуемой сфере, поскольку именно он принимает решение о допуске перевозчика к системе принятия заказов.

Интересно, что позиция крупных агрегаторов в этой сфере многофункциональна: они выполняют роль и операторов, и агрегаторов, и СЗЛК. Как показывает правоприменительная практика, СЗЛК воспринимается в качестве «организатора деятельности по перевозке»³⁴. Правовая связь СЗЛК и перевозчика настолько тесная, что в научной литературе высказываются соображения о необходимости признания такой связи трудо-правовой. Так, С. Г. Долгов отмечает: «Агрегатор такси устанавливает тариф, ограничивает рабочее время, наказывает водителя. Остается только оплачивать социальный пакет, соблюдать трудовое законодательство и нести ответственность за своего работника»³⁵.

Несколько иной подход к исследуемой правовой связи отражен в работе Д. С. Федотовой,

по мнению которой единство достигаемой цели предопределяет особую структуру кооперативных связей, свойственную открытым самоорганизующимся системам³⁶. Действительно, исследуемые отношения в сфере перевозок легковым такси могут быть признаны образующими именно такие связи.

Отметим, что регуляторная среда, создаваемая агрегаторами, очевидно, подразумевает и разработку системы договоров, обеспечивающих перевозку. Так, на сегодняшний день конкретные условия договора перевозки легковым такси не получили нормативного признания ни в гражданском, ни в транспортном законодательстве, ни в законодательстве о такси. Фрахтователь такси не имеет фактической возможности ознакомления с условиями договора перевозки. Заключая договор с перевозчиком, а не с агрегатором такси, пользователь не получает доступа к тексту соответствующего договора, поскольку он не размещается в мобильных приложениях агрегаторов такси. Разумеется, и во время перевозки потребитель также не подписывает никакого гражданско-правового договора.

Оптимальным инструментом решения обозначенной проблемы могло бы стать договорное регулирование перевозочного процесса при содействии агрегатора такси, предлагающего к заключению стандартный договор в своем мобильном приложении. Именно таким нам представляется новый подход к саморегулированию в этой сфере. Позиция агрегатора такси в такой системе саморегулирования заключается в создании единой структуры договорных связей как между агрегатором и перевозчиком, так и между перевозчиком и потребителем. Таким образом обеспечивается унифицированный подход к регламентации всего перевозочного процесса, что в конечном счете способствует повышению качества услуг.

Способствуя охране интересов не только потребителей, но и перевозчиков, агрегаторы могут взять на себя и функцию создания системы оценки фрахтователей. Поскольку мы исходим из представления о том, что договор

³³ URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/627751> (дата обращения: 01.03.2025).

³⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.06.2023 № 305-ЭС23-153 по делу № А40-263203/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Долгов С. Г. Гражданско-правовая ответственность агрегаторов такси // Гражданское право. 2021. № 1. С. 7.

³⁶ Федотова Д. С. Договорное регулирование совместной деятельности исполнителей транспортных услуг по перевозке пассажиров и багажа : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020.

фрахтования легкового такси не является публичным договором, фрахтователям, зарекомендовавшим себя с отрицательной стороны, может быть отказано в заключении договора перевозки. Кроме того, у фрахтовщика могут быть и иные причины, по которым он вправе отказаться от приема заказа (в том числе заказа на длительный маршрут, в отдаленную местность и т.п.). Интересно в этом смысле то, что агрегаторы такси, принимая во внимание данное право фрахтовщика, мотивируют его к приему даже нежелательных заказов, устанавливая внутренние рейтинги фрахтовщиков. В некотором смысле подобное воздействие также может быть рассмотрено через призму саморегулирования.

Впрочем, сегодня отсутствует единая система учета фрахтователей с целью их оценки, а также принципиально иным является подход законодателя к публичности исследуемой договорной конструкции. Мы убеждены, что законодатель допустил ошибку, трактуя договор фрахтования такси в качестве публичного договора.

Из анализа транспортного законодательства следует вывод о непубличной правовой природе договора фрахтования, независимо от вида транспорта. Кроме того, перевозка легковым такси и перевозка общественным транспортом не тождественны по существу, что предопределяет необходимость кардинально иного подхода к квалификации договора фрахтования легкового такси. Ключевая ошибка, допущенная законодателем при формировании корпуса норм Закона № 580-ФЗ, заключается в том, что у агрегатора нет оснований для понуждения перевозчика к заключению договора фрахтования. При этом договор фрахтования легкового такси, обозначенный законодателем в качестве публичной договорной конструкции, заключается только после того, как перевозчик принял заказ. В то же время, размещая заказ через СЗЛК, потребитель не знает своего будущего

фрахтовщика и в том числе по этой причине не может ему выдвигать требования по обязательному заключению с ним договора. Размещая заказ через СЗЛК, потребитель не имеет правовых оснований для предъявления агрегатору требования об обязательном заключении с ним договора фрахтования. Иными словами, потребитель не может понудить СЗЛК к обязательному поиску для него фрахтовщика, который согласится осуществить перевозку. Поэтому, если ни один из потенциальных фрахтовщиков не принял заказ, СЗЛК отказывает потребителю в заключении соответствующего договора.

Заключение

В процессе выработки новых подходов к саморегулированию перевозок легковым такси были получены следующие научные результаты. Доказано, что интерес к услугам такси в немалой степени возрос за счет цифровизации, а также актуализации потребности в мобильности в условиях ускоряющегося темпа жизни. Выяснено, что саморегулирование, являясь альтернативой государственному регулированию, может сочетаться с последним, если общественные отношения требуют частно-публичного воздействия, что актуально для перевозок легковым такси. Несмотря на то что нет законодательных препятствий к функционированию СРО в сфере перевозок легковым такси, такие организации, хотя и существуют, не пользуются популярностью. В работе обоснован принципиально иной подход к саморегулированию в сфере перевозок легковым такси — через ослабление нормативно-правового регулирования в этой сфере и передачу регуляторной функции агрегаторам, выступающим одновременно в роли СЗЛК и оператора, в том числе в области системы договоров, оформляющих перевозочный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьева А. А. Совершенствование правового и индивидуального договорного регулирования работы сервисов заказа услуг такси как одна из мер, направленных на защиту прав пассажиров // Транспортное право. 2020. № 4. С. 20–23.

Ахунова И. Б., Гук Г. А. Проблемы и перспективы бизнеса таксомоторных перевозок в городе // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Закономерности и тенденции развития науки в современном обществе», 29–30 марта 2013 г. Ч. 3. Уфа : РИЦ БашГУ, 2013. С. 27–28.

Долгов С. Г. Гражданско-правовая ответственность агрегаторов такси // Гражданское право. 2021. № 1. С. 3–7.

Егорова М. А. Соотношение категорий «регулирование» и «управление» в гражданско-правовых отношениях // Юрист. 2014. № 9. С. 18–24.

Ефимов А. В. Экономика совместного потребления (sharing economy) и правовое положение потребителей // Российское правосудие. 2022. № 5. С. 20–31.

Зарапина Л. В. Правовое регулирование перевозки пассажиров автомобильным транспортом в междугородном сообщении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 29 с.

Краснова С. А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 1. С. 67–82 ; № 2. С. 76–86.

Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование: теоретико-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 313 с.

Скварко У. А. Правовая природа правоотношений службы заказа легкового такси с перевозчиком легковым такси // Право и экономика. 2024. № 6. С. 51–55.

Федин Д. В. Анализ зарубежного опыта регулирования таксомоторных перевозок // Транспортное право. 2008. № 4. С. 36–39.

Федин Д. В. К вопросу о государственном регулировании таксомоторных перевозок // Транспортное право. 2009. № 1. С. 18–21.

Федотова Д. С. Договорное регулирование совместной деятельности исполнителей транспортных услуг по перевозке пассажиров и багажа : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020. 215 с.

Целовальникова И. Ю. Правовое регулирование предоставления услуг с использованием инвестиционных платформ и защита прав потребителей // Современный юрист. 2020. № 3. С. 121–130.

Чупрунова Ю. Саморегулирование автомобильных перевозок // ЭЖ-Юрист. 2011. № 36. С. 12–13.

Шахназаров Б. А. Право и информационные технологии в современных условиях глобализации // Lex russica. 2021. Т. 74. № 1 (170). С. 118–134. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.118-134.

Янковский Р. М. Проблемы правового регулирования криптовалют // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2018. № 1. С. 45–51.

Sundararajan A. The Sharing Economy: The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism. Cambridge, MA : The MIT Press, 2016. 240 p.

REFERENCES

Akhunova IB, Guk GA. Problems and Prospects of Taxi Transportation Business in the City. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference «Patterns and Trends in the Development of Science in Modern Society»*. March 29–30, 2013, Part 3. Ufa: RIC BashSU Publ.; 2013. (In Russ.).

Ananyeva AA. The improvement of the legal and individual regulation of taxi ordering services operations as one of the measures aimed at the protection of passenger rights. *Transportation Law*. 2020;4:20-23. (In Russ.).

Chuprunova Yu. Self-regulation of road transport. *EZH-jurist*. 2011;36:12-13. (In Russ.).

Dolgov SG. The civil law liability of taxi aggregators. *Civil Law*. 2021;1:3-7. (In Russ.).

Efimov AV. Sharing economy and consumer legal status. *Russian Justice*. 2022;5:20-31. (In Russ.).

Egorova MA. Correlation of categories of «regulation» and «management» in civil-law relations *Jurist*. 2014;9:18-24. (In Russ.).

Fedin DV. Analysis of foreign experience in taxi traffic regulation. *Transportation Law*. 2008;4:36-39.

Fedin DV. State regulation of taxi transportation. *Transportation Law*. 2009;1:18-21. (In Russ.).

Fedotova DS. Contractual regulation of joint activities of performers of transport services for the transportation of passengers and baggage. Cand. Sci. (Law) Diss. Ulyanovsk, 2020. (In Russ.).

Krasnova SA. Civil legal status of online platform operators: uncertain present and possible future. *Property Relations in the Russian Federation*. 2022;1:67-82; 2:76-86. (In Russ.).

Minnikes IA. The Individual Legal: Theoretical and Legal Analysis. Dr. Sci. (Law) Diss. Yekaterinburg, 2009. (In Russ.).

Shakhnazarov BA. Law and Information Technologies in Modern Conditions of Globalization. *Lex Russica*. 2021;74(1):118-134. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.118-134.

Skvarko UA. The legal nature of the relationship between a taxi booking service and a taxi driver. *Pravo i ekonomika*. 2024;6:51-55. (In Russ.).

Sundararajan A. The Sharing Economy: The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism. Cambridge, MA: The MIT Press, 2016.

Tselovalnikova IYu. Legal regulation of the provision of services using investment platforms and consumer protection. *The Modern Lawyer*. 2020;3:121-130. (In Russ.).

Yankovskiy RM. The Issues of Legal Regulation of Cryptocurrencies. *Entrepreneurial Law. Law and Business*. 2018;1:45-51. (In Russ.).

Zarapina LV. Legal regulation of passenger transportation by road in intercity traffic. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Volgograd, 2005. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ананьева Анна Анатольевна, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
д. 69, Новочеремушкинская ул., г. Москва 117418, Российская Федерация
annaslast@mail.ru

Филатова Ульяна Борисовна, доктор юридических наук, первый проректор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
д. 69, Новочеремушкинская ул., г. Москва 117418, Российская Федерация
u.filatova@rsuj.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna A. Ananyeva, Dr. Sci. (Law), Head of the Department of Civil Law, Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
annaslast@mail.ru

Ulyana B. Filatova, Dr. Sci. (Law), First Vice-Rector; Professor, Department of Civil Law, Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
u.filatova@rsuj.ru

Материал поступил в редакцию 10 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2025 г.

Received 10.09.2024.

Revised 14.04.2025.

Accepted 15.04.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.043-053

Т. П. Шишмарева

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Влияние недостаточности имущества на прекращение деятельности юридического лица

Резюме. В статье исследуются основания и порядок прекращения деятельности юридических лиц, у которых недостаточно имущества для удовлетворения требований кредиторов, т.е. находящихся в состоянии финансового кризиса. Разграничены состояния неплатежеспособности (несостоятельности) и отсутствия имущества у юридических лиц, влекущие разные правовые последствия при прекращении их деятельности. Признано, что прекращение деятельности неплатежеспособных (несостоятельных) юридических лиц в процедуре несостоятельности зависит от наличия у них конкурсной способности как предпосылки введения процедуры, способности их к санации, возможности финансирования процедуры заинтересованными кредиторами. Сделан вывод о возможности прекращения деятельности юридического лица в ходе процедуры несостоятельности или вне этой процедуры, в рамках реорганизации в форме присоединения (слияния), позволяющей передать задолженность реорганизуемого лица его правопреемнику. Установлено, что ликвидация неконкурсоспособных юридических лиц может быть произведена исключительно в ходе обычной ликвидации, регулируемой ГК РФ. Выделены процедура обычной ликвидации и процедура конкурсного производства, а также процедура исключения из реестра недействующего юридического лица, основанием применения которой служат в том числе отсутствие имущества, невозможность возложить расходы по ликвидации на учредителей (участников). Сделан вывод о противоречивости Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в части регулирования оснований прекращения производства по делу и введения процедуры банкротства отсутствующего должника, а также ст. 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»; предложено исключить ст. 230 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Ключевые слова: недостаточность имущества; процедура конкурсного производства; исключение из реестра; недействующее юридическое лицо; отсутствующий должник; процедура ликвидации; отсутствие имущества

Для цитирования: Шишмарева Т. П. Влияние недостаточности имущества на прекращение деятельности юридического лица. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 5. С. 43–53. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.043-053

The Influence of Asset Insufficiency on the Termination of a Legal Entity's Activities

Tatyana P. Shishmareva

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the grounds and procedure for terminating the activities of legal entities that do not have enough property (assets) to satisfy the claims of creditors, *i.e.*, when they are in a financial crisis. The author distinguishes insolvency and lack of property of legal entities, entailing different legal consequences upon termination of their activities. It is recognized that the termination of the activities of insolvent legal entities in the insolvency procedure depends on their bankruptcy as a prerequisite for the introduction of the procedure, their ability to be reorganized, and the possibility of financing the procedure by interested creditors. The author concludes that it is possible to terminate the activities of a legal entity during the insolvency procedure or

© Шишмарева Т. П., 2025

beyond this procedure as part of a reorganization in the form of a merger that allows transferring the debt of the reorganized person to its successor. The author states that the liquidation of non-competitive legal entities can be carried out exclusively in the course of ordinary liquidation, regulated under the rules of the Civil Code of the Russian Federation. The paper highlights the procedure for ordinary liquidation and the procedure for bankruptcy proceedings, the procedure for excluding an inactive legal entity from the register, the ground for the application of which is, among other things, the absence of property, the inability to impose liquidation costs on the founders (participants). The author concludes that the Federal Law dated 26 October 2002 No. 127-FZ «On Insolvency (Bankruptcy)» is contradictory in terms of regulating the grounds for terminating the proceedings and introducing bankruptcy proceedings for the absent debtor, as well as Art. 21.1 of the Federal Law dated 8 August 2001 No. 129-FZ «On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs»; the author proposed to exclude Art. 230 of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)».

Keywords: insufficiency of property; bankruptcy proceedings; exclusion from the registry; inactive legal entity; absent debtor; liquidation procedure; lack of property

Cite as: Shishmareva TP. The Influence of Asset Insufficiency on the Termination of a Legal Entity's Activities. *Lex russica*. 2025;78(5):43-53. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.043-053

Введение

Основания прекращения деятельности юридических лиц, у которых недостаточно имущества или оно отсутствует, не служили предметом самостоятельного исследования. Недостаточность имущества у юридического лица может быть признаком его неплатежеспособности или несостоятельности. Кроме того, следует выделить и случаи отсутствия имущества у юридического лица, что оказывает влияние на основания и порядок прекращения его деятельности. Необходимо разграничивать основания и порядок прекращения деятельности неплатежеспособных (несостоятельных) юридических лиц и юридических лиц, фактически прекративших деятельность в связи с отсутствием у них имущественной базы.

Процедуры прекращения деятельности юридического лица

Прекращение деятельности юридических лиц производится по разным основаниям, в различных процедурах, имеет различные правовые последствия. По мнению А. В. Габова, в ГК РФ должны быть закреплены общие положения о ликвидации, а отдельные правовые режимы ликвидации надлежит урегулировать в федеральных законах: «в такой логике ликвидация

будет выступать юридическим составом, а прекращение — юридическим фактом в нем»¹. Дополнительно А. В. Габов называет не закрепленные в ГК РФ правовые режимы ликвидации, применяемые к государственным корпорациям и государственным компаниям².

Представляется, что наряду с видами реорганизации и режимами ликвидации необходимо выделять и процедуры, в которых осуществляется прекращение деятельности юридических лиц, существенно различающиеся между собой по условиям, основаниям применения, содержанию юридически значимой деятельности в них, субъектам, принимающим участие в них, правовым последствиям.

Исходя из логики законодателя, отраженной в ГК РФ, Федеральном законе от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», выделим 1) процедуры реорганизации; 2) процедуру обычной ликвидации, применяемую как для добровольной, так и для принудительной ликвидации; 3) судебную процедуру конкурсного производства, предназначенную для ликвидации несостоятельных юридических лиц; 4) административную процедуру исключения из реестра недействующих юридических лиц.

При недостаточности имущества у юридического лица оно может быть реорганизовано в форме слияния, присоединения для решения

¹ Юридические лица в российском гражданском праве : монография : в 3 т. / А. В. Габов, К. Д. Гасников, В. П. Емельянцева [и др.] ; отв. ред. А. В. Габов. М. : ИЗИСП, Инфра-М, 2015. Т. 3 : Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц. С. 180 (автор § 1 гл. 3 — А. В. Габов).

² Юридические лица в российском гражданском праве. С. 183.

его имущественных проблем, в том числе и в ходе производства по делу о его несостоятельности (банкротстве). Присоединение юридических лиц, имеющих финансовые проблемы, достаточно часто применяется в банковской сфере.

Решение о реорганизации может быть принято в процедуре финансового оздоровления (абз. 4 п. 3 ст. 82 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»³), а также, на наш взгляд, в процедуре внешнего управления с согласия собрания (комитета) кредиторов.

Выбор процедуры ликвидации юридического лица, которое находится в финансовом кризисе, зависит от того, является ли оно конкурспособным субъектом. Если юридическое лицо исключено по воле законодателя из числа субъектов, признаваемых несостоятельными, то его ликвидация производится в обычной процедуре, а требования кредиторов, не удовлетворенные вследствие недостаточности имущества и не удовлетворенные за счет имущества лиц, которые несут субсидиарную ответственность по таким требованиям, погашаются согласно пп. 1 п. 5.1 ст. 64 ГК РФ.

Ликвидация юридических лиц, признанных решением арбитражного суда несостоятельными, происходит в процедуре конкурсного производства, основания введения которой предусмотрены главой VII Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Среди предпосылок введения процедуры следует назвать конкурспособность юридического лица, включающую, на наш взгляд, наряду с процессуальной правоспособностью должника, его имущественную базу, поскольку процедура вводится не над личностью должника, а над его имуществом, что в российской доктрине не учитывается⁴.

Ликвидация несостоятельных юридических лиц может быть произведена в упрощенных процедурах несостоятельности (банкротства):

процедуре ликвидируемого должника, процедуре отсутствующего должника, основания и порядок введения которых регулируются главой XI Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Упрощенные процедуры по своей правовой природе являются процедурой конкурсного производства, а упрощено, по сути, производство по делу о несостоятельности (банкротстве), поскольку эти процедуры используются исключительно для ликвидации юридических лиц, а иные процедуры несостоятельности не применяются, т.к. на предшествующих этапах, например в ходе уже начавшейся обычной ликвидации, выполнены все задачи процедуры наблюдения, введение которой становится излишним, а достижение цели санации в процедурах финансового оздоровления, внешнего управления не представляется возможным ввиду неспособности должника к этому.

Процедура банкротства ликвидируемого должника, согласно п. 1 ст. 224 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», вводится на основании выявленной недостаточности имущества у юридического лица в ходе процедуры ликвидации, осуществляемой по ГК РФ. Представляется, что размер задолженности может быть иным по сравнению с обычным порядком обращения с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом), поскольку, независимо от размера долга, не может завершиться процедура ликвидации в обычном порядке при недостаточности имущества у должника. По крайней мере, в соответствии с п. 6 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.12.2004 № 29⁵ в п. 1–2 ст. 224 Закона не установлена обязательность применения признаков неплатежеспособности о размере долга согласно ст. 6 Закона, чему обычно следуют в судебной практике⁶. Суды при этом указывают, что достаточно констатировать фактическую невозможность удо-

³ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁴ См. подробнее об этом: Шишмарева Т. П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 293–300.

⁵ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // Хозяйство и право. 2005. № 2.

⁶ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14.06.2022 № Ф10-1872/2022 по делу № А83-7826/2021 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

влетворения требований кредиторов⁷. К тому же размер задолженности, свидетельствующей о наличии у должника признака неплатежеспособности, существенно повышен в связи с появлением новелл в 2024 г. и составляет для юридических лиц по общему правилу не менее 2 млн руб.⁸

В доктрине указывают, что статус ликвидируемого юридического лица возникает с момента назначения ликвидационной комиссии (ликвидатора)⁹. Такой вывод следует также из п. 2 ст. 224 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», поскольку обязанность обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника несостоятельным возложена именно на председателя ликвидкома (ликвидатора). Однако в последующем законодатель устанавливает круг контролирующих лиц, которые могут быть привлечены к субсидиарной ответственности за неудовлетворенные требования кредиторов по правилам гл. III.2 Закона, в том числе за неподачу заявления о признании несостоятельным (банкротом), в круг которых входят также собственник имущества унитарного предприятия, учредитель (участник), руководитель юридического лица (п. 2 ст. 226 Закона). Это не позволяет однозначно установить момент появления статуса ликвидируемого в упрощенной процедуре банкротства должника.

Следует также отметить толкование п. 3 ст. 224 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», которое дано Высшим Арбитражным Судом в п. 62 постановления Пленума от 15.12.2004 № 29: при выявлении признаков недостаточности имущества у юридического лица после принятия решения о ликвидации юридического лица арбитражным судом, возложившим обязанности произвести ликвидацию на учредителей (участников) или на уполномоченные его учредительными документами органы юридического лица, введение упрощенной процедуры возможно лишь

после создания ликвидационной комиссии или назначения ликвидатора. Если ликвидационная комиссия после принятия решения арбитражным судом не создана или не назначен ликвидатор, то вводится обычное производство по делу о банкротстве. Неясно, по какой причине Высший Арбитражный Суд РФ значительно сузил сферу применения упрощенной процедуры, сведя ее исключительно к случаям принудительной ликвидации юридического лица, хотя из текста нормы подобного вывода не вытекает.

Возможно, по этой причине в судебной практике вводят процедуру банкротства ликвидируемого должника и в том случае, когда решение о ликвидации принято органами корпорации, упоминают о добровольной ликвидации.

Представляется, что необходимо разграничивать статусы ликвидируемого и ликвидируемого в порядке упрощенной процедуры юридического лица, моменты появления которых не совпадают.

Главным и определяющим основанием введения упрощенной процедуры признают недостаточность имущества и ее выявление в ходе процедуры ликвидации¹⁰.

При выявлении у ликвидируемого должника недостаточности имущества для финансирования процедуры обязанность по оплате судебных расходов возлагается согласно п. 3 ст. 59 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» на заявителя, а если заявителем выступила ликвидационная комиссия (ликвидатор) — на создавших эту комиссию собственника имущества должника — унитарного предприятия или учредителей (участников) должника (п. 63 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.12.2004 № 29). При невозможности возложения судебных расходов на указанных лиц процедура подлежит прекращению согласно ст. 57 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.09.2021 № Ф08-9017/2021 по делу № А53-33768/2018.

⁸ Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 23 (ч. I). Ст. 3045.

⁹ Корпоративное право : учебный курс : в 6 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2025. Т. 3. С. 222.

¹⁰ Определение Верховного Суда РФ от 23.01.2024 № 305-ЭС23-23300 по делу № А40-295547/2022 ; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.07.2017 № 305-ЭС17-4728 по делу № А40-55621/2016.

Процедура банкротства отсутствующего должника вводится, если юридическое лицо имеет соответствующие легальные признаки. Кумулятивные признаки отсутствующего должника установлены в п. 1 ст. 226 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: 1) фактическое прекращение деятельности; 2) руководитель юридического лица отсутствует в месте его нахождения или установить место его нахождения не представляется возможным. Согласно ст. 230 Закона в редакции, вступающей в силу с 1 января 2025 г., процедура дополнительно применяется: а) если имущество должника — юридического лица заведомо не позволяет покрыть судебные расходы в связи с делом о банкротстве; б) в течение последних 12 месяцев до даты подачи заявления о признании должника банкротом не проводились операции по банковским счетам, в том числе по счету цифрового рубля должника; в) при наличии иных признаков, свидетельствующих об отсутствии предпринимательской или иной деятельности должника. Неясно, по каким причинам законодатель пытается использовать эту процедуру для случаев отсутствия имущества у должника, ведь при выявлении этого обстоятельства согласно абз. 7 п. 1 ст. 57 Закона производство по делу подлежит прекращению, поскольку процедуры несостоятельности вводятся в отношении имущества должника. При отсутствии имущества использование процедур несостоятельности для решения проблем юридического лица бессмысленно. Достаточно сослаться на данные судебной статистики, чтобы подтвердить частое использование такого основания прекращения производства по делу. Так, по данным Федресурса, количество должников, у которых отсутствует имущество, остается значительным: 2019 г. их доля составляла 37 %, в 2020 г. — 37,2 %, в 2021 — 36,8 %, в 2022 г. — 38,4 %, в 2023 г. — 38,5 %¹¹.

Кроме того, в ст. 230 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» указаны также, на наш взгляд, устаревшие основания для введения судебной процедуры, которые, по существу, совпадают с основанием введения

административной процедуры недействующего юридического лица.

Полагаем, что между ст. 230 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и ст. 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» имеются системные противоречия в части регулирования оснований введения процедуры отсутствующего должника и процедуры исключения из реестра недействующего юридического лица, поскольку законодатель, по существу, предлагает использовать тождественные основания для введения этих процедур.

Анализ обзоров судебной практики Верховного Суда РФ о применении оснований введения процедуры банкротства отсутствующего должника показывает, что Суд по-прежнему допускает использование специальных условий введения процедуры, указанных в ст. 230 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», без учета предписаний о прекращении правоспособности недействующих юридических лиц, содержащихся в ст. 64.2 ГК РФ и в Федеральном законе «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», при обращении уполномоченного органа, подтверждающего отсутствие имущества у должника¹². Одновременно Верховный Суд РФ разъясняет, что введение процедуры невозможно, если к заявлению уполномоченного органа о признании организации банкротом не приложены доказательства наличия у нее имущества, за счет которого могут быть покрыты расходы по делу о банкротстве, или вероятности обнаружения такого имущества¹³.

Процедура банкротства отсутствующего должника, на наш взгляд, может применяться в случаях наличия имущества у должника, учредители которого отказались от управления им и продолжения деятельности.

Представляется, что статья 230 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», в которой установлены специальные условия введения процедуры до появления админи-

¹¹ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству за 2023 г. // URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%202023.pdf> (дата обращения: 10.12.2024).

¹² П. 22 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2021 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 ноября 2021 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 1.

¹³ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 за 2019 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 апреля 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

стративной процедуры исключения из реестра недействующего юридического лица, может быть удалена.

Законодатель в п. 1 ст. 227 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» указывает, что отсутствующее юридическое лицо признается несостоятельным (банкротом) независимо от размера задолженности перед кредиторами, поскольку у фактически прекратившего деятельность субъекта, отсутствующего в месте нахождения, всегда будут признаки несостоятельности (банкротства), т.е. недостаточности имущества для удовлетворения требований кредиторов.

Инициаторами производства по делу являются обычно конкурсные кредиторы (66,4 %¹⁴). Особенностью обращения с заявлением о признании отсутствующего должника банкротом является также непосредственное обращение конкурсного кредитора в арбитражный суд без предварительного подтверждения задолженности в исковом производстве: согласно в п. 64 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.12.2004 № 29 пункты 2 и 3 ст. 6, пункт 2 ст. 7, пункт 2 ст. 41 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не применяются при возбуждении дела. Аналогичные правила действуют и для уполномоченного органа в тех случаях, когда требуется разрешить правовой спор с должником, например о размере задолженности.

Поскольку у отсутствующего юридического лица недостаточно имущества для судебной процедуры несостоятельности (банкротства), требуется установить источники финансирования, которые могут быть указаны заявителем.

У кредитора может быть правовой интерес во введении процедуры при отсутствии имущества у должника для упорядочения правоотношений, хотя законодательство о несостоятельности (банкротстве) позволяет разрешить возникший правовой конфликт посредством привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, оспорить совершенные должником сделки по выводу активов вне процедуры несостоятельности в исковом производстве, а также признать задолженность безнадежной ко списанию на основании пп. 4.3 п. 1 ст. 59 НК РФ в связи с принятием судом акта о возвращении заявления о

признании должника несостоятельным (банкротом) или прекращении производства по делу о банкротстве в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов. Именно по этой причине в п. 61 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.12.2004 № 29 указывается о получении ходатайства или согласия конкурсного кредитора на введение процедуры, поскольку в противном случае арбитражный суд выносит определение об отказе во введении процедуры наблюдения и о прекращении производства по делу.

Если конкурсный кредитор является участником частноправовых отношений и способен принять такое решение самостоятельно, то уполномоченный орган не обладает подобной свободой финансирования процедуры из средств государственного бюджета, а потому он вправе обратиться с заявлением о признании несостоятельным отсутствующего должника, если представит доказательства вероятности обнаружения в достаточном объеме имущества, за счет которого могут быть покрыты расходы по делу о банкротстве (п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.12.2009 № 91¹⁵), а при выявлении признаков отсутствующего должника при рассмотрении обоснованности требований уполномоченного органа как заявителя — представит доказательства финансирования, иначе производство подлежит прекращению (п. 61 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.12.2004 № 29).

Процедура исключения из реестра недействующего юридического лица вводится и для юридических лиц, у которых недостаточно имущества для расчетов с кредиторами и для проведения процедур ликвидации.

Иногда введение процедуры несостоятельности (банкротства) при недостаточности имущества у юридического лица невозможно по основаниям, указанным в законодательстве, или уже введенная процедура прекращается, что оказывает влияние на предстоящее прекращение правоспособности юридического лица. При этом выявленная фактическая несостоятельность юридического лица не позволяет ликвидировать его в процедуре конкурсного производства, как это предусмотрено в законе. Следовательно, требуется применить иной спо-

¹⁴ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству за 2023 г.

¹⁵ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.12.2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2010. № 2.

соб прекращения правоспособности вне процедуры ликвидации.

В абзаце 8 п. 1 ст. 57 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» среди оснований прекращения производства по делу указывается отсутствие средств, необходимых для погашения судебных расходов.

Конституционный Суд РФ рассмотрел жалобу бывшего руководителя ООО о несоответствии Конституции абз. 8 п. 1 ст. 57 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», поскольку прекращение производства по делу, по его мнению, позволяет кредитору инициировать привлечение контролирующего лица к субсидиарной ответственности вне процедуры банкротства. Однако Конституционный Суд РФ указал в определении, что анализируемая норма не предполагает произвольного применения и учитывает объективную невозможность достижения целей процедуры¹⁶. При этом необходимо отметить, что привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц после новелл 2017 г. допускается по инициативе лица, обратившегося с заявлением о признании банкротом, и при прекращении производства по делу на стадии проверки обоснованности заявления, т.е. еще до введения процедуры наблюдения, если имеющаяся задолженность перед заявителем подтверждается вступившим в законную силу решением суда или иным документом (решением ФНС России о взыскании задолженности по налогам), на основании которых может быть введено исполнительное производство¹⁷.

При применении в судебной практике этого основания руководствуются необходимостью представления доказательств поступления денежных средств в конкурсную массу, если

кредиторы возражают против прекращения производства по делу¹⁸, в противном случае прекращают производство. Отсутствие имущества и неспособность должника оплатить судебные расходы, а также непредоставление финансирования кредиторами означают, что юридическое лицо должно прекратить свою правоспособность в иной процедуре, вне конкурса.

Арбитражный управляющий обязан инициировать прекращение производства по делу при выявлении недостаточности имущества для покрытия судебных расходов, в противном случае все образовавшиеся убытки, по мнению Конституционного Суда РФ, должны быть взысканы за счет имущества арбитражного управляющего, а не кредитора, обратившегося в суд с заявлением о возбуждении дела о банкротстве должника, вознаграждение же управляющего подлежит уменьшению¹⁹. Однако при должном исполнении своей обязанности арбитражным управляющим и продолжении процедуры по инициативе кредитора, предложившего финансирование, все расходы по делу, в том числе на выплату вознаграждения арбитражному управляющему, могут быть возложены именно на такого кредитора. Показательно в этом отношении дело ООО «Эрэс Софт»²⁰.

Прекращение производства по делу в связи с отсутствием имущества влечет применение процедуры исключения из реестра юридического лица, вследствие чего правоспособность юридического лица прекращается. Исключение из реестра приравнивают по правовым последствиям к ликвидации юридического лица²¹, как и указано в п. 2 ст. 64.2 ГК РФ. Квалификация исключения из реестра в качестве специального основания прекращения, а не ликвидации,

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2024 № 2742-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухорского Владислава Евгеньевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 57 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”».

¹⁷ Определение Верховного Суда РФ от 17.07.2024 № 303-ЭС24-3778 по делу № А51-7529/2022.

¹⁸ Абз. 3 п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.12.2009 № 91 ; п. 3 Обзора судебной практики разрешения судебных споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2023 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 6.

¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 2315-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кузнецовой Любови Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 20.6 и абзацем первым пункта 3 статьи 59 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”».

²⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.06.2024 № 305-ЭС24-339 по делу № А40-256371/2019.

²¹ Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2024.

юридического лица²² представляется более обоснованной, поскольку каких-либо мер по ликвидации собственно в этой процедуре не совершается. Отметим, что в доктрине критикуют логику законодателя по выделению процедуры исключения как специального основания прекращения юридического лица²³.

Процедура исключения недействующего юридического лица первоначально появилась в Федеральном законе «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в 2005 г., когда законодатель предусмотрел новый способ прекращения юридических лиц наряду с реорганизацией и ликвидацией в Федеральном законе от 02.07.2005 № 83-ФЗ²⁴ в качестве правового инструментария прекращения деятельности фактически не действующих юридических лиц вместо их ликвидации как отсутствующих должников в конкурсном производстве по Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)».

Недействующим признается юридическое лицо на основе двух кумулятивных признаков: 1) непредставления документов отчетности, предусмотренных законодательством о налогах и сборах, и 2) отсутствия операций хотя бы по одному банковскому счету организации. У недействующих юридических лиц, как правило, имеется задолженность перед кредиторами. Вместе с тем в судебной практике признают, что деятельность организации может быть прекращена, только если юридическое лицо фактически прекратило деятельность, а не на основе выявленных признаков²⁵.

Впоследствии законодатель вводил в ст. 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» новые основания исключения юридического лица, связанные с недо-

статочностью имущества для осуществления его ликвидации, для которых, на наш взгляд, введенные критерии недействующего юридического лица не всегда применимы. Однако стоит подчеркнуть, что закрепленные легальные признаки недействующего лица очевидно свидетельствуют о недостаточности или отсутствии у него имущественной базы.

Первоначально Федеральным законом от 28.12.2016 № 488-ФЗ²⁶ было предусмотрено применение процедуры исключения для юридических лиц, ликвидация которых не представляется возможной вследствие отсутствия имущества, необходимого для финансирования процедуры ликвидации, и невозможности возложить эти расходы, как предусмотрено в п. 2 ст. 62 ГК РФ, на учредителей. Требуется уточнить, определяя сферу применения этого положения, во-первых, о какой собственно ликвидации идет речь? В доктрине обсуждается проблема понятия ликвидации, в качестве которой иногда рассматривается исключительно ликвидация по ГК РФ²⁷. Во-вторых, при более широкой трактовке ликвидации, включающей и ликвидацию в порядке конкурсного производства, можно ли среди условий применения пп. «а» п. 5 ст. 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» указывать и иные процедуры несостоятельности, по своей природе не являющиеся ликвидационными?

Законодатель явно очерчивает сферу применения этого подпункта обычной ликвидацией по ст. 61–64 ГК РФ, хотя его вполне можно использовать и для процедуры конкурсного производства, которая также является ликвидационной по смыслу Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Анализ судебной практики применения подпункта «а»

²² Корпоративное право : учебный курс : в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Статут, 2018. Т. 2. С. 761 ; Гражданское право. Общая часть : учебник / Е. С. Болтанова, Н. В. Багрова, Т. Ю. Баришпольская [и др.] ; под ред. Е. С. Болтановой. М. : Инфра-М, 2021. С. 138.

²³ Юридические лица в российском гражданском праве. С. 179–182.

²⁴ Федеральный закон от 02.07.2005 № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” и в статью 49 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 27. Ст. 2722.

²⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.03.2021 № 305-ЭС20-16189 по делу № А40-170552/2019.

²⁶ Федеральный закон от 28.12.2016 № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 1 (ч. I). Ст. 29.

²⁷ *Мифтахутдинов Р. Т.* Проблемы оптимизации прекращения юридических лиц без правопреемства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 16.

п. 5 ст. 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» показывает, что суды при исследовании оснований его применения особо не обращают внимания на эти обстоятельства. Хотя, например, по делу № А40-111147/2018 об исключении из реестра по инициативе ликвидатора вследствие недостаточности имущества, выявленной в ходе введенной упрощенной процедуры ликвидируемого должника и последующего обращения в регистрирующий орган, последний указывает об отсутствии руководящих разъяснений и отказывает в принятии решения об исключении из реестра, а суд не признает это решение незаконным²⁸. Полагаем, что анализируемые условия применения пп. «а» п. 5 ст. 21.1 Закона поставили в тупик регистрирующий орган и суд.

Впрочем, для иных процедур несостоятельности, а также на стадии принятия заявления, на наш взгляд, этот подпункт не должен служить основанием исключения из реестра, поскольку вполне определенно законодатель установил, что недостаточность имущества выявлена в ходе начавшейся процедуры ликвидации.

Затем Федеральным законом от 02.11.2023 № 519-ФЗ²⁹ введено основание для исключения из реестра юридического лица, ликвидация которого не представляется возможной в конкурсном производстве ввиду отсутствия имущества, если этот факт выявлен на стадии обращения с заявлением именно уполномоченного органа или в ходе уже начатого производства по его заявлению.

Анализ оснований исключения, предусмотренных подпунктами «а» и «в» п. 5 ст. 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», показывает, что законодатель закрепляет далеко не все случаи отсутствия имущества для введения административной процедуры.

ООО «Улей Пак» исключено из ЕГРЮЛ на основании п. 5 ст. 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических

лиц и индивидуальных предпринимателей» вследствие недостоверных сведений после произведенной регистрирующим органом проверки. ООО «Эфцет» обратилось в суд с заявлением о признании незаконным решения регистрирующего органа и внесения сведений об исключении из реестра, т.к. ООО «Улей Пак» не погасило имеющуюся задолженность в размере 2,4 млн руб. Ранее кредитор обращался с заявлением в арбитражный суд о признании должника банкротом, однако производство по делу № А72-4459/2020 о несостоятельности (банкротстве) ООО «Улей Пак» было прекращено в связи с отсутствием имущества у должника. Апелляционный суд признал, что кредитор реализовал свое право на защиту привлечением к субсидиарной ответственности учредителя и поручителя³⁰.

Апелляционный суд указывает в определении, что процедура исключения из реестра применяется также в связи с отсутствием финансирования в деле о банкротстве, ссылаясь на пп. «в» п. 5 ст. 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Между тем анализ пп. «в» не позволяет сделать такого вывода, а толкование судом этой нормы представляется расширительным, поскольку законодатель предусмотрел использование процедуры исключения из реестра лишь для производства по делу, инициированного уполномоченными органами. Представляется, что закон в этой части должен быть изменен и применен для всех случаев отсутствия имущества у юридического лица.

Заключение

Недостаточность имущества у юридического лица оказывает существенное влияние на прекращение его деятельности. Если юридическое лицо относится к числу неконкурсоспособных субъектов, то прекращение его деятельности производится вне процедур несостоятельности, а выявленные долги погашаются по окончании

²⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.02.2019 № Ф05-1633/2019 по делу № А40-111147/2018.

²⁹ Федеральный закон от 02.11.2023 № 519-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”» // СЗ РФ. 2023. № 45. Ст. 7990.

³⁰ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.04.2024 № 11АП-4698/2024 по делу № А72-14561/2023.

процедуры с учетом того, что учредители (участники) могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по его обязательствам. Деятельность конкурспособных юридических лиц при недостаточности имущества надлежит прекращать исключительно в ходе судебной процедуры конкурсного производства под контролем суда и с утверждением конкурсного управляющего.

Отсутствие имущества у юридического лица является основанием для введения админи-

стративной процедуры исключения из реестра без ликвидации дел и имущества.

Законодательство о несостоятельности нуждается в корректировке в части уточнения оснований введения процедуры банкротства отсутствующего должника с учетом выявленных противоречий, а законодательство о государственной регистрации юридических лиц надлежит изменить, расширив основания исключения из реестра недействующего юридического лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гражданское право. Общая часть : учебник / Е. С. Болтанова, Н. В. Багрова, Т. Ю. Баришпольская [и др.] ; под ред. Е. С. Болтановой. М. : Инфра-М, 2021. 515 с.

Корпоративное право : учебный курс : в 2 т. / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 1. М. : Статут, 2017. 976 с.

Корпоративное право : учебный курс : в 6 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 3. М. : Статут, 2025. 484 с.

Мифтахутдинов Р. Т. Проблемы оптимизации прекращения юридических лиц без правопреемства : автореф. дис. ... канд. юрид. М., 2011. 31 с.

Шишмарева Т. П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 546 с.

Юридические лица в российском гражданском праве : монография : в 3 т. / А. В. Габов, К. Д. Гасников, В. П. Емельянцев [и др.] ; отв. ред. А. В. Габов. Т. 3 : Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц. М. : ИЗСП, Инфра-М, 2015. 280 с.

REFERENCES

Afanasyeva EG, Vaypan VA, Gabov AV et al. Shitkina IS (ed.). Corporate Law: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).

Boltanova ES, Bagrova NV, Barishpolskaya TYu et al. Boltanova ES (ed.). Civil Law. General Part. Textbook. Moscow: Infra-M Publ.; 2021. (In Russ.).

Gabov AV, Gasnikov KD, Emelyantsev VP et al. Gabov AV (ed.). Legal entities in Russian civil law: in 3 vols. Vol. 3: Formation, Reorganization and liquidation of legal entities. Moscow: IZISP, Infra-M Publ.; 2015. (In Russ.).

Miftakhutdinov RT. Problems of optimization of termination of legal entities without succession. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2011. (In Russ.).

Shishmareva TP. Legal means of ensuring the effectiveness of insolvency proceedings in Russia and Germany. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2021. (In Russ.).

Shitkina IS (ed.). Corporate Law: in 6 vols. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Statut Publ.; 2025. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шишмарева Татьяна Петровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
tpshishmareva@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana P. Shishmareva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
tpshishmareva@msal.ru

Материал поступил в редакцию 7 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2025 г.

Received 07.09.2024.

Revised 14.04.2025.

Accepted 15.04.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.054-067

И. В. ШестеряковаМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация**И. А. Шестеряков**Международный юридический институт
г. Москва, Российская Федерация

К вопросу о правовом регулировании труда работников онлайн-платформ в странах БРИКС

Резюме. Одной из примет сегодняшнего времени является развитие техники и технологий. Всё больше работников вовлекаются в «нетрадиционные» формы занятости на интернет-платформах, причем как сама работа, так и ее поиск осуществляются с помощью платформ и искусственного интеллекта. Сегодня онлайн-платформы — это экосистемы, которые позволяют учесть интересы как работника (например, по подбору работы), так и работодателя (например, подобрать качественного сотрудника и развить собственный бизнес, организовать переобучение работников и пр.). Эксперты Международной организации труда справедливо отмечают, что платформенная экономика является одним из наиболее значимых изменений, вызванных цифровизацией сферы труда. Авторы отмечают, что, с одной стороны, платформенная занятость дает больше возможностей для трудоустройства и, следовательно, получения дополнительного заработка, а с другой стороны, работникам не предоставляются трудовые, пенсионные права и гарантии, они не защищены. Работники онлайн-платформ зачастую лишены права на ведение коллективных переговоров, заключение коллективных договоров и соглашений, права на объединение в профсоюз.

Ключевые слова: труд; работник; онлайн-платформы; облачный труд; работодатель; БРИКС

Для цитирования: Шестерякова И. В., Шестеряков И. А. К вопросу о правовом регулировании труда работников онлайн-платформ в странах БРИКС. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 5. С. 54–67. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.054-067

Legal Regulation of Online Platform Employment of Workers in BRICS Countries

Irina V. ShesteryakovaKutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation**Igor A. Shesteryakov**International Law Institute
Moscow, Russian Federation

Abstract. Technology development is one of the signs of today. More and more workers are involved in «non-traditional» forms of employment on Internet platforms, and both the work itself and the search for work are carried out using platforms and artificial intelligence. Today, online platforms form ecosystems that allow you to take into account the interests of both the employee, for example, the selection of work, and the employer, for example, to choose a high-quality employee and develop your own business, organize retraining of employees, etc. Experts from the International Labor Organization rightly note that the platform economy is one of the most significant changes caused by the digitalization of the labor sector. The authors note that platform employment, on the one hand, provides more employment opportunities, therefore, there is an opportunity for additional

© Шестерякова И. В., Шестеряков И. А., 2025

earnings. On the other hand, workers are not provided with labor, pension rights and guarantees, they are not protected. Employees of online platforms are often deprived of the right to collective bargaining, making collective agreements and contracts, the right to unite in a trade union.

Keywords: employment; employee; online platforms; cloud labor; employer; BRICS

Cite as: Shesteryakova IV, Shesteryakov IA. Legal Regulation of Online Platform Employment of Workers in BRICS Countries. *Lex russica*. 2025;78(5):54-67. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.054-067

Введение

Рост платформенной экономики, зачастую связанный с высокой гибкостью и легкостью поиска работников и клиентов, способствует выходу предприятий на новые рынки, а также созданию новых рабочих мест и возможностей получения дохода для работников. Пользователи платформ и маркетплейсов главным образом выигрывают от более дешевых и подходящих товаров и услуг, особенно в регионах, где существует их нехватка. В то же время платформенная экономика коренным образом меняет способы организации и осуществления труда и ставит новые задачи в обеспечении работникам цифровых платформ доступа к достойному труду¹. О важности данного вопроса говорит тот факт, что правовое регулирование трудовых отношений платформенных работников будет обсуждаться на Международной конференции труда в 2025 и 2026 гг. Эксперты Международной организации труда (далее — МОТ) считают, что на этих заседаниях будет принят новый международный договор (конвенция, рекомендация) о достойном труде онлайн-работников.

Основная часть

МОТ под цифровыми платформами предлагает понимать цифровые интерфейсы или компании-операторы, которые связывают поставщиков соответствующих услуг или товаров и их заказчиков².

Платформенная занятость за последние несколько лет значительно выросла и в Российской Федерации, и в других странах БРИКС.

Сегодня платформенная занятость может осуществляться в двух формах:

1) поиск работы с помощью платформы, предоставляющей информацию для неограниченного числа обратившихся туда граждан, которые проживают в разных концах государства или даже в разных государствах, или поиск клиентов для граждан, имеющих статус самозанятых и предоставляющих свои услуги. Работа или оказание услуг могут производиться вне зависимости от места расположения компании и проживания обратившегося;

2) поиск работы с помощью платформ, предоставляющих услуги для потенциальных работников и работодателей, которые находятся недалеко друг от друга географически (доставка еды, транспорт, уход за больными, предоставление бытовых услуг).

Таким образом, если в трудовых отношениях две стороны — работник и работодатель, то в платформенных отношениях три стороны — работник, заказчик, платформа.

Работа с помощью цифровых платформ осуществляется несколькими способами: путем аутсорсинга через интернет-платформы, с помощью краудворкинга (географическая привязка людей и платформы) либо через приложения платформы. Краудворкинг характеризуется тем, что платформа выставляет объявление о работе, а получает ее тот, кто быстрее на него откликнется или обладает более высокой квалификацией, умениями. Для того и другого способа организации работы характерно то, что трудовые отношения не возникают, а работники являются самозанятыми, работают по гражданско-правовым договорам (независимые подрядчики, партнеры)³.

Согласно исследованию МОТ, работник онлайн-платформы — это молодой человек, средний возраст которого составляет 33 года, имеющий базовое или среднее образование.

¹ Обеспечение достойного труда в платформенной экономике. Международная конференция труда. 113-я сессия, 2025 г. ILC.113. Доклад V (1) // URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40ed_norm/%40relconf/documents/meetingdocument/wcms_910397.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

² Обеспечение достойного труда в платформенной экономике. С. 13.

³ Такой термин в российском законодательстве не используется, но во всех странах БРИКС он применим.

Например, в Бразилии 61,3 % работников платформ, для которых это является основной работой, имеют среднее или неполное высшее образование⁴.

Недавнее исследование Всемирного банка показывает, что 73 % онлайн-платформ являются региональными или местными. Из этих региональных платформ 12 были основаны в Индии, 6 — в Китае и по 3 — в Бразилии, Кении и Южной Африке, что является признаком того, что платформы приобретают всё большее значение на развивающихся рынках⁵.

В Российской Федерации трудовое право не распространяется на работников онлайн-платформ и маркетплейсов. С момента появления таких работников вопрос о правовом регулировании их труда поднимался не раз, но на законодательном уровне так и не был разрешен. Сегодня в основном это самозанятые граждане, которые работают по гражданско-правовым договорам.

По данным Министерства экономического развития РФ, на 28 июня 2024 г. было зарегистрировано 10,48 млн самозанятых⁶, 42 % участников проекта составляют женщины и 58 % — мужчины. Их средний возраст — 35 лет⁷.

Самозанятыми являются граждане, осуществляющие приносящую доход деятельность, которые не зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей и добровольно уведомили о ведении такой деятельности. Они не могут нанимать работников, т.е. быть работодателями.

В целях легализации приносящей доход деятельности физических лиц — самозанятых был принят Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”»⁸.

Физические лица, применяющие такой налоговый режим, могут оказывать услуги гражданско-правового характера как физическим, так и юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям с учетом требований указанного Федерального закона⁹.

Самозанятый — это не работник по трудовому договору, на него не распространяются признаки трудового правоотношения, указанные в ст. 15 ТК РФ. Хотя деятельность самозанятого гражданина не регулируется трудовым законодательством:

— у него будет формироваться страховой стаж для назначения страховой пенсии по старости (заявление о добровольном страховании можно подать онлайн или лично);

— он может иметь право на оплату больничного листа, выплат в связи с материнством, если он зарегистрирован в Социальном фонде и производит выплаты (такая возможность появилась с 1 июля 2023 г.; добровольное социальное страхование для самозанятых предполагает максимально простой и понятный механизм уплаты взносов и получения страховых выплат);

— родители, имеющие статус самозанятого, могут подать заявление на получение единого пособия на ребенка;

— самозанятый может совмещать такую работу с работой по трудовому договору;

— на него не распространяются правила о страховых выплатах от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, а также нормы и правила по охране труда.

Вопрос о правовом регулировании трудовых отношений работников онлайн-платформ в России так и не урегулирован. В проекте федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации»¹⁰ была предложена

⁴ Teletrabalho e trabalho por meio de plataformas digitais 2022. IBGE, Coordenação de Pesquisas por Amostra de Domicílios. 2023 // URL: https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/media/com_mediaibge/arquivos/448a4b1b10d3cba64647966eb2772316.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

⁵ MOT. Перспективы занятости и социальной защиты в мире. 2021 // URL: <https://webapps.ilo.org/digitalguides/ru-ru/story/world-employment-social-outlook-2021#introduction>.

⁶ Поддержка самозанятых // URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/podderzhka_samozanyatyh/ (дата обращения: 12.12.2024).

⁷ URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/14056407/ (дата обращения: 12.12.2024).

⁸ СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.

⁹ Письмо Минфина России от 08.09.2021 № 03-11-11/72631 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Проект федерального закона № 275599-8 «О занятости населения в Российской Федерации» (редакция, внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 11.01.2023) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.

попытка такого регулирования. Так, в п. 3 ч. 2 ст. 2 самозанятые граждане признавались занятыми гражданами. Кроме того, было предложено под самозанятостью понимать деятельность гражданина по личному производству товаров, выполнению работ и (или) оказанию услуг, направленную на систематическое получение дохода (ч. 3 ст. 2), а под платформенной занятостью — деятельность граждан (платформенных занятых) по личному выполнению работ и (или) оказанию услуг на основе заключаемых договоров, организуемую с использованием информационных систем (цифровых платформ занятости), обеспечивающих взаимодействие платформенных занятых, заказчиков и операторов цифровых платформ занятости посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (ч. 4 ст. 2). Устанавливалось, что регулирование самозанятости, платформенной занятости в Российской Федерации будет осуществляться федеральным законом (ч. 5 ст. 2). Однако официально принятый Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» уже не содержал таких норм.

Во время обсуждения вопроса принятия закона о платформенной занятости депутат Государственной Думы Андрей Исаев предлагал включить в него ряд положений: создание обязательного реестра цифровых платформ, где должна быть зарегистрирована каждая платформа; обязанность платформ вести для клиентов рейтинг исполнителей, использующих платформу; требование по информированию клиентов и платформенно занятых; введение требования по порядку оплаты труда; создание условий для добровольного социального страхования; введение порядка разрешения индивидуальных споров между платформами и занятыми на платформах; создание совета операторов цифровых платформ, причем участие в нем обязательно; возможность создания объединения (профсоюза) платформенно занятых¹¹.

Как видно из представленных положений, такие отношения между работниками и плат-

формами не определяются как трудовые, но обладают отдельными элементами трудовых отношений, для того чтобы предоставить соответствующим работникам хотя бы часть трудовых гарантий.

Представители платформ также не признают отношения с работниками трудовыми, предпочитая иметь дело с так называемыми независимыми подрядчиками или партнерами.

В Российской Федерации судебная практика исходит из того, что работа платформенных работников не регулируется трудовым законодательством. Например, Мосгорсуд по делу № 33-15213/2018¹² вынес решение не в пользу водителя, работавшего с платформой, и не признал отношения между ними трудовыми. Похожее дело рассматривалось и в 2019 г., когда таксист платформы «Яндекс» подавал исковое заявление о признании отношений между ними трудовыми¹³. Судом было установлено, что между Щ. и ООО «Яндекс Такси» 22 января 2019 г. был заключен договор на оказание услуг по предоставлению доступа к сервису с подтверждением применения специального налогового режима путем нажатия на кнопку «Я ознакомлен, согласен и полностью принимаю условия Оферты» в сервисе «Яндекс Таксометр» (п. 8.1.2 Оферты).

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд исходил из того, что в судебном заседании не был установлен факт возникновения между сторонами трудовых отношений, в том числе путем допуска Щ. к выполнению трудовых обязанностей с ведома или по поручению работодателя, выполнения им определенной трудовой функции в условиях подчинения правилам внутреннего трудового распорядка. При этом, заключая договор на доступ к сервису и сообщая о наличии у него статуса «самозанятого», истец подтвердил, что он ведет предпринимательскую деятельность, не имея работодателя, и намерен далее вести такую деятельность, в том числе с использованием программно-аппаратных средств «Яндекса». Истец самостоятельно отвечает за обеспечение своих условий труда

¹¹ Цифровая трансформация рынка труда: платформенная занятость в России // URL: <https://www.garant.ru/news/1631366/> (дата обращения: 12.12.2024).

¹² URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/1459bc94-c784-41d1-87b1-0aceaaf414ea> (дата обращения: 22.09.2024).

¹³ Апелляционное определение Московского городского суда от 22.11.2019 по делу № 33-53437/2019 (требование: об установлении факта трудовых отношений, обязанности заключить трудовой договор, компенсации морального вреда. Обстоятельства: истец указал, что, хотя он и ответчик формально связаны

и обеспечивает себя инструментами, материалами и оборудованием, необходимыми для ведения предпринимательской деятельности. В апелляционной жалобе истец настаивал, что отношения, возникшие между сторонами, являются трудовыми.

С такими доводами суд не согласился, поскольку из представленных в материалы дела документов не усматривалось наличие следующих условий, характеризующих трудовые отношения: подчинения работника действующим у работодателя правилам внутреннего трудового распорядка, графику работы (сменности); обеспечения работодателем условий труда; стабильного характера отношений, подчиненности и зависимости труда, дополнительных гарантий работнику, установленных законами, иными нормативными правовыми актами, регулирующими трудовые отношения; выполнения работником работы в соответствии с указаниями работодателя; интегрированности работника в организационную структуру работодателя; признания работодателем таких прав работника, как еженедельные выходные дни и ежегодный отпуск; оплаты работодателем расходов, связанных с поездками работника в целях выполнения работы; осуществления периодических выплат работнику, которые являются для него единственным и (или) основным источником доходов. В итоге решение Тушинского районного суда г. Москвы от 26.06.2019, которым было отказано в удовлетворении исковых требований Щ. к ООО «Яндекс Такси» об установлении факта трудовых отношений, обязанности заключить трудовой договор и компенсации морального вреда, было оставлено без изменения, а апелляционная жалоба Щ. — без удовлетворения.

Тем не менее цифровые платформы совместно с Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП) предпринимают некоторые шаги к частичному решению этого вопроса¹⁴. Так, 25 апреля 2023 г. компании «Яндекс», OZON, Wildberries, HeadHunter, «СберМаркет», Avito, «Газпром нефть (Профессионалы 4.0)», YouDo объявили о создании

Совета цифровых платформ при РСПП и подписали Хартию о принципах развития платформенной занятости в России. Цель компаний — обмениваться эффективными практиками и создавать благоприятные условия сотрудничества для всех, кто ежедневно предоставляет и использует цифровые сервисы.

Стоит отметить, что это стало возможным после скандала, произошедшего с сотрудниками компании Wildberries в марте 2023 г., когда владельцы пунктов выдачи подали иски к Wildberries потому, что данная компания ввела для них штрафы за возврат товаров из-за брака или подмены. Владельцы некоторых точек выдачи устроили забастовку для защиты своих прав. В результате в конфликт были вынуждены вмешаться депутаты Госдумы и представители Минтруда России.

Впрочем, вопрос заключается в том, что все владельцы пунктов выдачи маркетплейсов — это работники не по трудовому, а по гражданско-правовому договору, поэтому такие формы, как забастовка, им недоступны, равно как и остальные трудовые права и гарантии. Интересно, что в подобных компаниях владельцев пунктов выдачи называют партнерами, что изначально указывает на то, что по своему статусу они не являются наемными работниками.

Кроме владельцев точек выдачи, в маркетплейсах много работающих на товарных складах. С ними оформляют гражданско-правовые договоры, предоставляя «свободный график» работы с многочисленными штрафными санкциями и вычетами из оплаты (например, за предоставленную спецодежду, проживание в общежитии и т.д.). Ситуация с работниками складов была настолько серьезной, что в дело вмешались профсоюзы и подали жалобу в прокуратуру г. Подольска. В ней отмечались следующие нарушения прав работников: регулярные штрафы; расчетные листки по заработной плате не выдавались; отсутствие медицинской помощи и даже аптек на территории склада; раздевание при проходе в склад (процесс снимается на камеру); стоимость напитков на складе намного выше, чем в магазине на улице.

договором гражданско-правового характера (офертой/договором), фактически их отношения носят характер трудовых, о чем свидетельствуют положения оферты/договора и фактические обстоятельства. Решение: в удовлетворении требования отказано // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Цифровые компании подписали Хартию о принципах развития платформенной занятости в России // URL: <https://rspp.ru/events/news/tsifrovye-kompanii-podpisali-khartiyu-o-printsipakh-razvitiya-platformennoy-zanyatosti-v-Rossii-6447d9185ac30/> (дата обращения: 10.10.2025).

Такая ситуация продолжается уже не один год. Однако пресс-служба Wildberries заявила, что работников не штрафуют¹⁵.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что в России онлайн-платформы и маркетплейсы применяют следующие бизнес-модели для регулирования труда: работа с самозанятыми; заключение не трудовых, а гражданско-правовых договоров.

Правовое регулирование труда онлайн-работников в Китае

По данным 2024 г., в Китае насчитывается около 200 млн гиг-работников, из которых почти 100 млн заняты в гиг-работе в Интернете¹⁶. Как в России, так и в Китае работники могут работать на онлайн-платформе в качестве основного места работы или иметь «классическую» (по трудовому договору) основную работу и подрабатывать на онлайн-платформах.

Впрочем, в Китае ситуация с регулированием труда на онлайн-платформах несколько иная. Платформенная занятость с каждым годом охватывает всё большее количество людей, поэтому сегодня там действует три¹⁷ возможные бизнес-модели:

1) заключение трудового договора между работником и цифровой платформой. Платформа контролирует набор персонала, их трудовую деятельность. В качестве примера можно привести такие компании, как Shouqi Limousine and Chauffeur и Shenzhou UCar. Это компании такси, которые работают как онлайн, так и офлайн. С водителями заключаются трудовые договоры. Они участвуют во всех видах страхования, получают предусмотренные трудовые гарантии;

2) франчайзинговое сотрудничество через платформу. При такой работе платформа привлекает большое количество малых и микро-предприятий. В основном это платформы, оказывающие бытовые услуги. В данном случае платформа не выступает в качестве работодателя, а предоставляет только информационные услуги. Малые предприятия получают от платформы информацию о необходимости таких услуг и нанимают для этого сотрудников.

Работодателем здесь выступает не платформа, а малое предприятие. Примером работы такой платформы является Yunjiazheng — платформа, оказывающая услуги в сфере домашнего хозяйства. Она сотрудничает с Шанхайской ассоциацией по домашнему хозяйству и использует базу данных последней. В этом случае платформа выступает информационным посредником;

3) краудсорсинг. Платформа использует информационные технологии для обобщения информации о большом количестве работников разных профессий и специальностей. Это экосистема, которая взаимодействует как с работниками, так и с работодателями. В данном случае платформа не только предоставляет информацию, но и устанавливает правила работы, оплаты труда, управления, контроля и т.д. По такой системе, например, работают доставщики, водители такси, перевозок. Работники в любое время могут зайти на платформу, выбрать график работы, покинуть платформу. Соблюдение правил и норм, которые устанавливает платформа, обязательно. Однако трудовые договоры они не заключают; обычно это самозанятые граждане.

Необходимо отметить тот факт, что платформы в Китае работают не по одной бизнес-модели, а всё чаще используют смешанный (гибридный формат) формат.

Платформы на основе географического местоположения стали самыми быстрорастущими цифровыми платформами труда в Китае в последние годы. Они впервые появились в транспортном секторе в 2012 г. Это доставка продуктов питания, оказание бытовых услуг и др. Платформы позволяют работникам или поставщикам услуг конкурировать за заказы либо напрямую распределяют заказы между ними. Они обычно устанавливают стандарты предоставления услуг и в определенной степени вмешиваются в выбор и управление поставщиками услуг. Известными платформами такого типа в Китае являются: платформа Didi, предоставляющая транспортные услуги; платформы Meituan и Eleme по доставке продуктов

¹⁵ «Отношение — как в зоне». Экс-сотрудница склада Wildberries — о «тюремных» досмотрах, штрафах в половину зарплаты и мигрантах // URL: <https://29.ru/text/business/2024/10/21/74228582/> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁶ Chenting S. Reflecting on the platformization of gig work // URL: http://english.cssn.cn/skw_opinion/202407/t20240708_5763311.shtml (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁷ Digital Labour Platforms and Labour Protection in China // URL: <https://webapps.ilo.org/static/english/intserv/working-papers/wp011/index.html> (дата обращения: 10.09.2024).

питания; платформа 58.com по оказанию бытовых услуг.

Кроме того, существует тенденция «проникновения» платформ в традиционные предприятия (не являющиеся платформами), основанные на производстве товаров. Они разработали два основных подхода к использованию онлайн-краудсорсинговых работников: один внутренний, а другой внешний.

Внутренний подход подразумевает создание платформы внутри предприятия в качестве агента для преобразования производства в «экосистемы» между партнерами и клиентами. При таком подходе предприятия часто превращали своих работников в «предпринимателей» (самозанятых поставщиков услуг и независимых подрядчиков) и расторгли с ними трудовые договоры. Например, Haier, китайский гигант по производству бытовой техники, принял платформенную бизнес-модель и сократил значительное количество своих сотрудников.

Внешний подход заключается в сотрудничестве с платформами через службы занятости. Предприятия передают свое производство на аутсорсинг платформам через договоры гражданско-правового характера. В этих случаях предприятие выплачивает платформам стоимость аутсорсинга по специальному счету-фактуре с налогом на добавленную стоимость (НДС), выставляемому платформой предприятию. На следующих этапах платформа набирает работников, помогает им зарегистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей или «производителей» (китайский термин для самозанятых поставщиков услуг или независимых подрядчиков) через приложение платформы, а затем краудсорсингует контрактный бизнес от предприятия с зарегистрированными индивидуальными предпринимателями (производителями). После выполнения поставленных задач предприятие выплачивает платформе причитающиеся комиссионные, а платформа платит зарегистрированным индивидуальным предпринимателям (производителям) и помогает им выставить общий счет-фактуру с НДС в качестве доказательства уплаченного налога.

Оба подхода способствовали сокращению числа работников, имеющих трудовые отношения, и увеличению числа контрактов на оказание услуг. Разница для вовлеченного лица заключается в том, что оно больше не защищено трудовым законодательством. В особенно сложном положении оказались работники, для которых такая работа была единственной.

Ситуация осложнилась тем, что большинство работающих были недовольны таким положением вещей, в связи с чем профсоюзы выступили в защиту прав работников онлайн-платформ. Поэтому в феврале 2024 г. Министерство труда и социального обеспечения (MHRSS)¹⁸ приняло три новых руководства, в которых были установлены правила работы платформ для обеспечения работников по доставке, таксистам, работникам, оказывающим транспортные и бытовые услуги, трудовых прав: заработная плата должна соответствовать региональному минимальному размеру оплаты труда; работникам должны предоставляться выходные; должна соблюдаться установленная продолжительность рабочего времени и времени отдыха; должны предусматриваться возможности социального обеспечения. В указанных правилах также подчеркивается, что компании должны учитывать интересы своих работников, соблюдать их трудовые права.

В еще более сложном положении оказались доставщики еды в сельских районах Китая. В основном это работники-мигранты из разных китайских регионов. Условия их труда не соответствуют даже минимальным трудовым стандартам. Кроме того, самым важным фактором работы в данной сфере является быстрота доставки, которая влечет опасную и быструю езду, создающую опасность для них.

Для улучшения положения платформенных работников в Китае были предприняты меры по улучшению условий труда¹⁹. В январе 2020 г. Ассоциация Интернета Китая объединила 14 платформ для принятия документа «Предприятия платформ заботятся о работниках», призывая их взять на себя социальную ответственность и выполнить обязанность по улучшению имиджа платформ и повышению конкурентоспо-

¹⁸ China introduces new guidelines for online platforms to ensure minimum wage, breaks and rights protection for gig workers // URL: <https://www.business-humanrights.org/en/latest-news/china-introduces-new-guidelines-for-online-platforms-to-ensure-minimum-wage-breaks-and-rights-protection-for-gig-workers/> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁹ Wei T., Xueyu W. New forms of employment and labour protection in China, ILO Working Paper 103. Geneva, ILO. 2024. URL: <https://doi.org/10.54394/EKJK7740> (дата обращения: 10.09.2024).

собности. В названном документе был предложен ряд мер, включая установление разумных стандартов оплаты труда, защиту безопасности и здоровья работников, снижение уровня несчастных случаев, участие в схемах социального страхования в соответствии с законом и активное участие в негосударственных системах страхования. Однако упомянутый документ не содержит обязательных норм — только рекомендации. Это своего рода декларация, которая предусматривает общие принципы такой ответственности. Тем не менее это шаг вперед для китайских платформ в признании социальной ответственности перед работниками.

Онлайн-работники в Бразилии

Ситуация с платформенными работниками в Бразилии выглядит следующим образом. В 2022 г. здесь насчитывалось 1,5 млн человек, работающих с цифровыми платформами и сервисными приложениями, что эквивалентно 1,7 % населения; относительно 2023 г. статистические данные примерно такие же. Из указанного общего числа 52,2 % (или 778 тыс.) это служба такси или перевозок; вторым популярным направлением такой работы является доставка еды, продуктов — 39,5 % (или 589 тыс.); оказание услуг составило 13,2 % (197 тыс.) работающих. Доля мужчин, работающих на платформах (81,3 %), очень высока. Работники платформ в основном имеют среднее или неполное высшее образование (61,3 %). Почти 77,1 % работников платформы являются самозанятыми, а 9,3 % работают без официального договора. Рабочее время таких работников в среднем составило 46 часов в неделю, а взносы по социальному страхованию смогли внести только 35,7 % работников. Средний заработок работников цифровых платформ с высшим образованием составил 4 319 реалов; это ниже, чем у таких же работников, занятых по трудовому договору (5 348 реалов). Большинство работников платформ (70,1 %) были заняты без оформления какого-либо договора²⁰.

В Бразилии ситуация с правовым регулированием труда платформенных работников также вызывает опасения, поэтому в 2023 г.

при Министерстве труда и занятости Указом № 11.513 на трехсторонней основе была создана специальная Рабочая группа (17 представителей Правительства Бразилии, 15 представителей объединения работодателей (в том числе крупнейших онлайн-платформ — Uber, iFood и Amazon) и 15 представителей профсоюзов)²¹. Цель создания данной Рабочей группы — подготовить предложения по регулированию труда работников онлайн-платформ. Основная задача состояла в выработке решения об установлении минимального заработка для таких работников. Сделать это оказалось затруднительно, поскольку платформы используют различные бизнес-модели и по-разному рассчитывают оплату часа работы. Профсоюзы предлагали установить такой размер, который бы зависел от средства передвижения (мотоцикл, велосипед, машина), учитывал бы опасность работы и время доставки, страхование жизни, медицинское страхование, прозрачность и понятность для работников условий работы на платформе. Однако сделать это в итоге не удалось.

Новая тенденция платформенной занятости современной Бразилии — такое явление, как платформенный кооперативизм, т.е. рост числа платформ, принадлежащих работникам и управляемых ими. Такую концепцию разработали ученые из США. В 2023 г. в Бразилии был принят документ «План действий по платформенному кооперативизму в Бразилии». Сегодня это одна из самых активно развивающихся бизнес-моделей платформенной занятости.

Впрочем, по-прежнему дискуссионным остается вопрос о найме платформенных работников и о признании соответствующих отношений трудовыми. Судебная практика Бразилии также неоднозначно толкует этот вопрос. В большинстве случаев такие отношения не признаются трудовыми, а работники имеют статус самозанятых.

В 2024 г. Правительство Бразилии представило законопроект № 12/241, который будет регулировать работу водителей такси. Его цель заключается в том, чтобы гарантировать водителям, использующим приложения платформ,

²⁰ In 2022, 1.5 million persons worked through services applications in Brazil // URL: <https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/en/agencia-news/2184-news-agency/news/38168-in-2022-1-5-million-persons-worked-through-services-applications-in-brazil>.

²¹ Rafael A. F., Fernandes Z. V., Barcellos S. V. Emerging trends in the regulation of platform work in Brazil: a preliminary report // URL: https://www.dataprivacybr.org/wp-content/uploads/2024/03/regulation-of-platform-work_bydataprivacybrasil.pdf.

пакет трудовых и социальных прав, не нарушая их автономии в выборе рабочих часов. В нем указано, что такие работники являются самозанятыми работниками платформы. Интересно, что названный законопроект разделяет водителей двухколесных и четырехколесных транспортных средств, гарантируя социальные права, права на коллективные переговоры только для водителей последних. В нем дано определение платформенного работника как «водителя четырехколесного транспортного средства, работающего через приложения платформ». Таким работникам будет обеспечено право на объединение в профсоюз, а платформа будет обязана вести коллективные переговоры, заключать коллективные договоры и соглашения, рассматривать трудовые споры во внесудебном порядке.

Для работников двухколесного транспорта данные права не предусмотрены; кроме того, проблемой остаются низкая оплата труда, работа по изнуряющему графику, отсутствие отпуска, личной безопасности (высокий уровень травматизма) и иных трудовых гарантий.

Указанный законопроект прямо предусматривает, что работа на платформе — это не трудовые отношения, и трудовые договоры в данном случае не заключаются. Подобная работа признается работой нового типа, имеющей такие недостатки, как использование искусственного интеллекта, недостаточный учет потребностей работников, наложение на работников штрафных санкций без возможности их обжаловать, дискриминация. Несмотря на многочисленные дебаты, в настоящее время основными работниками платформ являются самозанятые работники.

Правовое регулирование труда онлайн-работников в Индии

По данным отчета Национального института трансформации Индии (NITI), в стране насчитывается 7,7 млн работников платформ. Здесь

представлены такие глобальные платформы, как Uber, Ola, BluSmart, Swiggy, Zomato, Urban Company, BigBasket, Porter, Zepto, Amazon Flex, Dunzo, UpWork, Fiverr, TatD и т.д. Растет число женщин, работающих на платформах²². Следует сказать, что проблемы платформенной занятости в Индии те же, что и в России, Китае, Бразилии: отношения между работниками и платформой не признаются трудовыми; не соблюдаются стандарты рабочего времени и времени отдыха, минимальной заработной платы, охраны труда; заработок носит нестабильный характер. Частично данные проблемы урегулировал Кодекс социального обеспечения, принятый в 2020 г.²³ Он закрепил новые понятия «платформенный работник», «гиг-работник», а также меры социального обеспечения для них, такие как страхование жизни, страхование от несчастных случаев, возможности получения пособия по болезни, беременности и родам, пенсионного обеспечения. Платформенный работник (разд. 2(35) Кодекса социального обеспечения 2020 г.) — это человек, который заключает срочные или краткосрочные договоры с платформой, выполняя задания и получая денежное вознаграждение. Вместе с тем работник остается независимым, т.е. трудовых отношений не возникает, а платформа не является работодателем. Обычно такую работу выполняют водители, курьеры, доставщики, внештатные сотрудники, графические дизайнеры, работники сферы клининга. Прогнозируется, что в 2025 г. в Индии будет 350 млн платформенных работников²⁴.

В Индии существуют две бизнес-модели платформ²⁵:

— так называемые видимые работники платформ (это водители такси, доставщики еды);

— «невидимые» работники (оказывающие услуги по уборке дома, выполняющие поручения, частные водители), т.е. те, кто работает за дверями домохозяйств.

²² Number of Gig & Platform Workers in India // URL: <https://www.nextias.com/ca/current-affairs/30-11-2024/number-of-gig-platform-workers-in-india> (дата обращения: 10.09.2024).

²³ The Code on Social Security, 2020 No. 36 of 2020 [28 September, 2020] // URL: https://labour.gov.in/sites/default/files/ss_code_gazette.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

²⁴ Tayal H. Regulating the Gig Economy in India: How Secure Are Gig Workers? // Supremo Amicus. 2022. Vol. 28. Jan. URL: <https://supremoamicus.org/wp-content/uploads/2022/01/Haini-Tayal-.pdf> (дата обращения: 10.09.2024).

²⁵ Expansion of the Gig and Platform Economy in India: Opportunities for Employer and Business Member Organizations. International Labour Organization 2024 // URL: <https://www.ilo.org/publications/expansion-gig-and-platform-economy-india-opportunities-employer-and> (дата обращения: 10.09.2024).

В настоящее время индийское трудовое законодательство признает три основные категории работников:

- 1) государственные служащие;
- 2) работники государственного сектора экономики;
- 3) работники частного сектора, работающие легально.

Данным работникам гарантируются стандарты труда, предусмотренные трудовым законодательством Индии, такие как минимальная зарплата в соответствии с Законом о минимальной заработной плате 1948 г., установленное количество часов работы, компенсация при расторжении трудового договора, иные трудовые права и гарантии.

Работники платформ в Индии не имеют статуса работника по трудовому договору, поэтому не обеспечены трудовыми правами, в том числе правом на создание профсоюза, защиту от дискриминации, заключение коллективных договоров и соглашений и др.

Индийские исследователи Ракшит С. Поннактур и Риша Рамачандран²⁶ отмечают, что с момента появления облачных платформ в Индии они стали очень популярными, т.к. давали возможность дополнительного заработка и выхода работников из теневой, неформальной занятости. Однако с течением времени платформы не привели к улучшению положения работающих. Сегодня большинство работников вынуждены «переключаться» с одной платформы на другую для дополнительного заработка, но это тоже не дает результата, поскольку оплата труда уменьшается. Однако работники не готовы отказаться от работы на платформе и перейти в реальный сектор, который не может предложить альтернативу с таким же заработком и уровнем образования, имеющимися навыками.

В июле 2024 г.²⁷ было принято распоряжение Министерства труда Индии, которое предписывает всем платформам и агрегаторам платформ обязать всех работников зарегистрироваться на портале e-Shram (центральная база данных работников, не имеющих официального статуса работника по трудовому договору), для того чтобы у них была возможность воспользоваться медицинской страховкой и другими гарантиями, такими как пособие по безработице, по беременности и родам, страхование от несчастных случаев. Получить указанные гарантии возможно будет через Государственную страховую корпорацию работников (ESIC). В сентябре 2024 г. министр труда Индии Мансукх Мандавия рекомендовал платформам взять на себя обязательства по регистрации своих работников на портале e-Shram²⁸. Таким образом, Правительство Индии включило работников платформ в систему социального обеспечения. Кроме того, в Правительстве Индии обсуждается необходимость пересмотра понятий «мигрант» и «платформенный работник», для того чтобы обеспечить этих работников трудовыми и социальными правами²⁹.

Необходимо отметить, что суды Индии также не признают отношения платформенных работников трудовыми. Работники не раз обращались в суды о признании соответствующих отношений трудовыми, а в последнее время нередко даже коллективные иски профсоюзов. Так, еще в сентябре 2021 г. Индийская федерация транспортных работников, работающих на основе приложений (IFAT), подала иск о защите интересов работников в Верховный суд Индии. В нем профсоюзы требовали признать работу этих платформенных работников трудовыми отношениями, для того чтобы на них распространялось трудовое законодательство и законодательство о социальном обеспечении³⁰.

²⁶ Ponnathpur R. S., Romanchandran R. The Financial Lives of Platform Workers: A Diaries Study in Bengaluru, India // URL: <https://dvararesearch.com/the-financial-lives-of-platform-workers-a-diaries-study-in-bengaluru-india/> (дата обращения: 08.09.2024).

²⁷ India is formalising measures to protect the rights of gig and platform workers // URL: <https://ullekhn.com/2024/09/20/india-is-formalising-measures-to-protect-the-rights-of-gig-and-platform-workers/> (дата обращения: 08.09.2024).

²⁸ Government to Bring Gig Workers under Social Security Net Via e-Shram Portal // URL: <https://swarajyamag.com/economy/government-to-bring-gig-workers-under-social-security-net-via-e-shram-portal> (дата обращения: 10.09.2024).

²⁹ Govt mulls reworking migrant, gig worker definitions // URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/govt-mulls-reworking-migrant-gig-worker-definitions-101724871661891.html> (дата обращения: 10.09.2024).

³⁰ Kavia H. The gig is up: international jurisprudence and the looming Supreme Court decision for Indian gig workers // URL: <https://theleaflet.in/analysis/the-gig-is-up-international-jurisprudence-and-the-looming-supreme-court-decision-for-indian-gig-workers> (дата обращения: 10.09.2024).

С подобными требованиями в суды обращались также таксисты платформ Uber и Ola. Однако в судах представители платформ отметили, что они являются не работодателями, а всего лишь агрегаторами услуг и заключают не трудовые договоры, а договоры о партнерстве, о чем работники знали заранее. Подобные доводы в судах приводятся представителями платформ во всех вышерассмотренных странах.

Пока окончательно не сформировано централизованное законодательство о платформенных работниках, в штате Раджастан пытаются решить данный вопрос на местном уровне³¹. Так, Законодательное собрание штата 10 октября 2024 г. приняло Закон о создании Совета по социальному обеспечению платформенных работников на базе платформы Раджастана, который будет способствовать финансированию социальной защиты. Подобные советы были образованы в Индии еще в начале 1950-х гг. на основании действовавшего в то время законодательства и давали возможность работникам одной профессии вести коллективные переговоры и получать возможность социального страхования. Принятый Закон штата Раджастан устанавливает, что все платформы в штате должны быть зарегистрированы, и все работники на этих платформах автоматически регистрируются в созданном Совете. За каждую транзакцию, совершаемую на платформах, должна взиматься плата, которая будет идти на финансирование социального обеспечения работников через Совет по социальному обеспечению. Это дает возможность предоставления права на социальное обеспечение по закону; создает механизм, позволяющий каждому работнику быть зарегистрированным и получать справедливую заработную плату; названный Совет создан на трехсторонней основе (из представителей правительства, работников и работодателей), что должно гарантировать принятие сбалансированных решений,

учитывающих интересы сторон. Представители профсоюза считают, что эта инициатива станет примером для других штатов, что поможет улучшить положение платформенных работников.

Правовое регулирование труда работников облачных платформ в ЮАР

В Южной Африке, по примерным оценкам, на онлайн-платформах работает около 135 000 работников, или 1 % от общего числа занятых³². Как видно из представленных данных, это значительно меньше, чем в других странах БРИКС.

В ЮАР, так же как и в других странах БРИКС, дискуссионным остается вопрос о правовой природе отношений работников платформ. В 2002 г. в законодательство ЮАР были внесены поправки, устанавливающие признаки трудовых отношений: работа осуществляется под контролем и руководством другого человека; реализуется контроль за рабочим временем; работник включен в коллектив и штат юридического лица; гражданин работает на нанимателя не менее 40 часов в неделю на протяжении трех месяцев; работник экономически зависит от нанимателя, т.е. получает заработок; работнику предоставляется необходимое оборудование для работы; работа выполняется только у одного нанимателя³³.

Именно эти признаки являются важными и определяющими для признания отношений трудовыми, в том числе и для платформенных работников.

Работа на платформах в ЮАР, так же как и в других странах БРИКС, не отличается стабильностью; на работников не распространяются нормы трудового законодательства, законодательства о социальном обеспечении. Кроме того, в Южной Африке существуют свои особенности рынка труда, в том числе и для платформенных работников. Так, ученые Кейптаунского университета³⁴ отмечают, что рынок труда Юж-

³¹ Financing Social Protection — Lessons from Gig Workers in India // URL: <https://www.wiego.org/blog/financing-social-protection-lessons-gig-workers-india/> (дата обращения: 10.09.2024).

³² Mokofe W. M. Achieving decent work for digital platform workers in South Africa // *Obiter*. 2022. Vol. 43. No. 2. P. 162. URL: https://scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1682-58532022000200008 (дата обращения: 10.09.2024).

³³ Niekerk A. van, Smit N., Christianson M., McGregor M., Eck B. P. S. van. *Law@work*. LexisNexis, 2017. URL: https://store.lexisnexis.co.za/products/lawwork-6th-ed-skuZASKUPG8002?srsId=AfmBOoq9Bj41YD_ikE913MXehBOTUk7uai6lvsPFxLcONzuWeAtqZX2q (дата обращения: 10.09.2024).

³⁴ Belle J. P. van, Howson K., Graham M., Heeks R., Bezuidenhout L., Tsibolane P., Toit D. du, Fredman S., Mungai P. Fair work in South Africa's gig economy: A journey of engaged scholarship // URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666378323000168> (дата обращения: 10.09.2024).

ной Африки характеризуется многогранными измерениями неравенства, включая географическое, расовое и гендерное, а платформы могут служить для усугубления существующего неравенства и бедности.

Для решения этой проблемы в ЮАР была создана организация Fairwork Project, куда вошли 11 крупных онлайн-платформ. Основные вопросы, которые были согласованы, — это распространение на работающих пяти трудовых принципов: справедливой оплаты за труд, безопасных условий труда, официального оформления (заключения трудового или гражданско-правового договора), работы под управлением платформы, права на коллективное представительство и переговоры. Важным является то, что данный проект направлен на информирование работников о реальных условиях труда на платформе, чтобы те, кто захочет там работать, знали действительные условия, понимали их и делали осознанный выбор.

Благодаря этому проекту платформы согласились устанавливать работникам заработную плату не ниже прожиточного минимума; была определена понятная процедура обжалования наложенных на работников дисциплинарных взысканий. Например, платформа NoSweat разработала правила по охране труда и технике безопасности, выплачивает работникам зарплату выше минимальной, обязалась признать профсоюз работников и вести с ним переговоры, если таковой будет сформирован. Другая платформа — SweepSouth — также поддержала эту инициативу; кроме перечисленного, она дополнительно приняла нормы по улучшению условий труда, включая страхование на случай смерти и инвалидности в результате несчастного случая³⁵.

Начиная с 2019 г. и ежегодно Fairwork Project готовит доклад об условиях труда платформенных работников. В нем отмечается³⁶, что в 2023 г. условия труда платформенных работников в Южной Африке значительно ухудшились. Большой проблемой остаются насилие и преступность, которые влияют на выполнение обязанностей платформенных работников (например, работники сферы клининга не хотят выходить на работу в дома, расположенные в определенных районах).

³⁵ Mokofe W. M. Op. cit.

³⁶ Fairwork South Africa Ratings 2023: Advocating for Safety and Dignity in the Platform Economy // URL: https://fair.work/wp-content/uploads/sites/17/2024/01/Fairwork_South_Africa_Report_2023_UP-2.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

Заключение

Рассмотрев вопрос о платформенной занятости в странах БРИКС, можно сделать некоторые выводы:

— используются следующие подходы к правовому регулированию труда на платформах: 1) принимается новое законодательство о платформенной занятости и самозанятых граждан; 2) новое законодательство о платформенной занятости не принимается, но вносятся поправки в существующее трудовое, социальное, гражданское законодательство; 3) платформы самостоятельно регулируют правила работы;

— с работниками онлайн-платформ заключаются не трудовые, а в большинстве случаев гражданско-правовые договоры;

— трудовые права работников не соблюдаются;

— работники остаются без возможности социальной защиты, в том числе и пенсионного обеспечения;

— платформенная занятость дает возможность гибкого графика, но конкуренция среди работников настолько высока, что заработок снижается и возникает так называемое облачное рабство, когда доход данных работников минимален;

— суды не признают такие отношения трудовыми, однако за последние два года были приняты нормативные акты о предоставлении отдельных трудовых прав гиг-работникам (предусматривающие минимальный отдых, максимум часов рабочего времени, минимальный размер заработной платы, возможность пенсионного и медицинского страхования и др.);

— работники платят комиссию платформе, для того чтобы иметь возможность там работать; при этом платформа называет их партнерами или микропредприятиями, чтобы создать иллюзию взаимодействия.

Во всех странах БРИКС похожие бизнес-модели и похожие проблемы в правовом регулировании труда платформенных работников. Для их решения необходимы дальнейшее сотрудничество между странами и выработка совместными усилиями общих подходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Belle J. P. van, Howson K., Graham M., Heeks R., Bezuidenhout L., Tsibolane P., Toit D. du, Fredman S., Mungai P. Fair work in South Africa's gig economy: A journey of engaged scholarship // URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666378323000168#bb0105https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666378323000168>.

Chenting S. Reflecting on the platformization of gig work // URL: http://english.cssn.cn/skw_opinion/202407/t20240708_5763311.shtml.

Kavia H. The gig is up: international jurisprudence and the looming Supreme Court decision for Indian gig workers // URL: <https://theleaflet.in/analysis/the-gig-is-up-international-jurisprudence-and-the-looming-supreme-court-decision-for-indian-gig-workers>.

Mokofo W. M. Achieving decent work for digital platform workers in South Africa // *Obiter*. 2022. Vol. 43. No. 2. URL: https://scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1682-58532022000200008#:~:text=In%20South%20Africa%2C%20it%20has,cent%20of%20those%20in%20employmenthttps://scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1682-58532022000200008.

Niekerk A. van, Smit N., Christianson M., McGregor M., Eck B. P. S. van. *Law@work*. LexisNexis, 2017. URL: https://store.lexisnexis.co.za/products/lawwork-6th-ed-skuZASKUPG8002?srltid=AfmBOoq9Bj41YD_ikE913MXehBOTUk7uai6lvsPFxLcONzuWeAtqZX2q.

Ponnathpur R. S., Romanchandran R. The Financial Lives of Platform Workers: A Diaries Study in Bengaluru, India // URL: <https://dvararesearch.com/the-financial-lives-of-platform-workers-a-diaries-study-in-bengaluru-india/>.

Rafael A. F., Fernandes Z. V., Barcellos S. V. Emerging trends in the regulation of platform work in Brazil: a preliminary report // URL: https://www.dataprivacybr.org/wp-content/uploads/2024/03/regulation-of-platform-work_bydataprivacybrasil.pdf.

Tayal H. Regulating the Gig Economy in India: How Secure Are Gig Workers? // *Supremo Amicus*. 2022. Vol. 28. Jan. URL: <https://supremoamicus.org/wp-content/uploads/2022/01/Haini-Tayal-.pdf>.

Wei T., Xueyu W. New forms of employment and labour protection in China. ILO Working Paper 103. Geneva : ILO, 2024. URL: <https://doi.org/10.54394/EKJK7740>.

REFERENCES

Chenting S. Reflecting on the platformization of gig work. Available at: http://english.cssn.cn/skw_opinion/202407/t20240708_5763311.shtml.

Kavia H. The gig is up: international jurisprudence and the looming Supreme Court decision for Indian gig workers. Available at: <https://theleaflet.in/analysis/the-gig-is-up-international-jurisprudence-and-the-looming-supreme-court-decision-for-indian-gig-workers>.

Mokofo WM. Achieving decent work for digital platform workers in South Africa. 2022. ISSN 2709-555X. Available at: https://scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1682-58532022000200008#:~:text=In%20South%20Africa%2C%20it%20has,cent%20of%20those%20in%20employmenthttps://scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1682-58532022000200008.

Niekerk A van, Smit N, Christianson M, McGregor M, Van Eck BS. *Law@work*. LexisNexis; 2017. Available at: https://store.lexisnexis.co.za/products/lawwork-6th-ed-skuZASKUPG8002?srltid=AfmBOoq9Bj41YD_ikE913MXehBOTUk7uai6lvsPFxLcONzuWeAtqZX2q.

Ponnathpur RS, Romanchandran R. The Financial Lives of Platform Workers: A Diaries Study in Bengaluru, India. Available at: <https://dvararesearch.com/the-financial-lives-of-platform-workers-a-diaries-study-in-bengaluru-india/>.

Rafael AF, Fernandes ZV, Barcellos SV. Emerging trends in the regulation of platform work in Brazil: a preliminary report. Available at: https://www.dataprivacybr.org/wp-content/uploads/2024/03/regulation-of-platform-work_bydataprivacybrasil.pdf.

Tayal H. Regulating the gig economy in India: how secure are gig workers? *Supremo Amicus*. Vol. 28. January. 2022. ISSN 2456-9704. Available at: <https://supremoamicus.org/wp-content/uploads/2022/01/Haini-Tayal-.pdf>.

Van Belle JP, Howson K, Graham M, Heeks R, Bezuidenhout L, Tsibolane P, Du Toit D, Fredman S, Mungai P. Fair work in South Africa's gig economy: A journey of engaged scholarship. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666378323000168#bb0105>.

Wei T, Xueyu W. New forms of employment and labour protection in China. ILO Working Paper 103. Geneva: ILO Publ.; 2024. Available at: <https://doi.org/10.54394/EKJK7740>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шестерякова Ирина Владимировна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ivshesteryakova@msal.ru

Шестеряков Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Международного юридического института

д. 4, Кашенкин Луг ул., г. Москва 127427, Российская Федерация
igor.shesteryakov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Shesteryakova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Labor Law and Social Security Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ivshesteryakova@msal.ru

Igor A. Shesteryakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Civil Law and Civil Procedure, International Law Institute, Moscow, Russian Federation
igor.shesteryakova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 12 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2025 г.

Received 12.09.2024.

Revised 14.04.2025.

Accepted 15.04.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.068-076

А. А. ВолосНациональный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация

Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и цифровые технологии: вопросы судебной практики

Резюме. Автор формирует научно обоснованные выводы о направлениях развития судебной практики по вопросам применения недавно появившихся в ГК РФ норм, связанных с использованием цифровых технологий субъектами экономического оборота. В статье делается принципиальное заключение о том, что суды нередко используют рассматриваемые нормы не в том контексте, который имелся в виду при их создании. Практика по данным делам не может считаться сформированной, что, помимо прочего, подразумевает необходимость подготовки научно обоснованных разъяснений на уровне Верховного Суда РФ. Среди наиболее сложных остается вопрос о возможности применения ст. 141.1 ГК РФ по аналогии для регулирования отношений по поводу цифровых активов, прямо в законе не указанных. Рассуждая об электронном способе заключения договора, стоит сделать вывод о том, что статья 160 ГК РФ говорит о допустимости процедуры доказывания факта заключения договора и его условий, а не о субъективных гражданских правах участников экономического оборота на использование электронных средств коммуникации. Складывается точка зрения о существовании опровержимой презумпции того, что стороной сделки, заключенной посредством электронной идентификации, является тот субъект, который указан в документах о сделке.

Ключевые слова: принципы гражданского права; цифровые технологии; судебная практика; смарт-контракт; цифровые права; криптовалюты; цифровые активы; автоматизированное исполнение обязательств; электронная форма сделок; стандарты доказывания

Для цитирования: Волос А. А. Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и цифровые технологии: вопросы судебной практики. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 5. С. 68–76. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.068-076

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01055, <https://rscf.ru/project/23-78-01055/>.

Norms of the Civil Code of the Russian Federation and Digital Technologies: Issues of Judicial Practice

Alexey A. VolosNational Research University «Higher School of Economics»
Moscow, Russian Federation

Abstract. The author draws scientifically grounded conclusions regarding directions of judicial practice development in the context of application of the norms that recently emerged in the Civil Code of the Russian Federation and related to the use of digital technologies by participants of economic turnover. The paper concludes in principle that the courts often apply the rules in question in a different context than the context that was meant by the law-maker. Practice in the cases under consideration cannot be considered as settled, which, among other things, implies the need to prepare scientifically based explanations at the level of the Supreme Court of the Russian Federation. One of the most difficult issues is the issue of the possibility of applying the

© Волос А. А., 2025

rules of Art. 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation, by analogy with the law, to regulate relations over digital assets that are not directly specified in the law. Speaking about the electronic method of concluding an agreement, it is worth concluding that Article 160 of the Civil Code of the Russian Federation actually speaks of the admissibility of the procedure for proving the fact of concluding an agreement and its terms, and not of the subjective civil rights of participants in economic turnover to use electronic means of communication. There is a point of view that there is a refutable presumption that the party to the transaction concluded through electronic identification is the entity specified in the transaction documents.

Keywords: civil law principles; digital technologies; judicial practice; smart contract; digital rights; cryptocurrencies; digital assets; automated fulfillment of obligations; electronic form of transactions; standards of proof

Cite as: Volos AA. Norms of the Civil Code of the Russian Federation and Digital Technologies: Issues of Judicial Practice. *Lex russica*. 2025;78(5):68-76. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.068-076

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-78-01055, <https://rscf.ru/project/23-78-01055/>.

Понимая факт возрастания значимости цифровых технологий для экономического оборота, отечественный законодатель за последние годы внес в ГК РФ несколько дополнений, которые прямо направлены на уточнение прав и обязанностей соответствующих субъектов. Для удобства исследования условно разделим эти новеллы на несколько групп.

Первое направление: определение в законе новых объектов гражданских прав. Речь идет в первую очередь о цифровых правах и цифровых рублях. Впрочем, их правовой режим продолжает оставаться предметом дискуссий. Например, популярно мнение о том, что цифровые права — это не отдельный вид гражданских прав, а лишь особая форма осуществления, способ фиксации прав¹. Такой подход может быть обоснован, помимо прочего, не самой лучшей дефиницией цифровых прав в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ.

Напротив, представляется, что на самом деле отличительной чертой всех цифровых активов является не форма их выражения (существование в цифровой (двоичной) форме), а то обстоятельство, что применительно к таким активам сложно разделить имущественную и неимущественную составляющую. Так, ценность криптовалюты вызвана, с одной стороны, потенциальной способностью обмена на деньги и наличием у нее имущественной ценности, а с другой стороны, уникальной возможностью доступа через логин, пароль и иные средства аутентификации. В таком контексте цифровые активы (в широком

смысле, а не только цифровые права) уже не выглядят лишь формой осуществления гражданских прав. При этом именно для цифровых прав, судя по всему, законодатель хотел создать специфический правовой режим, отличающийся от режима иных цифровых активов.

Второе направление: уточнение правил о форме сделок, применительно к которым особым образом указана возможность их совершения с помощью электронных либо иных технических средств. Прямо разрешается совершение лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде ее содержание (ст. 160 ГК РФ). Однако остается в силе положение закона о том, что требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю². Тем самым акцент на допустимости электронной или иной подобной формы сделки делается не в связи с применением цифровых технологий, а в связи с тем, каким образом происходит идентификация субъекта и можно ли в дальнейшем доказать факт совершения сделки конкретным лицом.

Развивая правило о допустимости электронной формы сделки и обобщая складывающуюся сейчас деловую практику, выделим основные виды гражданско-правовых договоров, заключение которых происходит с использованием цифровых технологий³: договор в простой пись-

¹ См., например: Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 26.

² См., например: Джумагулов Д. Д. Значение подписи как реквизита письменной формы // Закон. 2024. № 5. С. 176.

³ Предложенная классификация представляет собой обобщение деловой практики, а также некоторое уточнение того, что уже было высказано в науке ранее. См., например: Правовое регулирование элек-

менной форме, заключенный путем составления единого электронного документа или путем обмена электронными документами; договор, заключенный путем обмена сообщениями в мессенджере; договор, подписанный электронной подписью (простой, усиленной неквалифицированной, квалифицированной); договор, заключенный путем клика мышью (browse-wrap соглашения и click-wrap соглашения); договор, заключенный на электронных платформах и в других информационных системах.

Третье направление: закрепление в ГК РФ специальной нормы, посвященной исполнению обязательства при применении информационных технологий, определенных условиями сделки. Изначально складывалось впечатление, что законодатель планирует внести правила о смарт-контрактах, но, как правильно отмечено в научной литературе, до сих пор в нашей стране отсутствует четкое юридическое определение смарт-контракта⁴. В итоге в абз. 2 ст. 309 ГК РФ появилось правило о том, что стороны могут предусмотреть применение информационных технологий в целях исполнения обязательств. Ввиду принципа свободы договора вряд ли кто-то с этим стал бы спорить и до того, когда появилась комментируемая норма. Важно при этом учитывать, что юристы рекомендуют применять смарт-контракт только с дополнительным дублированием на естественном языке⁵. На практике это означает необходимость детализации прав и обязанностей сторон своим соглашением. Потенциальная значимость абз. 2 ст. 309 ГК РФ тем самым еще больше снижается.

Изменения в гражданском законодательстве не исчерпываются тремя вышеуказанными условными группами. Так, в качестве тенденций развития частного права в свете цифровизации общественных отношений следует выделить закрепление новых понятий, которые возникли в связи с цифровизацией экономического оборота (майнинг и др.); уточнение правового статуса ряда субъектов гражданских правоотношений

(оператор информационной системы, агрегатор и др.); смещение акцента с общего на специальное правовое регулирование, в том числе подзаконное; как следствие, внесение в ГК РФ большого количества рамочных и отсылочных норм. Например, для целей регулирования гражданских отношений по поводу цифровых прав и цифровых рублей особую актуальность приобретают акты Банка России, место которых в системе источников гражданского права традиционно вызывает вопросы.

Обсуждая названные тенденции трансформации права в связи с развитием цифровых технологий, нельзя не отметить, что происходит она в настоящий момент эволюционным путем. Следует согласиться с позицией о том, что «вместо отмеченного отдельными авторами “революционного пути” идет постепенное эволюционное развитие представлений о гражданско-правовом договоре. Цивилистическая доктрина отреагировала на технологические вызовы, став ризоморфной в своей междисциплинарности, пытаясь осмыслить правовые феномены, связанные с цифровизацией общественных отношений»⁶.

Таким образом, при толковании законодательных норм, касающихся ситуаций использования субъектами экономического оборота цифровых технологий, следует учитывать их место в системе права, а также тот факт, что такие нормы не меняют существо регулирования. Сказанное, в частности, означает применимость принципов гражданского права (юридического равенства участников правоотношений, автономии воли, свободы договора, добросовестности и т.п.) для установления правильного смысла правовых положений.

Впрочем, имеется и несколько иное мнение: следует говорить о цифровом праве как о самостоятельной отрасли права⁷, что, помимо прочего, «нацелено на создание новой регуляторной среды для современной цифровой экономики»⁸. Представляется, что указанный

тронной коммерции : учеб. пособие / С. Ю. Филиппова, Ю. С. Харитонов, Н. В. Щербак. М. : Юстицинформ, 2024. С. 248.

⁴ См., например: *Швец А. В., Гайдук В. А.* Смарт-контракты в российском праве: отсутствие определения и вызванные им юридические и практические проблемы // Юрист. 2024. № 1. С. 51.

⁵ См., например: *Stazi A.* Smart Contracts and Comparative Law. A Western Perspective. Springer, 2021. P. 120.

⁶ *Богданов Д. Е.* Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора // Lex russica. 2023. Т. 76. № 3. С. 21.

⁷ См., например: *Зайцев О. В.* Цифровое право в системе российского права // Lex russica. 2024. Т. 77. № 9. С. 116–126.

⁸ *Вайпан В. А.* Понятие и правовая природа цифрового права // Право и бизнес. 2024. № 2. С. 10.

вывод в настоящий момент не находит подтверждения эмпирическими данными, деловой практикой, что, однако, не препятствует продолжению дискуссий по заявленному вопросу.

Важно отметить, что поиск адекватного правового регулирования в данной сфере продолжается, о чем свидетельствует, например, дискуссия по поводу специального законодательства о маркетплейсах⁹. Более того, ученые и практикующие юристы, применяющие различные нормы, обнаруживают в них неточности, а также проблемы в регулировании, что является предпосылкой для совершенствования уже имеющего законодательства. Примером может стать законодательство об электронной подписи, которая на практике используется достаточно давно. Вместе с тем это не означает отсутствия направлений для совершенствования законодательства в данной сфере¹⁰.

Показателен и правоприменительный аспект: суды начинают применять новые законодательно установленные правила, что позволяет прогнозировать, как в целом будет развиваться практика. Таким образом, *основной целью настоящего исследования является именно формирование научно обоснованных выводов по поводу направлений развития судебной практики по вопросам применения недавно появившихся норм ГК РФ, связанных с использованием субъектами экономического оборота цифровых технологий*. Важно, что абсолютное большинство исследований по тематике регулирования гражданских отношений в условиях цифровизации фундаментальные, нередко оторванные от практики, что нельзя признать правильным. В такой ситуации неудивительным является утверждение о том, что при проведении исследований в эпоху цифровых технологий важно изучать судебную практику во многих юрисдикциях¹¹. Хотелось бы, чтобы

в целом акцент был смещен в пользу эмпирических исследований, имеющих прикладной смысл.

Анализ судебной практики, сложившейся за несколько лет после появления новелл ГК РФ, в совокупности показывает, что суды применяют рассматриваемые нормы несколько не в том контексте, который подразумевался при их создании. В частности, деловая практика по обороту цифровых финансовых активов только начинает складываться, поэтому и судебных споров, связанных с цифровыми правами, провозглашенными в ст. 141.1 ГК РФ, пока нет. При этом статья 141.1 ГК РФ используется судами для обоснования отсутствия правового регулирования отношений по поводу цифровых активов, не являющихся цифровыми правами. Тем самым подтверждается принцип легалитета: к цифровым правам относятся лишь такие объекты, которые прямо указаны в законе в таком качестве. Например, в суде было заявлено требование «об обязанности передать логины и пароли к социальным сетям... а также доступы к TripAdvisor, “Яндекс Карты”, “2ГИС”». Суд, сделав ссылку на п. 2 ст. 141.1 ГК РФ, в удовлетворении этих требований отказал, поскольку истцом не доказана принадлежность и права на данные цифровые ресурсы¹². По другому делу обсуждалась действительность договора, связанного с реализацией криптовалюты. Суд отметил, что «положения статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, на неприменение которых указывает заявитель кассационной жалобы, не могут повлиять на выводы судов. Более того, исходя из даты возникновения спорных правоотношений, данная норма не подлежит применению»¹³. То есть как будто бы основные аргументы неприменения ст. 141.1 ГК РФ в данных делах — содержание прав и обязанностей по правилам указанной

⁹ На факультете права прошел круглый стол «Перспективы законодательного регулирования электронной торговли и маркетплейсов» // URL: <https://pravo.hse.ru/news/896639856.html> (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁰ О некоторых предложениях по совершенствованию законодательства об электронной подписи см.: Селезнева О. А., Батченко Д. С., Плетнев Н. И. Действительность усиленной квалифицированной электронной подписи, или Исчезающие чернила // Закон. 2024. № 9. С. 83.

¹¹ Pagey D. Comparative Legal Research in Copyright in the Digital Age: Nature, Significance and Methodological Steps // Indian Law Institute Law Review. 2020. Winter Issue. P. 81.

¹² Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2022 № 11АП-1617/2022 по делу № А65-16901/2020 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

¹³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.08.2020 № Ф01-11633/2020 по делу № А43-34718/2017.

статьи и ее действие во времени, хотя ввиду принципа легалитета правила ст. 141.1 ГК РФ не должны применяться к спорным правоотношениям в принципе. Однако суды в обосновании своих решений почему-то постеснялись написать это прямо.

Более логичным представляется следующий подход суда: «Истец необоснованно указывает на то, что карточка товара является объектом гражданских прав, приравнивая карточки к цифровым правам. Между тем карточка товара не отвечает признакам объекта цифрового права, установленным в ст. 141.1 ГК РФ, Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ, Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ, и, следовательно, не может являться объектом гражданских прав»¹⁴. При этом остается вопрос, не может ли какой-то цифровой актив (в комментируемом деле был спор по поводу так называемых карточек товара на маркетплейсах Ozon и Wildberries) быть объектом гражданских прав в силу ст. 128 ГК РФ и не исчерпывающего перечня «иного имущества». В любом случае не до конца верна следующая логическая посылка: «карточка товара — не цифровое право, а следовательно, не объект гражданских прав».

Любопытен другой подход российских судов, согласно которому даже сделки по поводу цифровых активов, прямо не указанных в законе, могут совершаться. В частности, в ряде дел суды правильно признавали, что правила о цифровых правах неприменимы к криптовалюте. Вместе с тем делался принципиальный вывод о допустимости сделок по поводу криптовалют¹⁵. Как сказано в одном судебном решении, «сделки с цифровой валютой могут совершаться»¹⁶. Полагаем, что такой вывод соответствует принципам гражданского права и в целом должен быть поддержан постольку, поскольку иное не установлено законодательством, а имеющееся регулирование цифровой валюты в законодательстве о цифровых финансовых активах не может признаваться в качестве формирующего конкретный частноправовой режим данного объекта.

Приходится констатировать, что правовой режим цифровой валюты и криптовалюты остается в некоторой степени загадочным. Так, не совсем ясно, можно ли между ними поставить знак равенства. Далеко не все специалисты, близкие к обороту криптовалюты, согласны с тем, что ее признаки в полной мере соответствуют цифровой валюте по смыслу российского законодательства. Также вопрос о сущности цифровой валюты остается сложным, т.к., по утверждению ученых, у нее есть некоторые уникальные характеристики, которые не учтены законодателем. В частности, отмечается, что «отношения, возникающие относительно цифровой валюты, обладают сложной структурой и состоят из абсолютного и нескольких видов относительных правоотношений. В цифровой валюте, вопреки утверждению законодателя, присутствует имущественное содержание (имущественное право, заключающееся в возможности предъявлять требования), а ее обладателю противостоят обязанные лица, как в рамках абсолютного, так и в рамках относительных правоотношений»¹⁷. На данный момент в целом можно согласиться с их значительной экономической ценностью, а также с тем, что такие объекты должны быть строго отделены от физических объектов¹⁸.

Представляется, что главный вопрос не только в определении правовой сущности, но и, что вытекает из этого, в потенциальной применимости норм действующего законодательства к цифровой валюте (криптовалюте). Остается неразрешенным вопрос о возможности применения ст. 141.1 ГК РФ по аналогии для регулирования отношений по поводу цифровых активов, прямо в законе не указанных. Формулировка положений закона, а также имеющаяся на данный момент судебная практика формально этого не исключают.

Как видим, применение в судах правил ст. 141.1 ГК РФ о цифровых правах касается в данный момент ситуаций, не имеющих отношения к самим цифровым правам. Однако также любопытная практика формируется и по отно-

¹⁴ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2023 № 10АП-22628/2023 по делу № А41-7276/2022.

¹⁵ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2021 № 88-10336/2021.

¹⁶ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28.03.2024 № 33-8733/2024.

¹⁷ Дерюгина Т. В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 2 (64). С. 274.

¹⁸ Eigentum in der digitalen Gesellschaft / F. Hofmann, B. Raue, H. Zech (Hrsg.). Tübingen : Mohr Siebeck, 2022. S. 4.

шению к другой новелле — норме абз. 2 ст. 309 ГК РФ. Как видно из ее содержания, она касается процедуры исполнения обязательства. Суды начали применять ее для разрешения споров, связанных с формой взаимодействия сторон. В частности, по одному из дел рассматривался вопрос о допустимости электронной переписки в качестве доказательства принятия контрагентом исполнения обязанностей по договору. Суд кассационной инстанции, сославшись на абз. 2 ст. 309 ГК РФ, отметил, что электронная переписка не может являться доказательством, подтверждающим выполнение работ, ввиду того, что такой способ исполнения обязательств не может считаться надлежащим¹⁹.

Несомненно, ссылка на абзац 2 ст. 309 ГК РФ в приведенном контексте не является релевантной ввиду того, что, как прямо в нем указано, он касается случаев исполнения обязательства в отсутствие дополнительно выраженного волеизъявления сторон. Следовательно, только для этой ситуации законодатель предусмотрел обязательное определение способа исполнения обязательства условиями сделки. Направление письма, пусть и электронным способом, очевидно, предполагает наличие волеизъявления. Расширенное толкование абз. 2 ст. 309 ГК РФ было бы абсурдным, т.к. вряд ли законодатель подразумевал, что любое формальное взаимодействие сторон договора посредством информационных технологий должно быть обязательно определено соглашением сторон. С другой стороны, процитированный подход суда мог бы послужить стимулом к новому витку дискуссий по поводу того, что есть исполнение обязательства и можно ли направление каких-либо документов для подтверждения факта исполнения считать самим исполнением.

По сравнению с проанализированными выше новыми правилами абз. 2 ст. 309 и 141.1 ГК РФ судебная практика по поводу заключения сделки с помощью электронных либо иных технических средств выглядит разнообразной

и даже по некоторым вопросам сформированной. Впрочем, суды часто верно отмечают, что неважен сам факт использования каких-либо технических средств для заключения договора. Наиболее актуальным остается такой аспект, как идентификация субъекта, вступающего в сделку. По смыслу действующей редакции ст. 160 ГК РФ (и, как представляется, предыдущей редакции также) допускается «заключение сделки в том числе путем обмена документами по электронной почте при возможности достоверного установления факта, от кого исходило сообщение и кому оно адресовано»²⁰. Далее, хотя и не в каждом судебном решении, но прослеживается идея свободного выбора субъектами формы взаимодействия, ведь «отсутствие между сторонами соглашения об обмене электронными документами не является нарушением требований закона»²¹. То есть, по идее, нет необходимости изначально сторонам согласовывать электронную форму взаимодействия, например, в стандартной письменной форме. По крайней мере, статья 160 ГК РФ на это никак не указывает.

Несколько иной вывод можно сделать исходя из практики, связанной с так называемыми эмодзи. Так, известность в юридических кругах приобрело дело, по которому суд признал знак в виде большого пальца вверх в мессенджере выражением воли, имеющим правовые последствия. Однако важно, что в рассматриваемом случае между сторонами изначально был традиционный договор в письменной форме, согласно которому субъекты согласились на взаимодействие по WhatsApp²². Показательно, что в другом деле суды не признали символ в виде четырех рукопожатий в качестве волеизъявления стороны, т.к. «направление названных символов не может достоверно подтверждать принятие заказчиком выполненных работ и их объемы»²³.

Таким образом, нельзя сказать, чтобы в России складывалась практика признания за

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 07.07.2020 № Ф10-2378/2020 по делу № А84-3639/2019.

²⁰ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.07.2024 № Ф10-1569/2024 по делу № А08-10062/2022.

²¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.12.2022 № Ф06-26834/2022 по делу № А55-3350/2022.

²² Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 № 15АП-8889/2023 по делу № А32-36944/2022.

²³ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2024 № 07АП-1967/2024 по делу А27-4962/2023.

знаками эмодзи правовых последствий. Такие возможны, но только при существовании юридического состава, включающего в себя одновременно различные юридические факты, в том числе подтверждающие уже существующие договорные отношения между сторонами, а также допустимость использования электронной переписки между ними.

Анализ практики по электронному способу заключения договора может привести к мысли о том, что речь здесь идет не о материальном правоотношении, возникновении прав и обязанностей контрагентов, а о процедуре доказывания в рамках судебного спора, возникшего из рассматриваемого договора. Закон как будто бы говорит о том, что электронный документ может быть средством доказывания факта заключения договора и его условий. Думается, что отчасти дела обстоят именно так, а значит, именно в таком контексте (через значимость для процедур доказывания) следует толковать новые правила абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ. Вместе с тем получается, что указанная норма не предлагает ничего нового, ведь фактически об этом же всегда говорил пункт 1 ст. 162 ГК РФ: в подтверждение факта заключения сделки и ее условий можно ссылаться на письменные доказательства. В связи с этим можно ли говорить, что электронная форма по новой редакции ГК РФ не дает ничего нового? Представляется, что это не совсем так, ведь определенным образом суды, применяя абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ, формируют стандарты доказывания. Именно в этом, как представляется, наибольшая ценность комментируемых правил для практики. Так, одним из возможных стандартов доказывания в порядке спора о признании сделки заключенной должен быть признан следующий: сторона, которая ссылается на возможность признания за электронной формой взаимодействия субъектов юридически значимых последствий, должна подтвердить, что другая сторона знала или должна была знать о допустимости такой формы взаимодействия, а также о том, кто конкретно выражает свою волю. Например, направление текста договора с электронного адреса, не принадлежащего субъекту и не согласованного сторонами в качестве средства взаимодействия, не может рассматриваться в качестве юридически

значимого волеизъявления²⁴. В такой ситуации, действительно, на первый план выходит возможность субъекта доказать, что направление письма с определенного электронного адреса воспринято другой стороной в качестве юридически значимого сообщения. В качестве допустимых аргументов могут выступать предыдущее взаимодействие сторон в такой форме (обыкновения), последующее признание такого юридически значимого сообщения (например, конклюдентными действиями) и т.п.

Допустимо также говорить о презумпции того, что направление какого-либо сообщения в электронной форме означает желание признать за такими действиями юридически значимые последствия. Такая презумпция может вытекать из договора, закона или деловой практики. Так, проставление электронной подписи через уведомление по телефону признано юридически значимым, несмотря на то, что сам номер телефона контрагенту не принадлежал, т.к. изначально указанный номер телефона значился в заявлении о присоединении к правилам дистанционного обслуживания, а также в заявке-анкете на предоставление микрозайма²⁵. Аналогичная ситуация касается заключения договоров (в частности, о выдаче кредитов) через мобильные приложения банков²⁶.

Приведенные примеры не стоит рассматривать в качестве установления неопровержимой презумпции. Суды обычно об этом прямо не говорят, хотя такой вывод может быть проиллюстрирован складывающейся практикой взаимоотношений кредитных организаций с гражданами. В частности, за гражданином (а равно иным субъектом правоотношений) должно быть сохранено право на оспаривание факта заключения договора с использованием цифровых технологий (приложений, СМС-уведомлений и пр.) при доказанности того, что другая сторона знала или могла знать, а равно могла сомневаться в том, что в действительности сделка заключается не тем лицом, данные которого указаны при заключении такого соглашения. В этом плане следует согласиться с подходом Верховного Суда РФ: «При рассмотрении таких споров (об оспаривании выдачи дистанционного кредита в связи с мошенничеством. — А. В.) особого внимания требует исследование

²⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.04.2024 № Ф04-403/2024 по делу № А03-7746/2023.

²⁵ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.01.2024 по делу № 88-1328/2024.

²⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29.03.2023 по делу № 88-9448/2023.

добросовестности и осмотрительности банков. В частности, к числу обстоятельств, при которых кредитной организации в случае дистанционного оформления кредитного договора надлежит принимать повышенные меры предосторожности, следует отнести факт подачи заявки на получение клиентом кредита и незамедлительную выдачу банку распоряжения о перечислении кредитных денежных средств в пользу третьего лица (лиц)²⁷. Это касается и тех случаев, когда договор кредита оформляется через приложение и подписан с использованием простой электронной подписи заемщика (СМС-кодов, доставленных на телефонный номер истца). Таким образом, сторона, которая предположительно заключила договор посредством электронной идентификации, должна сохранять за собой право оспаривания факта заключения договора, приведения доказательств того, что на самом деле она не заключала соглашение.

Как видим, следует на уровне практики Верховного Суда РФ прямо признать существование презумпции того, что договор заключен стороной, ранее давшей согласие на взаимодействие в электронной форме. При этом такая презумпция должна быть опровержимой.

На основании изложенного формулируем основные выводы по поводу направлений развития судебной практики по вопросам применения недавно появившихся норм ГК РФ, связанных с использованием субъектами экономического оборота цифровых технологий.

Во-первых, суды нередко применяют рассматриваемые нормы несколько не в том

контексте, который подразумевался при их создании. Это означает, что еще далеко до того момента, когда судебная практика будет считаться сформированной (особенно в том случае, когда мы говорим о применении ст. 141.1 и абз. 2 ст. 309 ГК РФ). Также сказанное подразумевает необходимость подготовки научно обоснованных разъяснений на уровне Верховного Суда РФ.

Во-вторых, остается неразрешенным вопрос о возможности применения ст. 141.1 ГК РФ по аналогии для регулирования отношений по поводу цифровых активов, прямо в законе не указанных. Формулировка положений закона, а также имеющаяся на данный момент судебная практика формально этого не исключают.

В-третьих, по отношению к электронному способу заключения договора стоит сказать, что статья 160 ГК РФ говорит о допустимости процедуры доказывания факта заключения договора и его условий, а не о субъективных гражданских правах участников экономического оборота на использование электронных средств коммуникации. При этом на практике следует признать наличие презумпции о том, что стороной сделки, заключенной посредством электронной идентификации, является тот субъект, который указан в документах о самой сделке. При этом данная презумпция должна быть опровержимой: такая сторона должна сохранять за собой право оспаривания факта заключения договора, приведения доказательств того, что на самом деле она не заключала соглашение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов Д. Е. Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора // *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 3. С. 21–40.
- Вайпан В. А. Понятие и правовая природа цифрового права // *Право и бизнес*. 2024. № 2. С. 10–17.
- Дерюгина Т. В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2024. Вып. 2 (64). С. 274–288.
- Джумагулов Д. Д. Значение подписи как реквизита письменной формы // *Закон*. 2024. № 5. С. 176–189.
- Зайцев О. В. Цифровое право в системе российского права // *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 9. С. 116–126.
- Правовое регулирование электронной коммерции : учеб. пособие / С. Ю. Филиппова, Ю. С. Харитонова, Н. В. Щербак. М. : Юстицинформ, 2024. 340 с.
- Селезнева О. А., Батченко Д. С., Плетнев Н. И. Действительность усиленной квалифицированной электронной подписи, или Исчезающие чернила // *Закон*. 2024. № 9. С. 83–90.
- Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // *Вестник гражданского права*. 2021. Т. 21. № 6. С. 7–29.

²⁷ Определение Верховного Суда РФ от 28.11.2023 № 67-КГ23-14-К8.

Швец А. В., Гайдук В. А. Смарт-контракты в российском праве: отсутствие определения и вызванные им юридические и практические проблемы // Юрист. 2024. № 1. С. 51–54.

Eigentum in der digitalen Gesellschaft / F. Hofmann, B. Raue, H. Zech (Hrsg.). Tübingen : Mohr Siebeck, 2022. 180 S.

Pagey D. Comparative Legal Research in Copyright in the Digital Age: Nature, Significance and Methodological Steps // Indian Law Institute Law Review. 2020. Winter Issue. P. 81–95.

Stazi A. Smart Contracts and Comparative Law. A Western Perspective. Springer, 2021. 146 p.

REFERENCES

Bogdanov DE. Failed Technological Revolution in Contract Law: Apologetics of the Contract Traditionalist Interpretation. *Lex Russica*. 2023;76(3):21-40. (In Russ.).

Deryugina TV. Problems of determining the legal nature of digital currency. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2024;2(64):274-288. (In Russ.).

Dzhumagulov DD. Significance of signature as a requisite of written form. *Zakon*. 2024;5:176-189. (In Russ.).

Eigentum in der digitalen Gesellschaft. Herausgegeben von F. Hofmann, B. Raue, H. Zech. Mohr Siebeck Tübingen; 2022.

Filippova SYu, Kharitonova YuS, Shcherbak NV. Legal regulation of e-commerce. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2024. (In Russ.).

Pagey D. Comparative Legal Research in Copyright in the Digital Age: Nature, Significance and Methodological Steps. *Indian Law Institute Law Review*. 2020;Winter Issue:81-95.

Selezneva OA, Batchenko DS, Pletnev NI. Validity of an enhanced *quali ed* electronic signature, or disappearing ink. *Zakon*. 2024;9:83-90. (In Russ.).

Shvets AV, Gaiduk VA. Smart contracts in russian law: absence of a definition and the related legal and practical problems. *Jurist*. 2024;1:51-54. (In Russ.).

Stazi A. Smart Contracts and Comparative Law. A Western Perspective. Springer; 2021.

Sukhanov EA. On the civil legal nature of «digital property». *Civil Law Review*. 2021;21(6):7-29. (In Russ.).

Vaypan VA. The concept and legal nature of a digital right. *Law and Business*. 2024;2:10-17. (In Russ.).

Zaytsev OV. Digital Law in the Russian Legal System. *Lex Russica*. 2024;77(9):116-126. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волос Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» д. 20, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
volosalexey@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey A. Volos, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private Law, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation
volosalexey@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 18 октября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 16 ноября 2024 г.

Принята к печати 15 апреля 2025 г.

Received 18.10.2024.

Revised 16.11.2024.

Accepted 15.04.2025.

Криминологическая характеристика компьютерной преступности и новые методы ее предупреждения

Резюме. Компьютерные технологии активно совершенствуются, в связи с чем важнейшей задачей государства является соблюдение баланса между развитием технологий и защитой прав человека. Но в 2020–2023 гг. количество компьютерных преступлений увеличилось на треть, а сумма ущерба превысила 210 млрд руб., поэтому возникла необходимость внедрить новые методы их предупреждения. Преступления, предусмотренные главой 28 УК РФ, преимущественно совершены в городской местности; в одиночку; совершившие их лица не находились в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения; не имели неснятых или непогашенных судимостей; совершили компьютерное преступление впервые. Новые методы предупреждения компьютерных преступлений практически не исследуются учеными и редко используются в превентивной деятельности, в то время как достижения в области искусственного интеллекта предлагают смену парадигмы, позволяя выработать и применять их. При этом не следует останавливаться на сегодняшних достижениях использования искусственного интеллекта в предупреждении компьютерных преступлений, нужно продолжать разрабатывать новые методы, поскольку искусственный интеллект способен работать в различных условиях, например при неполноте криминологических данных, неточной информации о предполагаемом месте совершения преступления.

Ключевые слова: преступления; компьютерные преступления; компьютерная информация; преступления в сфере компьютерной информации; предупреждение; методы предупреждения

Для цитирования: Ефремова И. А. Криминологическая характеристика компьютерной преступности и новые методы ее предупреждения. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 5. С. 77–86. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.077-086

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>.

Criminological Characterization of Computer Crime and New Methods of its Prevention

Irina A. Efremova

Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Abstract. Computer technologies are actively developing. Due to this fact, the main task of the state is to maintain a balance between computer technologies and the protection of human rights. In 2020–2023, the number of computer crimes increased by a third, and the amount of damage exceeded 210 billion rubles. Thus, it is necessary to introduce new methods for their prevention. Crimes provided for by Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation are mainly committed in urban areas; alone; the persons who committed them were not in

a state of alcoholic, narcotic or other intoxication; had no unexpunged or outstanding convictions; committed a computer crime for the first time. New methods of preventing computer crime are hardly investigated by scientists and are rarely used in preventive activities, while advances in artificial intelligence offer a paradigm shift, allowing new methods to be developed and applied to prevent such crimes. At the same time, the current achievements of the use of artificial intelligence in the prevention of computer crimes should not be stopped, it is necessary to continue to develop new methods, since artificial intelligence is able to work in various conditions, for example, with incomplete criminological data, inaccurate information about the alleged place of the crime.

Keywords: crimes; computer crimes; computer information; computer information crimes; warning; warning methods

Cite as: Efremova IA. Criminological Characterization of Computer Crime and New Methods of its Prevention. *Lex russica*. 2025;78(5):77-86. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.077-086

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00312, URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>.

Введение

Компьютерные технологии активно развиваются, искусственный интеллект проникает во все сферы жизни, в связи с чем основными задачами государства выступают: соблюдение баланса между внедрением компьютерных технологий и защитой прав человека и гражданина, предупреждением преступности. Но в 2020–2023 гг. количество компьютерных преступлений увеличилось на треть, а сумма ущерба от них превысила 210 млрд руб.¹ Наиболее распространенные формы таких преступлений: вирусные атаки, фишинг, вишинг, кардинг, несанкционированное использование персональных данных граждан и т.д.² Указанное требует представления особенностей криминологической характеристики компьютерной преступности и выработки новых методов ее предупреждения³.

Этим вопросам посвящены труды ряда ученых. Криминологическая характеристика компьютерной преступности раскрывалась Д. В. Добровольским, К. Н. Евдокимовым, Т. М. Лопатиной, Т. Л. Тропиной, Г. Ф. Шипулиным. Изучением методов предупреждения занимались А. И. Долгова, В. В. Лунеев. Давая криминологическую характеристику компьютерной преступности, исследователи исполь-

зовали различные подходы, вследствие чего разнятся криминологические особенности и не вырабатываются новые методы предупреждения компьютерных преступлений, стремительно набирающих обороты.

Основная часть

Компьютерная преступность — наиболее обсуждаемый вид преступности, обладающий криминологическими особенностями. А. И. Долгова предлагала понимать под компьютерной преступностью совокупность уголовно-правовых деяний, где компьютерная информация — предмет преступных посягательств, а также преступлений, которые совершаются посредством общественно опасных деяний, предметом которых является компьютерная информация⁴. Другие ученые компьютерную преступность рассматривают в узком и широком смысле. Сторонник этого подхода К. Н. Евдокимов говорит о компьютерной преступности в узком смысле как о совокупности преступлений, где компьютерная информация — предмет преступления, средство и (или) орудие совершения общественно опасного деяния, в широком — как о противоправном социальном явлении, возникшем в ре-

¹ См.: В России с 2023 года ущерб от IT-преступлений превысил 210 млрд рублей // URL: <https://tass.ru/obschestvo/20989539> (дата обращения: 10.06.2024).

² См.: Ramadhoan M., Amiruddin A., Ufran U. Crime Prevention Through an Environmental Design Approach in Reducing Crime Rates in Indonesia // *International Journal of Social Science Research and Review*. 2024. No. 7. P. 177.

³ См.: Суходолов А. П., Суходолов Я. А., Колесникова А. В. О необходимости совершенствования методологии современных криминологических исследований // *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 8 (212). С. 125.

⁴ См.: Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 735.

зультате использования компьютерных и иных информационных технологий в личных, корыстных и иных целях, что приводит к наступлению общественно опасных последствий⁵. Отдельными учеными компьютерная преступность сводится только к деяниям, предусмотренным главой 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации».

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2023 г., преступления, предусмотренные главой 28 УК РФ, преимущественно совершаются: в городской местности (удельный вес осужденных составляет 60,7 %); в одиночку (64,6 %; удельный вес лиц, совершающих уголовно наказуемые деяния рассматриваемой группы, 35,4 %); не в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения (100 %); лицами, которые не имели неснятых или непогашенных судимостей (89,5 %); совершили компьютерное преступление впервые. Компьютерные преступления тщательно планируются. В соответствии с проанализированными материалами уголовных дел, в 5,1 % случаев виновные имеют психические отклонения, не исключающие вменяемость.

Большинство таких преступников — мужчины (71,5 %); в возрасте от 18 до 24 лет (42,3 %); 30–49 лет (35,7 %); граждане РФ (99,1 %); постоянные жители местности, в которой совершили общественно опасное посягательство (96,1 %); имеющие высшее образование (32,7 %), среднее профессиональное образование (41,4 %, при этом образование преимущественно тех-

ническое); не состоящие в официально зарегистрированном браке (51,2 %); не имеющие постоянного источника дохода (65,1 %).

Компьютерный преступник испытывает трудности в общении, его интересы сосредоточены в сфере компьютерных технологий, киберпространстве⁶. Виновные — незаурядные личности, способные быстро принимать неординарные решения; склонны к самоутверждению и повышению своего социального статуса в рамках группы окружающих людей⁷. Самоутверждение — неотъемлемая часть бытия, внутренняя потребность, присущая каждому человеку⁸. Находясь в обществе, он постоянно пытается утвердиться или самоутвердиться. Самоутверждение начинается с детских слов «Я сам!» и сопровождает человека до старости. Отсутствие мотивации к самоутверждению — скорее личностная патология, чем норма, а его утрата — знак жизненной капитуляции⁹. Лица, совершающие компьютерные преступления, реализуют данную потребность противоправным поведением. Среди компьютерных преступников значительное количество лиц положительно характеризовались по месту жительства и по месту работы¹⁰. Компьютерная преступность имеет высокотехнологический характер¹¹, поскольку виновными при совершении посягательств используются информационно-телекоммуникационные технологии.

В свою очередь, термин «метод» применяется для обозначения способов теоретического исследования или практического осуществления; способов действовать, поступать определенным

⁵ См.: Евдокимов К. Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 30.

⁶ См.: Дремлюга Р. И. Интернет-преступность : монография. Владивосток, 2008. С. 137 ; Маслакова Е. А. Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2008. С. 117–118 ; Менжега М. М. Криминологические проблемы расследования создания, использования и распространения вредоносных программ для ЭВМ : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 34 ; Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминологический анализ. Воронеж, 2001. С. 105.

⁷ См.: Евдокимов К. Н. Указ. соч. С. 104.

⁸ См.: Сурдин Г. В. Потребность в самоутверждении как фактор развития личности // iPolytech Journal. 2012. № 2 (61). С. 34.

⁹ См.: Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 239.

¹⁰ Если виновные были официально трудоустроены.

¹¹ См.: Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминологический анализ : монография / науч. ред. И. Г. Смирнова. М., 2016. С. 69–70 ; Торбин Ю. Г. Использование следователем информационных технологий при планировании расследования и производстве следственных действий // Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве : материалы Всерос. науч.-практ. конференции / редкол.: И. М. Колосова [и др.]. М., 2021. С. 111–119.

образом¹²; приема или системы приемов, совокупности определенных операций, направленных на решение конкретной задачи¹³. Первоначально методы предупреждения преступлений базировались на интуиции и ограниченных криминологических данных, что приводило к использованию неэффективных превентивных методов. В СССР к методам предупреждения преступлений относили: общие меры; специальные меры, подразделяющиеся на процессуальные, непроцессуальные, экономические, технические, реабилитационные, организационные и др.¹⁴ Ю. Ф. Гладырь отождествляет методы и меры предупреждения¹⁵. Но достижения в области искусственного интеллекта позволяют применять новые превентивные методы, в том числе к компьютерной преступности.

Искусственный интеллект — неотъемлемая составляющая современной жизни. С его помощью можно не только совершать преступления, но и успешно их предупреждать. Например, искусственный интеллект в состоянии распознать действия лиц, совершающих компьютерные преступления, создавая алгоритмы для анализа значительных объемов данных, образуемых в режиме реального времени, обнаруживая закономерности и отклонения, которые могут указывать на вероятную угрозу информационной безопасности. Интернет вещей отвечает за сбор данных, а искусственный интеллект — за их анализ. Он способствует принятию решений при незначительном участии человека. В частности, нейронные сети, робототехника, экспертные системы, обработка речи, планирование и машинное обучение устраняют трудоемкие операции, выполнявшиеся ранее вручную. Это позволяет сосредоточить усилия на более важном и повышает эффективность превентивной деятельности.

Следовательно, искусственный интеллект, ставший краеугольным камнем действительности, коренным образом изменил превентивную деятельность правоохранительных органов.

Искусственный интеллект предоставляет значительное количество инструментов для расширения возможностей превентивной деятельности правоохранительных органов, позволяя им более плодотворно прогнозировать, выявлять и сдерживать преступное поведение. Например, анализируя криминологические данные компьютерных преступлений и выявляя их закономерности, он способен спрогнозировать, где и когда могут быть совершены обозначенные уголовно наказуемые деяния, что позволяет правоохранительным органам своевременно их предотвращать. Исследование, проведенное департаментом полиции Лос-Анджелеса (LAPD), показало, что их программа, используя алгоритмы искусственного интеллекта для прогнозирования очагов преступности, привела к сокращению числа краж со взломом на 33 % и насильственных преступлений в городе на 21 %¹⁶. Это можно применить и к компьютерным преступлениям, что положительно скажется на их предупреждении.

Правоохранительными органами в зарубежных государствах для предупреждения преступлений используются (использовались) такие программы и средства, как: интегрированная геолокационная платформа предиктивной аналитики (Великобритания, 2016 г. — н.в.); система анализа данных, основанная на разработках IBM и географической информационной системе Ersi (Канада, 2007 г. — н.в.); программа по созданию системы социального кредита (КНР, 2014–2020 гг.)¹⁷; многослойный персептрон с прямой связью (FFMLP)¹⁸; камеры видеонаблю-

¹² См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений. М. : Азъ, 1994. С. 245.

¹³ См.: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : св. 136 000 словар. ст., ок. 250 000 семант. единиц. М. : Рус. яз., 2000. С. 521.

¹⁴ См.: Zeldes I. Methods of Crime Prevention in the USSR // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 1978. No. 2. P. 32.

¹⁵ См.: Гладырь Ю. Ф. Система предупреждения преступлений: история развития и современное состояние : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 142.

¹⁶ См.: Mishra A., Kahla L. Z., Gayflor N. Leveraging Artificial Intelligence for Crime Detection and Prevention // International Journal of Scientific Research in Engineering and Management. 2024. No. 8. P. 1.

¹⁷ См.: Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6. С. 755.

¹⁸ См.: Kouziokas G. Artificial Intelligence Based Crime Forecasting in Public Administration by Implementing a Feedforward Multilayer Perceptron // 16th International Conference on Artificial Intelligence and Law — VIII Workshop on Artificial Intelligence and the Complexity of Legal Systems (June 2017). P. 10.

дения замкнутого контура (CCTV), оснащенные системой распознавания лиц искусственным интеллектом, и т.д. Было обнаружено, что функционирование камер видеонаблюдения коррелировало со значительным сокращением количества криминальных инцидентов, но только на небольших территориях. Однако вскоре об установленном видеонаблюдении стало известно всем лицам, в том числе и тем, которые намеревались совершить общественно опасные посяательства, что вынудило их переместить свою преступную деятельность на иную территорию. Это подтверждается исследованиями, что необходимо учитывать при выработке мер предупреждения компьютерных преступлений.

Термин «искусственный интеллект» упоминается изыскателями наряду с такими понятиями, как «большие данные», «машинное обучение», «глубинное обучение» и «нейронные сети». Большие данные представляют собой потоки необработанной информации, обрабатываемые компьютеризированными системами путем их систематизации и упорядочивания. Большие данные в последнее время — один из наиболее популярных и востребованных методов анализа имеющейся информации. Они способствуют прогнозированию компьютерных преступлений; выявлению ранее неизвестных криминальных связей; быстрому получению сведений о компьютерных преступлениях; осуществлению ее анализа; преобразованию в строгую цифровую отчетность, что помогает выполнять моделирование совершаемого деяния, определять криминологические особенности личности преступника (пол, возраст, нервно-психическое здоровье, гражданство, семейное и социальное положение, образование, уровень дохода, занимаемая должность и т.д.), вид преступления, сферу его совершения. Поэтому их использование может положительно сказаться на предупреждении.

В последние несколько лет правоохранительные органы разных стран всё активнее задействуют большие данные в превентивной деятельности. Например, Агентство национальной безопасности США применяет технологии больших данных, чтобы предотвратить террористические акты. Другие государственные

органы также используют их для предотвращения различных преступлений. В частности, полицейские Чикаго работают с собственной аналитической системой. У них имеется специальный алгоритм, направленный на формирование «круга риска», в который входят лица, имеющие высокую вероятность стать участниками вооруженного нападения или его жертвами. Данный алгоритм присваивает лицу так называемую оценку уязвимости с учетом его криминального прошлого (арестов, неправомерного применения оружия, принадлежности к различным преступным группировкам и т.д.). Разработчик указанной системы подчеркивает, что она анализирует криминальное прошлое человека, устанавливает криминогенные районы, время, когда районы наиболее опасны, что позволяет сфокусировать силы и средства правоохранительных органов (например, они могут установить камеры наблюдения, увеличить количество сотрудников для патрулирования в этом районе и т.д.). То есть использование этой системы помогает оптимизировать предупреждение преступности на объективной основе, понятной не только сотрудникам полиции, ученым-криминологам, но и представителям государственной и муниципальной власти страны¹⁹. Важность обозначенного превентивного метода обусловлена тем, что в связи с активным развитием компьютерных технологий необходимы современные методы прогнозирования, положительно сказывающиеся на предупреждении компьютерной преступности при наличии значительного количества данных, в отличие от традиционных методов. При этом некоторые из этих методов описывают только прошлую криминогенную ситуацию (метод регрессионного анализа, анализа зон риска и т.д.), что особенно актуально при переходе больших данных на big data 3.0, 4.0²⁰, поскольку их возможности в предупредительной деятельности расширились.

Существует метод предупреждения компьютерных преступлений, основанный на анализе больших данных, при котором предварительно обрабатывается и извлекается полезная информация из имеющихся текстовых данных. В сочетании с алгоритмом Apriori можно анали-

¹⁹ См.: Суходолов А. П., Иванцов С. В., Молчанова Т. В., Спасенников Б. А. Big data как современный криминологический метод изучения и измерений организованной преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 5. С. 718.

²⁰ См.: Aglyamova G. Victimological Aspects of the Use of Artificial Intelligence in Crime Prevention // Juridical World. 2024. No. 1. P. 50.

зировать криминологические характеристики преступников и жертв компьютерных преступлений. Тем не менее совершенствовать методы предупреждения компьютерных преступлений следует не только с помощью искусственного интеллекта и различного рода цифровых технологий, но и за счет деятельности криминальных аналитиков. Криминальные аналитики хорошо зарекомендовали себя в ряде европейских государств и США. Их задачи — это внедрение новых инструментов предупреждения компьютерной преступности, активное использование различных аналитических расчетов и т.д. Необходимо понимать, что криминальные аналитики для этого должны обладать обширными знаниями в области программного обеспечения и компьютерных технологий, поэтому создание единого информационного пространства государством должно стать одной из приоритетных задач в процессе оснащения правоохранительных органов. Нужно исходить из того, что при реализации обозначенного необходимо наладить координацию и тесное взаимодействие между правоохранительными органами и иными органами государственной власти, общественными объединениями. Создание единого информационного пространства в мире требует развития и интеграции существующих информационно-аналитических ресурсов, информационных и телекоммуникационных систем, обеспечивающих установление тесного взаимодействия не только между самими органами государственной власти, но и с населением страны²¹.

К новым методам предупреждения компьютерных преступлений можно отнести и использование алгоритма KNN, позволяющего точно спрогнозировать их уровень. Концептуальная схема системы прогнозирования уровня преступлений с использованием KNN выглядит следующим образом: несколько компонентов работают вместе для обеспечения точного прогнозирования уровня преступлений. Одним из компонентов является источник данных, представляющий собой набор данных для обучения и тестирования алгоритма KNN. Другие компоненты: предварительная обработка данных, обучение и тестирование данных, классифи-

катор и оценка KNN. Особенности архитектуры системы прогнозирования уровня преступлений с применением алгоритма KNN делают ее масштабируемой, точной и эффективной. Точность зависит от качества и количества данных, используемых для алгоритма KNN. Но система ограничена доступностью высококачественных данных и вычислительной мощностью, необходимой для обработки значительного количества сведений. Поэтому рассмотренный метод предупреждения компьютерных преступлений требует значительного совершенствования, что скажется на результативности превентивной деятельности.

В качестве метода предупреждения компьютерных преступлений можно выделить метод корреляционного анализа²², позволяющий установить причины и условия изучаемого вида общественно опасных посягательств и выработать предупредительные меры, поскольку сущность данного метода заключается в том, чтобы определить взаимосвязь изучаемого явления с результатами наблюдения, оценить ее и сделать выводы. Достоинства этого метода — простота расчета и определение явлений, которые в большей степени влияют на совершение преступлений, недостатки — значительное число наблюдений (по каждой переменной должно быть не менее 12). Мерой корреляции выступает коэффициент корреляции. В криминологических исследованиях компьютерных преступлений в большинстве случаев используется коэффициент корреляции Пирсона, но не используются в полном объеме коэффициенты корреляции Спирмена, Кендалла, Крамера.

Сегодня появились и закрепились на практике такие методы и специализированные инструменты, как, например, Data Mining (переводится как добыча данных, извлечение информации, раскопка данных, интеллектуальный анализ данных, поиск закономерностей, извлечение знаний, анализ шаблонов, «извлечение зерен знаний из гор данных»). Обозначенное предусмотрено для поиска в значительном количестве сведений неочевидных (сомнительных), объективных и важных (полезных) закономерностей для превентивной деятельности. Неочевидных — предпола-

²¹ См.: Ivliev P., Prys I., Burbina Yu. The use of IT technologies in the prevention of crimes // BIO Web of Conferences. 2023. Vol. 65. No. 10. P. 1051.

²² См.: Козырев М. С., Масликов В. А. Применение корреляционного анализа при исследовании некоторых видов преступлений, совершаемых в Москве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 1. С. 28.

гается, что найденные закономерности не обнаруживаются стандартными (классическими) методами обработки информации или экспертами. Объективных — проявившиеся закономерности должны полностью соответствовать действительности, в отличие от экспертного мнения, которое в значительной степени субъективное²³. Полезных — это значит, что выводы имеют конкретное значение, и им можно найти практическое применение²⁴ в деятельности по предупреждению преступлений²⁵. Это позволяет обнаружить реальные значения показателей общественно опасных деяний, что важно. Data Mining — мультидисциплинарная область, формирующаяся на базе таких наук, как прикладная статистика, распознавание образов, искусственный интеллект, теория баз данных и др. В криминологическом исследовании это процесс обнаружения сведений о ранее неизвестной преступности, практически полезных и доступных для интерпретации знаний, необходимых для принятия решений в деятельности по предупреждению преступлений.

Прогнозирование компьютерной преступности может осуществляться посредством системы, функционирующей на генетическом программировании, семантических концепциях и методах локального поиска для объединения социально-экономических данных, данных правоохранительных органов и другой информации, касающейся совершения компьютерных преступлений. Указанная система превосходит существующие системы с позиции точности прогнозирования, особенно когда наличествует значительное число данных. Она представляет собой модель прогнозирования преступности, имеющую перспективы развития. Потенциал обработки естественного языка (NLP) для предупреждения компьютерных преступлений также очевиден. Система использует естественный язык, алгоритмы обработки и модели машинного обучения, чтобы выявлять различные криминальные ситуации, включая атаки, сообщения, связанные с наркотиками, разжигание ненависти, вражды и оскорбительный контент²⁶. Предлагаемая система может

стать ценным инструментом для предупреждения компьютерных преступлений и повышения безопасности онлайн-пространства.

К прогнозирующей полицейской деятельности относится применение анализа данных, искусственного интеллекта и методов машинного обучения для определения компьютерных преступных действий до того, как они произойдут. Используя исторические данные о преступлениях, демографическую информацию и исходные данные в режиме реального времени, прогнозирующая полицейская деятельность направлена на обнаружение очагов преступности, оптимальное распределение полицейских ресурсов и в конечном итоге — предотвращение преступлений. Этот технологический подход получил распространение в правоохранительных органах по всему миру, поскольку они стремятся бороться с растущим уровнем компьютерной преступности при максимальном использовании ограниченных ресурсов.

С развитием технологий и науки о данных прогнозирующая полицейская деятельность стала более изощренной, используются сложные алгоритмы и большие наборы данных для выработки прогнозов и рекомендаций. Рост объема больших данных в сочетании с увеличением вычислительной мощности значительно расширил сферу применения и точность инструментов прогнозирования. Однако потенциальная чрезмерная полицейская деятельность и повышенный контроль за определенными сообществами и лицами могут привести к обвинениям в несправедливом обращении и дискриминации. Обеспечение прозрачности алгоритмов, регулярный аудит источников данных и вовлечение заинтересованных сторон сообщества в обсуждение политики — важные шаги на пути к более справедливой и успешной реализации поставленных задач.

В целях предупреждения компьютерных преступлений предлагается использование стратегий и методов SCP. Они ориентированы на обеспечение безопасности киберпространства. Тем не менее в большинстве случаев применяются лишь некоторые методы SCP, а также не все

²³ См.: Цифровая криминология: математические методы прогнозирования / А. П. Суходолов, С. В. Иванов, Т. В. Молчанова [и др.]. Ч. 1 // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 2. С. 234.

²⁴ См.: Цифровая криминология: математические методы прогнозирования / А. П. Суходолов, С. В. Иванов, Т. В. Молчанова [и др.]. Ч. 2 // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 3. С. 323.

²⁵ См.: Fox V. Introduction to Criminology. New Jersey, 1976.

²⁶ См.: Al-Rummana G. The Role of Big data Analysis in Increasing the Crime Prediction and Prevention Rates // Intelligent Data Analytics for Terror Threat Prediction. 2021. P. 209–220.

связи между методами SCP и возможностями сокращения компьютерных преступлений. Для того чтобы значительно повысить эффективность превентивной деятельности, необходимо использовать специальное оборудование. Для этого нужно формировать и развивать принципиально новые направления информационного и технического обеспечения следственной и оперативно-розыскной деятельности. Предупреждение компьютерных преступлений не должно быть исключительной прерогативой правоохранительных органов. Государственные структуры через средства массовой информации могут научить граждан грамотному реагированию на совершение в отношении них компьютерных преступлений. Национальным правительствам следует запустить рекламные кампании, чтобы помочь людям защитить себя от подобных преступлений. Простые меры безопасности, особенно среди молодежи, способны значительно снизить уровень преступности. Ввиду того что преступления в информационной среде набрали обороты в технически развитых западных странах, было бы нелогично использовать их опыт в борьбе с этим явлением.

Заключение

Преступления, предусмотренные главой 28 УК РФ, совершаются преимущественно в городской местности (удельный вес осужденных составляет 60,7 %); в одиночку (64,6 %; удельный вес лиц, виновных в уголовно наказуемых деяниях рассматриваемой группы, 35,4 %); не в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения (100 %); лицами, которые не имели неснятых или непогашенных судимостей (89,5 %); совершили компьютерное преступление впервые. В большинстве случаев виновными являются мужчины (71,5 %); в возрасте от 18 до 24 лет (42,3 %), 30–49 лет (35,7 %); граждане РФ (99,1 %); постоянные жители местности, в которой они совершили общественно опас-

ное посягательство (96,1 %); имеющие высшее образование (32,7 %); среднее профессиональное образование (41,4 %, при этом образование преимущественно техническое); не состоящие в официально зарегистрированном браке (51,2 %); не имеющие постоянного источника дохода (65,1 %).

Увеличение компьютерных преступлений требует внедрения новых методов их предупреждения. Но, к сожалению, сегодня новые методы предупреждения таких преступлений не исследуются учеными и редко применяются в превентивной деятельности, в то время как последние достижения в области искусственного интеллекта предлагают смену парадигмы, позволяя выработать и применять новые превентивные методы, например связанные с использованием искусственного интеллекта, больших данных и т.д. Вместе с тем не стоит останавливаться на обозначенных достижениях в данной сфере, необходимо продолжать разрабатывать методы, поскольку искусственный интеллект, ко всему указанному, способен работать в различных условиях, например при неполноте криминологических данных, неточной информации о предполагаемом месте совершения преступления. Представляется целесообразным совершенствовать методы предупреждения компьютерных преступлений не только с помощью искусственного интеллекта и цифровых технологий, но и за счет активного использования знаний, полученных благодаря криминальным аналитикам. Однако обозначенная тематика исследования требует дальнейших научных изысканий, поскольку компьютерная преступность постоянно развивается, приобретая новые формы, и с каждым разом причиняет всё больший ущерб объектам уголовно-правовой охраны. Кроме того, при создании новых методов предупреждения преступлений анализируемой группы на основе искусственного интеллекта должны учитываться опыт, знания, умения высококвалифицированных специалистов — субъектов превентивной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайфутдинов Р. Р. Понятие и квалификация преступлений против безопасности компьютерной информации : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 243 с.
- Гладырь Ю. Ф. Система предупреждения преступлений: история развития и современное состояние : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 159 с.
- Козырев М. С., Масликов В. А. Применение корреляционного анализа при исследовании некоторых видов преступлений, совершаемых в Москве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 1. С. 28–29.

Кравцов Д. А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 108–110.

Лунеев В. В. О криминологическом и системном подходе к законотворчеству // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 4 (35). С. 14–25.

Суходолов А. П., Бычкова А. П. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6. С. 753–766.

Суходолов А. П., Иванцов С. В., Молчанова Т. В., Спасенников Б. А. Big data как современный криминологический метод изучения и измерений организованной преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 5. С. 718–726.

Суходолов А. П., Суходолов Я. А., Колесникова А. В. О необходимости совершенствования методологии современных криминологических исследований // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8 (212). С. 125–133.

Умаров К. А. Математические методы в криминологии : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 167 с.

Цифровая криминология: математические методы прогнозирования / А. П. Суходолов, С. В. Иванцов, Т. В. Молчанова [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 2. С. 230–236 ; № 3. С. 323–329.

Aglyamova G. Victimological Aspects of the Use of Artificial Intelligence in Crime Prevention // Juridical World. 2024. No. 1. P. 50–55.

Aiello M. F. Policing through social networking: Testing the linkage between digital and physical police practices // The Police Journal. 2018. Vol. 91. Iss. 1. P. 89–97.

Al-Rummana G. The Role of Big data Analysis in Increasing the Crime Prediction and Prevention Rates // Intelligent Data Analytics for Terror Threat Prediction. 2021. P. 209–220.

Exploring the impact of how criminals interact with cyber-networks / T. Chikore, F. Nyabadza, Z. Chazuka [et al.] // A Mathematical Modeling Approach. 2024. No. 11. P. 10–23.

Fox V. Introduction to Criminology. New Jersey, 1976. 115 p.

Ivliev P., Ananyeva E., Prys I., Burbina Yu. The use of IT technologies in the prevention of crimes // BIO Web of Conferences. 2023. Vol. 65. No. 10. P. 1051–1061.

Kouziokas G. Artificial Intelligence Based Crime Forecasting in Public Administration by Implementing a Feedforward Multilayer Perceptron // 16th International Conference on Artificial Intelligence and Law — VIII Workshop on Artificial Intelligence and the Complexity of Legal Systems. June 2017. P. 10–22.

Mishra A., Kahla L. Z., Gayflor N. Leveraging Artificial Intelligence for Crime Detection and Prevention // International Journal of Scientific Research in Engineering and Management. 2024. No. 8. P. 1–6.

Ramadhoo M., Amiruddin A., Ufran U. Crime Prevention Through an Environmental Design Approach in Reducing Crime Rates in Indonesia // International Journal of Social Science Research and Review. 2024. No. 7. P. 177–195.

Zeldes I. Methods of Crime Prevention in the USSR // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 1978. No. 2. P. 32–33.

REFERENCES

Aglyamova G. Victimological Aspects of the Use of Artificial Intelligence in Crime Prevention. *Juridical World*. 2024;1:50-55.

Aiello MF. Policing through social networking: Testing the linkage between digital and physical police practices. *The Police Journal*. 2018;91(1):89-97.

Al-Rummana G. The Role of Big data Analysis in Increasing the Crime Prediction and Prevention Rates. In: *Intelligent Data Analytics for Terror Threat Prediction*. 2021. P. 209–220

Chikore T, Nyabadza F, Chazuka Z, Nyirenda-Kayuni M, Zhangazha M, Chukwudum Q, White J, Mhlabane F, Osman S, Ndlovu M, Mwaononji J. Exploring the impact of how criminals interact with cyber-networks. *A Mathematical Modeling Approach*. 2024;11:10-23.

Fox V. Introduction to Criminology. New Jersey, 1976. 115 p.

Gaifutdinov RR. The concept and qualification of crimes against the security of computer information. Cand. Sci. (Law) Diss. Kazan; 2017. (In Russ.).

- Gladyr YuF. Crime prevention system: development history and current state. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2006. (In Russ.).
- Ivliev P, Ananyeva E, Prys I., Burbina Yu. The use of IT technologies in the prevention of crimes // BIO Web of Conferences. 2023. Vol. 65. No. 10. P. 1051–1061.
- Kouziokas G. Artificial Intelligence Based Crime Forecasting in Public Administration by Implementing a Feedforward Multilayer Perceptron. In: 16th International Conference on Artificial Intelligence and Law — VIII Workshop on Artificial Intelligence and the Complexity of Legal Systems. June 2017. P. 10–22
- Kozyrev MS, Maslikov VA. The use of correlation analysis for the study of some crimes committed in moscow. *Russian Journal of Criminology*. 2016;1:28-29. (In Russ.).
- Kravtsov DA. Artificial intelligence: crime prevention and prediction. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;3:108-110. (In Russ.).
- Luneev VV. On criminal analytical and systematic approach to lawmaking. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2014;4(35):14-25. (In Russ.).
- Mishra A, Kahla LZ, Gayflor N. Leveraging Artificial Intelligence for Crime Detection and Prevention. *International Journal of Scientific Research in Engineering and Management*. 2024;8:1-6.
- Ramadhoo M, Amiruddin A, Ufran U. Crime Prevention through an Environmental Design Approach in Reducing Crime Rates in Indonesia. *International Journal of Social Science Research and Review*. 2024;7:177-195.
- Sukhodolov AP, Bychkova AP. Artificial Intelligence in Crime Counteraction, Prediction, Prevention and Evolution. *Russian Journal of Criminology*. 2018;6:753-766. (In Russ.).
- Sukhodolov AP, Ivantsov SV, Molchanova TV, Spasennikov BA, Kaluzhina MA. Digital Criminology: Mathematical Methods of Prediction (Part 1). *Russian Journal of Criminology*. 2018;2:230-236. (In Russ.).
- Sukhodolov AP, Ivantsov SV, Molchanova TV, Spasennikov BA, Kaluzhina MA. Digital Criminology: Mathematical Methods of Prediction (Part 2). *Russian Journal of Criminology*. 2018;3:323-329. (In Russ.).
- Sukhodolov AP, Ivantsov SV, Molchanova TV, Spasennikov BA. Big Data as a Modern Criminological Method of Studying and Measuring Organized Crime. *Russian Journal of Criminology*. 2019;5:718-726. (In Russ.).
- Sukhodolov AP, Sukhodolov YaA, Kolesnikova AV. On the Need to Improve the Methodology of Modern Criminological Research. *Law and State: The Theory and Practice*. 2022;8(212):125-133. (In Russ.).
- Utarov KA. Mathematical methods in criminology. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2004. (In Russ.).
- Zeldes I. Methods of Crime Prevention in the USSR. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 1978;2:32-33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефремова Ирина Алексеевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии
д. 1, Вольская ул., г. Саратов 410056, Российская Федерация
efremova005@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Efremova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminal and Penal Law, Prosecutorial Supervision and Criminology, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
efremova005@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 26 сентября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 7 декабря 2024 г.
Принята к печати 15 апреля 2025 г.

Received 26.09.2024.
Revised 07.12.2024.
Accepted 15.04.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.087-096

С. М. Кочои

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Суд vs наука уголовного права?

Резюме. Расследование и рассмотрение конкретного уголовного дела немыслимы без использования научных трудов, содержащих доктринальное толкование применяемого закона, а также анализ и обобщение практики его применения. Отказ от использования или игнорирование рекомендаций специалистов в области уголовно-правовых наук чреват прежде всего ошибочным применением норм материального права или принятием таких решений, которые не учитывают правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ. Итогом принятия таких решений должностных лиц правоохранительных органов и судей может стать нарушение прав и свобод человека, которые в эпоху растущих вызовов и новых угроз и без того достаточно интенсивно (нередко вынужденно) ограничиваются во многих государствах мира, в том числе в России. Поэтому задача практики — совместно с наукой, с учетом ее достижений и рекомендаций принимать решения, которые защитят права и свободы граждан. Выполнение данной задачи предполагает, что наука не должна быть оторвана от реальной жизни, она должна исследовать проблемы и предлагать такие решения, которые действительно актуальны для субъектов правоприменения.

Ключевые слова: наука уголовного права; приговор; постановление; обвиняемый; обвинительное заключение; уголовное право; уголовный процесс; расследование

Для цитирования: Кочои С. М. Суд vs наука уголовного права? *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 5. С. 87–96. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.087-096

The Court vs Criminal Law Science?

Samvel M. Kochoi

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The investigation and consideration of a specific criminal case seem impossible without the use of scientific works containing a doctrinal interpretation of the applicable law, as well as an analysis and generalization of the practice of its application. Refusal to use or ignore the recommendations of experts in the field of criminal law science is fraught primarily with the erroneous application of substantive law or the adoption of decisions that do not take into account the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The result of such decisions by law enforcement officials and judges may be a violation of human rights and freedoms, which, in an era of growing challenges and new threats, have already been intensively and often forcibly restricted in many countries of the world, including Russia. Therefore, the task of practice is to work with science, taking into account its achievements and recommendations, to make decisions that will protect the rights and freedoms of citizens. The solution to this problem assumes that science itself should not be divorced from real life; it should explore problems and offer solutions that are relevant to law enforcement subjects.

Keywords: science of criminal law; verdict; ruling; accused; indictment; criminal law; criminal procedure; investigation

Cite as: Kochoi SM. The Court vs Criminal Law Science? *Lex Russica*. 2025;78(5):87-96. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.087-096

Закон и наука по-разному стремятся к истине. То, что судья Шуб и судьи апелляционной инстанции проигнорировали лучшие научные доказательства, является интеллектуальным позором. Практическим результатом является то, что многие граждане могут пострадать.

Введение

В качестве эпиграфа к работе взято извлечение из статьи, опубликованной 27 декабря 1986 г. в газете New York Times¹. В ней рассказывается об истории принятия решения федеральным судьей Марвином Шубом (Marvin Shoob) об удовлетворении иска к фармацевтической компании Ortho Pharmaceutical, в основу которого были положены не научные факты, а голословные обвинения в причинении этой компанией ущерба здоровью истца вследствие пользования ее продукцией.

Имея 13-летний опыт подготовки по запросу участников уголовного судопроизводства научно-консультационных заключений (НКЗ), а в последний год также опыт личного участия в процессах в качестве специалиста — автора таких заключений, с сожалением должен отметить, что отечественные судьи ведут себя точно так, как американский судья Шуб: нередко игнорируют науку и ее рекомендации. Виной тому стереотипы, распространенные среди многих работников правоохранительных и судебных органов, как о практической ценности научных трудов в области юриспруденции (в том числе уголовно-правовых наук), так и о знании их авторами реальных проблем практики правоприменения. Не претендуя на то, чтобы развеять полностью и окончательно подобные стереотипы, автор настоящей работы с использованием примеров из личного опыта показывает опасность их реализации в

деятельности судов, поскольку они негативно сказываются на обеспечении не только всесторонности и объективности разрешения уголовных дел, но и равноправия сторон перед судом². Между тем именно с отсутствием реальной состязательности сторон в уголовном процессе следует связывать фактическое отсутствие в деятельности судов оправдательных приговоров.

Основная часть

Начнем с того, что подобного рода заключения в той или иной форме научные работники готовят не только для адвокатов или лиц, которых они представляют. Лично мне передавались запросы с просьбой подготовить НКЗ и из Следственного департамента МВД, и из СК РФ, и из территориальных подразделений этих ведомств, не говоря уже о многочисленных заключениях о проектах документов, исходящих от Госдумы, Прокуратуры, Минюста, Верховного Суда и других федеральных государственных органов, которые приходилось готовить за долгие работы в МГЮА. Поэтому широко распространенное среди судейского сообщества мнение о том, что ученые готовят заключения только для адвокатов и лиц, обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений, а также осужденных, беспочвенно³.

Следующее замечание касается возмездного характера этих заключений. В решении суда одного из регионов РФ мне запомнились

¹ Federal Judges vs Science // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.63d0bb6f-679e7e83-5939042c-74722d776562/https/www.nytimes.com/1986/12/27/opinion/federal-judges-vs-science.html (дата обращения: 02.02.2024).

² См. об этом также: Кочои С. М. Научно-консультативное заключение по уголовному делу: значение и перспективы использования // Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов : XVII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и XX Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, 26–29 ноября 2019 г. : в 5 ч. Ч. 4. М. : Проспект, 2020. С. 128–131.

³ Примечательно, что даже «возможность и целесообразность» привлечения специалиста защитником вызывает неприятие у многих работников правоохранительных органов. См. об этом, например: Гришина Е. П. Привлечение специалиста защитником // Адвокатская практика. 2007. № 4. С. 25–26.

следующие рассуждения судьи: «Поскольку заключение специалиста со стороны защиты подготовлено на платной основе, суд критически оценивает содержащиеся в нем выводы»⁴. Иначе говоря, у суда такое заключение доверия не вызывает. При этом авторы научно-консультационных заключений и не собираются скрывать их возмездный характер. Во-первых, информация о возможности подготовки НКЗ имеется на официальных сайтах многих образовательных и научных организаций юридического профиля, оказывающих подобные услуги⁵. Во-вторых, специалисты и эксперты, привлекаемые к процессу со стороны обвинения (следствия и прокуратуры), надо полагать, тоже работают отнюдь не безвозмездно.

Хотел бы возразить и тем судьям, которые считают, что научный работник согласен давать заключение любому, кто в состоянии его оплатить. В подтверждение приведу всего два случая, которые, надеюсь, опровергают данный стереотип. Первый: ко мне обратились потерпевший от предполагаемого мошенничества и его адвокат (дело имело большой общественный резонанс; пострадавшими, в смысле потерявшими работу по его итогам, оказались высшие офицеры правоохранительных органов). Они хотели получить заключение о том, что мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого избрана законно и оснований для ее отмены нет. Я отказался, поскольку был уверен, что данная мера применена незаконно, так как обвиняемый — предприниматель, а преступление, в котором его обвиняли, совершено в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности (ч. 1.1 ст. 108 УПК в редакции Федерального закона от 02.08.2019 № 315-ФЗ⁶).

Во второй раз я отказал адвокату в подготовке заключения об ошибочности признания его подзащитного «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии», так как был

уверен, что этот подзащитный — один из лидеров преступного мира России и на его совести немалое количество насильственных преступлений. В подобных ситуациях я исхожу из того, что моя репутация и репутация университета, в котором я работаю, дороже тех денег, которые обещают стороны за подготовку такого заключения.

Еще один стереотип, который сложился у судей, — это якобы отсутствие у научных работников необходимых знаний о практике правоприменения. «Теоретики» — так с известной долей снобизма некоторые из них отзываются об ученых, что для считающих себя «практиками» равно «юристы, которые жизнь знают только по книжкам». Действительно, нередко в науку, в том числе юридическую, приходят лица, вся сознательная жизнь которых протекала исключительно в образовательных организациях, где они последовательно проходили известные всем ступени жизненного пути: ученик — студент — аспирант — преподаватель. С учетом этого обстоятельства солидные, прежде всего государственные, вузы не без оснований поручают подготовку научно-консультационных заключений тем своим работникам, которым практика правоприменения знакома не понаслышке, имеют труды, посвященные ее актуальным проблемам. Нельзя не отметить и тот общеизвестный факт, что среди судей есть немало лиц, карьерный путь которых (секретарь судебного заседания — помощник судьи — судья) с большой натяжкой может свидетельствовать о достаточной осведомленности в области правоприменительной практики.

Возможно, перечисленными выше обстоятельствами можно объяснить тот парадокс, что некоторых судей раздражает даже само ходатайство защиты о приобщении к материалам дела научно-консультационного заключения или привлечении к участию в процессе его автора — специалиста⁷. Помню, как судья одного

⁴ В приговоре одного из судов г. Самары судья дал такую оценку заключению специалиста (особо подчеркнув «приглашенного на договорной основе подсудимым»): «...Суд принимает во внимание то обстоятельство, что отчеты об оценке подготовлены за вознаграждение со стороны заинтересованных лиц, что оставляет сомнения в объективности их выводов».

⁵ См., например: Правовая экспертиза // Официальный сайт Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). URL: <https://msal.ru/structure/nauchno-obrazovatelnye-tsentry/tsentr-ekspertiz-i-pravovogo-konsaltinga/pravovaya-ekspertiza/>.

⁶ Федеральный закон от 02.08.2019 № 315-ФЗ «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4474.

⁷ О других обстоятельствах, затрудняющих участие специалиста в процессе со стороны защиты, см.: Давлетов А. А., Чарыков А. В. Верховный Суд РФ «сворачивает» право адвоката-защитника привлекать спе-

из районных судов Москвы, отклонив (вопреки положениям ч. 4 ст. 271 УПК РФ) ходатайство четырех адвокатов и их подзащитных о приглашении меня из коридора в зал заседания и допросе в качестве специалиста, прямо сказала им: «Вы не доверяете моей квалификации? Если не доверяете, заявите мне отвод!»

Иногда судьи отказываются приобщить к материалам дела НКЗ специалиста по той причине, что специалист *не знает* «всех» обстоятельств дела, так как предметом его исследования было только обвинительное заключение или постановление о привлечении в качестве обвиняемого либо им исследовались *копии* этих документов, а не оригиналы. Понятно, что факт ознакомления с копией или оригиналом документа сути дела не меняет, ведь ни один адвокат не заинтересован в представлении научному работнику для подготовки НКЗ поддельного обвинительного заключения или приговора. Что касается незнания специалистом «всех» обстоятельств дела, а разве такое знание требуется для вывода о том, соответствует ли закону отдельно взятое обвинительное заключение или постановление о возбуждении уголовного дела?⁸

В некоторых случаях, как, например, в уже упомянутом приговоре судьи из Самары, соответствующее ходатайство адвоката было отклонено потому, что «окончательная оценка доказательств по уголовному делу относится к компетенции суда», в других — потому, что «окончательная квалификация является правом суда», и т.д. Между тем специалист своим заключением не посягает на компетенцию судьи и не навязывает ему свою квалификацию, поскольку он, в силу своего статуса, лишен такой возможности.

Смеем предположить, что все эти отговорки преследовали одну цель — избежать участия в суде специалиста или приобщения его заключения к делу, что могло бы поставить под сомнение ту квалификацию, то решение, которые судья для себя уже определил. В правильности собственных решений сомневаться не хотелось, иначе пришлось бы выслушать другие мнения, основанные не на стереотипах правоприменения, а на доктринальном толковании норм УК и УПК.

Переходя непосредственно к роли и месту научно-консультационного заключения специалиста в уголовном судопроизводстве, отметим следующее. Прежде всего, факт отсутствия в ст. 307 УК РФ ответственности специалиста за заведомо ложное заключение, вопреки мнению практиков⁹, не может свидетельствовать о том, что такое заключение не является доказательством. Достаточно, чтобы судья, заинтересованный в объективном рассмотрении дела и, главное, в обеспечении подлинной состязательности процесса, удовлетворил ходатайства о даче специалистом показаний, за заведомую ложность которых, как известно, такая ответственность в упомянутой норме УК РФ предусмотрена.

Не должен вызывать сомнений и положительный ответ на вопрос, может ли в процессе по делу о применении правовых норм в качестве специалиста выступать юрист, в том числе научный или научно-педагогический работник, авторитетный ученый в соответствующей отрасли юриспруденции (например, уголовного права), а в ее пределах — в исследовании соответствующей темы (например, экономических преступлений). И дело здесь не только в том,

циалиста в судебное следствие? // Российский судья. 2022. № 1. С. 60–64; Давлетов А. А. Обязанность суда удовлетворять ходатайство стороны защиты о привлечении специалиста как условие обеспечения состязательности в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. 2018. № 3. С. 28–31 и др.

⁸ Вот, например, выдержка из приговора, в котором судья, оценив заключения специалистов, в том числе кандидата юридических наук, доцента Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заключил, что «не может принять их во внимание, поскольку выводы каждого специалиста даны относительно отдельных доказательств, которые содержат в том числе и оценочные суждения таковых, не основаны на полном и всестороннем исследовании всей совокупности доказательств по делу, а именно без учета показаний потерпевшей и свидетелей, в связи с чем суд считает, что таковые не опровергают и не ставят под сомнение представленные стороной обвинения доказательства». Между тем закон не запрещает делать «оценочные суждения» и не требует, чтобы они основывались на «всей совокупности» доказательств. При этом если данные суждения опровергают или ставят под сомнение отдельные выводы обвинения (что имело место в упомянутых заключениях), то это уже, на наш взгляд, достаточное основание для их переоценки судом.

⁹ См. об этом, например: Маркова Т. Ю. Заключение специалиста — доказательство в уголовном судопроизводстве? // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 13–16.

что никаких ограничений на этот счет законодательство не содержит. Участие специалиста в области уголовного или уголовно-процессуального права — это ведь еще и консультация для судей, своеобразная помощь им, поскольку не все они имеют время (а возможно, даже желание) изучить большую практику применения той или иной нормы, ее доктринальное толкование. Для меня, преподавателя с почти 40-летним опытом работы в юридическом вузе, аксиома, что если есть выпускники юридических вузов и факультетов с низким уровнем теоретических знаний (а они есть, и это не вызывает сомнений), то должны быть также судьи, следователи и прокуроры с таким уровнем знаний.

Я, например, часто говорю студентам, что ахиллесова пята практиков — это субъективная сторона преступления. Отсюда получаем следователей и судей, которые квалификацию преступлений фактически производят по чуждому российскому УК принципу объективного вменения. Такие «практики» при описании преступления вовсе не упоминают вину, либо ограничивают ее содержание одним интеллектуальным элементом (не понимая, что вина включает и волевой элемент, установление которого обязательно), либо указывают, что ими «установлены» предвидение и желание лицом общественно опасных последствий, хотя состав преступления, будучи формальным, не содержит таких последствий, и т.д. Поэтому, когда судьи отказывают в участии в процессе специалиста-правоведа, остается надеяться, что такой судья отлично разбирается в теории уголовного права и практике применения его норм. Но мой опыт подготовки НКЗ, к сожалению, свидетельствует о большом разрыве между представлениями науки и практики об одном и том же — уголовном и уголовно-процессуальном законах.

В качестве иллюстрации хотел бы привести ряд процессуальных решений органов предварительного расследования и приговоров, в которых речь идет даже не о сложных и спорных вопросах квалификации или назначения наказания, а об очевидном несоответствии выводов правоприменителя закону и правовым позициям высшей судебной инстанции стра-

ны. Так, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, при мошенничестве (ст. 159 УК РФ) происходит изъятие чужого имущества¹⁰. Однако в приговоре осужденному за его совершение Ш. вместо «изъятия» формой деяния, вмененного ему, суд определил «похищение», «обращение в свою пользу», «израсходование денежных средств». При этом похищение как форма деяния при совершении мошенничества отсутствует и в УК РФ, и в вышеупомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48 (в практике оно устанавливается обычно в отношении кражи чужого имущества). Что касается «обращения в свою пользу» и «израсходования» денежных средств, то такие деяния возможны при совершении присвоения или растраты, предусмотренных совершенно другой статьей УК РФ — ст. 160. Такое толкование позволяет специалисту заключить: оснований считать, что приговор содержит описание деяния как признака состава мошенничества, вмененного осужденному, нет.

В другом случае К. было предъявлено обвинение в совершении сразу двух деяний: финансовых операций и сделок (ст. 174.1 УК РФ). Уголовный кодекс РФ и Пленум Верховного Суда РФ вкладывают разное содержание в эти два понятия. Так, согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, *под финансовыми операциями* могут пониматься любые операции с денежными средствами (наличные и безналичные расчеты, кассовые операции, перевод или размен денежных средств, обмен одной валюты на другую и т.п.), тогда как *к сделкам* относятся действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, а равно на создание видимости возникновения или перехода гражданских прав и обязанностей¹¹. В действительности, исходя из анализа текста обвинительного заключения, речь шла о *совершении одной финансовой операции*. В нем не было никакого описания сделок. То есть следствие, вопреки правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, *не стало даже различать эти два понятия или, может быть, не увидело различий между ними*.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

¹¹ П. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

Один из признаков состава преступления, который, согласно ст. 307 УПК РФ, должен быть описан в приговоре, — это способ его совершения. Согласно ч. 1 ст. 159 УК РФ, мошенничество может быть совершено путем обмана или злоупотребления доверием. Как показывает анализ судебных решений, многие суды не обращают внимания на альтернативный характер способов мошенничества (в тексте уголовного закона между ними использован разделительный союз «или»). Точно так же эти способы разделены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48. Такое разделение означает, что в одном поведении, в одном преступлении не могут иметь место сразу два способа его совершения. Данный вывод вытекает не только из текста закона, но и из уголовно-правового принципа вины, предполагающего осознание лицом объективных признаков состава преступления, в том числе способа (одного из двух — так, как он непосредственно указан в тексте закона), выбранного им для совершения преступления.

Описание в судебных решениях сразу двух способов, указанных в диспозиции нормы о мошенничестве¹², приводит к мысли, что судом установлено совершение якобы двух деяний (двух преступлений). Именно так следует понимать изложенную в приговоре одного из районных судов г. Москвы позицию: «Учитывая, что Ф. И. О. сообщал потерпевшей ложные сведения о необходимости привлечения денежных средств для участия в тендере по благоустройству парка, суд квалифицирует действия подсудимого как мошенничество, совершенное путем обмана, а также то, что Ф. И. О. был долгое время знаком с потерпевшей и ее супругом, как злоупотребление доверием». Ввиду того что квалификации подлежат деяния, а не способы совершения преступления, из приведенной цитаты можно заключить, что судья дал квалификацию двух деяний («квалифицирует действия»): отдельно мошенничества путем обмана и отдельно мошенничества путем злоупотребления доверием. Но в судебных

решениях по данному делу указано, что лицо признано виновным и осуждено за совершение только одного мошенничества. Таким образом, анализ представленных для исследования судебных решений показал, что они не содержат описания способа совершения преступления, поскольку он бесспорно не установлен.

При изучении приговора одного из районных судов обратило на себя внимание определение в нем корыстной цели лица, признанного виновным в совершении присвоения чужого имущества: «незаконное личное обогащение путем безвозмездного изъятия вверенных ему денежных средств». С точки зрения суда, способом совершения инкриминируемого осужденному хищения было *изъятие* вверенных ему денежных средств. Однако ни Уголовный кодекс РФ, ни Пленум Верховного Суда РФ не считают способом совершения присвоения изъятие чужого имущества. Изъятие имущества из чужого владения имеет место, например, при краже или грабеже, но не при присвоении. Виновному незачем изымать чужое имущество, оно и так находится в его ведении (владении). При этом изъятие — не способ, а форма деяния, которой Уголовный кодекс РФ (ст. 160) и высшая судебная инстанция признают обращение чужого имущества в пользу виновного (третьих лиц). Но в тексте приговора районного суда нигде не было ссылки на *обращение* (чужого имущества в свою пользу) как форму деяния при совершении присвоения. Следовательно, районный суд вновь неверно установил способ совершения хищения чужого имущества, инкриминируемого лицу, то есть неверно применил норму материального уголовного права.

Не укладывается в рамки правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ (постановление № 48) вывод одного из районных судов г. Москвы о том, что «о направленности умысла» на совершение мошенничества в отношении потерпевшей свидетельствует «сам факт предъявления подсудимым требований материального характера и получение от потерпевшей желаемой суммы». Помимо этого, при описа-

¹² Как верно отмечает судья Верховного Суда РФ (в почетной отставке) С. А. Ворожцов, «в судебных решениях нередко суды механически воспроизводят весь текст соответствующей нормы уголовного закона, то есть дословно переписывают диспозицию той или иной нормы Уголовного кодекса РФ». «Если из альтернативных формулировок к фактическим обстоятельствам дела относится только одна (или некоторые из них, но не все), — уточняет он свою мысль, — то только она (или некоторые, но не все) должна быть представлена в начале описательно-мотивировочной части приговора». См.: Ворожцов С. А. Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора. Требования к форме, содержанию, языку и стилю изложения // Мировой судья. 2020. № 2. С. 14–24.

нии вины приговор пестрил понятиями, неизвестными уголовному закону:

— «преступный умысел» (умысел — это вина, а вина не может быть «преступной», преступным может быть деяние);

— «цель личного обогащения» (с точки зрения уголовного закона безразлично, кто обогатится — лично виновный или третьи лица, поэтому законодатель к обязательным признакам хищения чужого имущества относит не «личное обогащение», а «корысть») и т.д.

Такое же несерьезное отношение к описанию вины и других признаков субъективной стороны можно увидеть во многих приговорах, как опубликованных, так и неопубликованных. Например, в приговоре одного из судов утверждалось, что осужденный за хищение чужого имущества «имел корыстный умысел» (тогда как в законе говорится о прямом и косвенном умысле, а корыстными могут быть мотив или цель), преследовал «цель преступной наживы» (в законе говорится о «корыстной цели») и т.д.

На наш взгляд, подобного рода недостатки вряд ли можно считать несущественными при составлении постановлений о возбуждении уголовного дела или привлечении в качестве обвиняемого. Они кладутся в основу серьезных обвинений, в том числе влекущих задолго до суда серьезные меры пресечения (среди которых заключение под стражу пользуется особой популярностью).

Наибольшее количество споров вызывает квалификация преступлений в представляемых для исследования специалисту постановлениях (обвинительных заключениях) и приговорах. Так, в деле К. действия по перечислению денежных средств между двумя ООО, контролируемые членами предполагаемого преступного сообщества (преступной организации), потраченных впоследствии на приобретение нефтепродуктов, московскими следователями были квалифицированы как легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (п. «а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ). При этом денежные средства фактически перемещались внутри нелегального оборота, то есть не вводились в легальный оборот. Подобная ситуация, надо сказать, известна правоприменительной практике. Пока-

зательным можно считать приговор Пензенского областного суда о том, что «не образуют оконченного состава преступлений, предусмотренных статьей 174.1 УК РФ, финансовые операции или иные сделки, результатом которых стало “перемещение” имущества между банковскими счетами, подконтрольными лицу, совершившему предикатное преступление, а равно финансовые операции или иные сделки, направленные на перемещение денежных средств или иного имущества между цепочкой юридических лиц, специально созданных либо используемых для совершения преступлений»¹³.

В другом деле апелляционная инстанция (Московский городской суд), отменяя приговор в части осуждения по ст. 174.1 УК РФ и прекращая уголовное дело в соответствующей части, указала: «К подобным действиям нельзя отнести осуществляемые осужденными действия по приобретению автомашин на имя М., которыми они пользовались, и приобретение долларов США. Таким образом, проводимые осужденными финансовые операции и сделки были направлены на то, чтобы иметь реальную возможность распорядиться полученными деньгами. Между тем подобные действия также не свидетельствуют о цели отмыwania денежных средств, не имели цели придания правомерности владения деньгами, полученными в результате совершения преступления»¹⁴.

Сходство приведенных решений с обвинением К. в совершении преступления, предусмотренного статьей 174.1 УК РФ, очевидно, поскольку перечисленные на счета подконтрольных К. организаций деньги были потрачены на приобретение нефтепродуктов. Однако то обстоятельство, что правоохранители и судьи знают, как должны быть квалифицированы подобные действия (состав легализации отсутствует), вовсе не означает, что они не будут преследовать в уголовно-правовом порядке лицо, обвиняемое в их совершении.

Еще один пример касается достаточно острой темы — вменения квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака «совершение преступления организованной группой»¹⁵. В деле Я., обвиняемой в мошенничестве, совершенном организованной группой, следствие пошло по пути перечисления характеристик

¹³ Апелляционное определение Пензенского областного суда от 27.04.2022 по делу № 22-351/2022.

¹⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 28.09.2018 по делу № 10-13238/2018.

¹⁵ Вообще, по моим наблюдениям, вменение признака, связанного с совершением преступления в соучастии (группе), в практике приобрело лавинообразный, а главное, неконтролируемый характер. То

(признаков) данной группы, причем не только непосредственно закрепленных в законе (ч. 3 ст. 35 УК РФ), но и отсутствующих в нем, например называло среди таковых «использование сложных способов совершения преступления», хотя общеизвестно, что способом мошенничества может быть либо обман, либо злоупотребление доверием. Ничего «сложного» здесь не может быть. Примечательно, что, описывая другие признаки организованной группы, следствие трансформировало ее участников (членов) в «лиц, не входящих в состав организованной группы и не осведомленных о целях и задачах функционирования организованной группы, но осознававших преступность такого вида деятельности и свою причастность к организованной группе». Естественно, возникает вопрос: каким образом лицо, не осведомленное о целях и задачах организованной группы, может осознавать характер (преступный) ее деятельности? Или как лицо, не входящее в организованную группу, может осознавать свою причастность к ней? Очевидно, что приписывание организованной группе признаков, которых в реальности не может быть, делало вывод следственного органа относительно наличия такой группы (в действиях Я.) сомнительным.

Стоит также отметить, что вменению Я. квалифицирующего признака «мошенничество, совершенное организованной группой», противоречило признание ее же «соучастником организованной группы». Ведь если Я. предъявлено обвинение в совершении мошенничества организованной группой, значит, она признана участником (членом) такой группы. Соучастником организованной группы она не может быть признана. Не только в теории, но и в законе нет такого понятия — «соучастник организованной группы». Можно быть соучастником (совершения) преступления, но не соучастником группы.

Столь же неубедительно и противоречиво были описаны обстоятельства дела по обвине-

нию К. А. В. и К. О. И. в совершении преступления, предусмотренного частью 1 ст. 210 УК РФ. В обвинительном заключении следственный орган обосновал форму соучастия и вид соучастников сомнительным образом, указав, что оба они являлись «руководителем и исполнителем в преступном сообществе (преступной организации)» и осуществляли «общее руководство структурным подразделением преступного сообщества (преступной организации)». При этом обвинительное заключение не содержало данных о том, каким образом К. А. В. и К. О. И., дав согласие стать руководителями *структурного подразделения* преступного сообщества (преступной организации), одновременно могли стать «руководителем и исполнителем в преступном сообществе (преступной организации)». Обвинительное заключение не содержало обстоятельств, разграничивающих их роли в качестве «руководителей» отдельно преступного сообщества (преступной организации) и отдельно — его (ее) структурного подразделения.

Помимо этого, следствие придумало неизвестный ч. 1 ст. 210 УК РФ вид соучастников — «исполнитель в преступном сообществе (преступной организации)». В названной норме описаны действия только создателя и руководителя преступного сообщества (преступной организации), а также лица, координирующего действия организованных групп, и т.п. Никакого «исполнителя в преступном сообществе (преступной организации)» в ней нет.

Еще больше сомнений в том, что обвинительное заключение по этому делу действительно содержит все имеющие значение для уголовного дела обстоятельства, вызвало перечисление в нем «функций» (действий) «неустановленных участников структурного подразделения». Представляется, что описание действий, которые неизвестно даже кто совершил, не только нелогично, но и неубедительно

обстоятельство, что на момент предъявления обвинения не установлен второй субъект преступления, похоже, никакого значения теперь не имеет. Так, в январе 2025 г. следователь СУ СК России по Новосибирской области вынесла постановление о привлечении в качестве обвиняемой М. Ф. А. Не найдя в ее квартире кий (которым она якобы ударила по голове свою совершеннолетнюю дочь К. М. И., с которой проживала в этой квартире) и не приведя ни одного доказательства, подтверждавшего участие других лиц в «незаконном лишении свободы» К. М. И. (мать «в наказание» за аморальный, с ее точки зрения, поступок дочери запретила последней покидать квартиру), следователь обвинила М. Ф. А. в незаконном лишении свободы, совершенном группой лиц по предварительному сговору, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «а», «г» ч. 2 ст. 127 УК РФ). Судью, согласившуюся с мнением следователя о применении меры пресечения к М. Ф. А., отсутствие указанных обстоятельств не смутило...

с точки зрения построения на этой основе обвинения в участии в преступном сообществе (преступной организации) или его (ее) организации.

Заключение

В условиях, когда судьи выносят практически исключительно обвинительные приговоры, нередко последнюю свою надежду на вынесение ими законного решения граждане связывают с наукой, полагая, что известный и авторитетный ученый сможет выступить научным арбитром в споре между обвинением и защитой. Однако безусловная приверженность стереотипам и шаблонам в правоприменительной деятельности, нивелирование возможности использовать в уголовном процессе специалиста в области юриспруденции и его знания могут убить в них

эту надежду. Один из адвокатов рассказал мне, что после нескольких попыток доказать ошибочность обвинения в совершении преступления его клиент, с горечью размышляя о перспективах своего дела, спросил: «Может, мне лучше признать свою виновность, чем тратить деньги на адвокатов, экспертов и специалистов? Может, мне заключить досудебное соглашение о сотрудничестве?»

Как резюмировала американская газета касательно упомянутого случая с принятым судьей решением, «многие граждане могут пострадать». Наша задача — помочь гражданам не пострадать от решений судей, сохранить веру в правосудие, профессиональный уровень вершителей которого зависит от их желания и умения применять в своей деятельности достижения юридических наук, включая уголовно-правовые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ворожцов С. А. Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора. Требования к форме, содержанию, языку и стилю изложения // Мировой судья. 2020. № 2. С. 14–24.
- Гришина Е. П. Привлечение специалиста защитником // Адвокатская практика. 2007. № 4. С. 25–26.
- Давлетов А. А. Обязанность суда удовлетворять ходатайство стороны защиты о привлечении специалиста как условие обеспечения состязательности в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. 2018. № 3. С. 28–31.
- Давлетов А. А., Чарыков А. В. Верховный Суд РФ «сворачивает» право адвоката-защитника привлекать специалиста в судебное следствие? // Российский судья. 2022. № 1. С. 60–64.
- Кочои С. М. Научно-консультативное заключение по уголовному делу: значение и перспективы использования // Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов : XVII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и XX Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, 26–29 ноября 2019 г. : в 5 ч. Ч. 4. М. : Проспект, 2020. С. 128–131.

REFERENCES

- Davletov AA, Charykov AV. Is the Supreme Court of the Russian Federation «curtailing» the right of a defense lawyer to involve a specialist in a judicial investigation? *Rossiyskiy sudya [Russian Judge]*. 2022;1:60-64. (In Russ.).
- Davletov AA. The court's obligation to satisfy the defense's request for the involvement of a specialist as a condition for ensuring competitiveness in criminal proceedings. *Administrator suda*. 2018;3:28-31. (In Russ.).
- Grishina EP. Involvement of a specialist by a defender. *Advokatskaya praktika [Advocate's Practice]*. 2007;4. (In Russ.).
- Kochoi SM. Scientific advisory opinion on a criminal case: Significance and prospects of its use. In: The rights and duties of a citizen and public authority: The search for a balance of interests. The 17th International Scientific and Practical Conference (Kutafinsky Readings), Kutafin Moscow State Law University (MSAL) and the 20th International Scientific and Practical Conference of the Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, November 26–29, 2019. In 5 parts. Part 4. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. Pp. 128–131. (In Russ.).
- Vorozhtsov SA. Descriptive and motivational part of the guilty verdict. Requirements for the form, content, language and style of presentation. *Mirovoy sudya [Magistrate Judge]*. 2020;2:14-24. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кочои Самвел Мамадович, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
Sam.kochoi@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Samvel M. Kochoi, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Moscow, Russian Federation
sam.kochoi@bk.ru

Материал поступил в редакцию 4 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2025 г.

Received 04.09.2024.

Revised 14.04.2025.

Accepted 15.04.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.097-112

Е. Ю. Пудовочкин

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Общественная опасность преступления и ее отражение в составе преступления

Резюме. Дискуссия об общественной опасности преступления выступает значимым компонентом уголовно-правового дискурса, который существенно актуализирован в связи с критикой текущей криминализационной практики. В его содержании, однако, остро не хватает прикладных исследований, ориентированных на перевод высоких политологических и социологических обобщений на язык права. В этих целях необходимым дополнением к дискуссии должен стать вопрос об отражении общественной опасности в составе преступления — инструментальной категории, связанной с определением основания уголовной ответственности. Анализ показывает, что современный уголовный закон и практика его применения не придерживаются строго какой-либо одной из двух представленных в доктрине концепций состава: реальной или нормативной. Это затрудняет согласованное применение уголовного и уголовно-процессуального законов, а также создает теоретические сложности в интерпретации состава преступления. Исходя из результатов текстологического анализа УК РФ, исследования практики конституционного толкования норм УПК РФ, текущей практики судов общей юрисдикции и результатов научных дискуссий, автор статьи дает характеристику современного состояния проблемы отражения в законе признаков общественной опасности преступления и определяет перспективы ее решения.

Ключевые слова: преступление; состав преступления; концепция реального состава преступления; нормативистская концепция состава преступления; основание уголовной ответственности; общественная опасность деяния; малозначительность деяния; целесообразность уголовного преследования; прекращение уголовного преследования; законность; справедливость; разделение властей

Для цитирования: Пудовочкин Е. Ю. Общественная опасность преступления и ее отражение в составе преступления. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 5. С. 97–112. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.097-112

The Social Danger of Crime and its Reflection in the Body of a Crime

Yury E. Pudovochkin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The discussion about the social danger of crime is an important component of the criminal law discourse, which has significantly been updated in connection with the criticism of current criminalization practice. However, its content is sorely lacking in applied research aimed at translating high political science and sociological generalizations into the language of law. To this end, the issue of reflecting public danger in the body of a crime, an instrumental category related to determining the basis of criminal liability, should be a necessary addition to the discussion. The analysis shows that modern criminal law and the practice of its application do not strictly adhere to any one of the two concepts of composition presented in the doctrine: real or normative. This creates significant difficulties in the coordinated application of criminal and criminal procedure laws, as well as creates theoretical difficulties in interpreting the corpus delicti. Based on the results of a textual analysis of the Criminal Code of the Russian Federation, a study of the practice of constitutional interpretation of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the current practice of courts of general jurisdiction and

© Пудовочкин Е. Ю., 2025

the results of scientific discussions, the paper describes the current state of the problem as to indication of the signs of public danger of crime in the law and identifies the prospects for its solution.

Keywords: crime; body of crime; concept of the real body of crime; normative concept of body of crime; basis of criminal responsibility; public danger of the act; insignificance of the act; expediency of criminal prosecution; termination of criminal prosecution; legality; justice; separation of powers

Cite as: Pudovochkin YuE. The Social Danger of Crime and its Reflection in the Body of a Crime. *Lex Russica*. 2025;78(5):97-112. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.097-112

Введение

Общественная опасность преступления и состав преступления — две фундаментальные категории уголовного права. Будучи соотносительными с характеристиками основания уголовной ответственности, они позволяют решить едва ли не весь комплекс вопросов, связанных с уголовно-правовым нормотворчеством и правоприменением, а заложенные в основание большей части уголовно-правовых институтов — требуют их системного согласования на единой методологической платформе, определяющей соотношение опасности и состава. В современных условиях кардинальной трансформации уголовной политики государства, которая характеризуется, среди прочего, обострением внутренних противоречий между стремительно нарастающей законодательной криминализацией, с одной стороны, и увеличивающимися объемами судебной депенализации — с другой, заявленные категории, их понимание в законодательной и правоприменительной практике приобретают особую значимость. Свидетельством активизации интереса к данной проблеме может служить опыт ее обсуждения на многих научных форумах, организуемых в последние годы, а также появление целого ряда интересных и содержательных научных текстов.

Однако, несмотря на сотни выступлений и тысячи страниц, посвященных опасности преступления и составу преступления, проблема их взаимного отношения как исходная точка уголовно-правового регулирования не решена в полной мере. По этой причине обращение к заявленной теме видится вполне оправданным, тем более что вниманию профессионального читателя предлагается дополнительная попытка осмысления вполне определенного аспекта общей проблемы опасности и состава, а именно их связи, предполагающей отражение общественной опасности преступления в составе преступления.

Обсуждение проблемы связи опасности и состава может иметь смысл лишь при допуще-

нии того, что и сама общественная опасность, и состав преступления являются необходимыми компонентами уголовно-правовой теории и практики. По этой причине в последующем изложении мы по необходимости уделим некоторое внимание этой проблеме с тем, чтобы впоследствии на основе аналитического обобщения научных источников, законодательных предписаний и судебных правовых позиций представить некоторое модельное видение возможных вариантов ее решения.

Общественная опасность преступления

Полемика по вопросу общественной опасности ведется давно. Основной повод для критики создают два широко распространенных в науке суждения. Во-первых, это понимание общественной опасности как объективного свойства деяния причинять или создавать угрозу причинения вреда. Во-вторых, это убежденность в том, что общественная опасность деяния является либо единственным, либо основным критерием криминализации. В ситуации, когда Уголовный кодекс пополняется предписаниями об ответственности за деяния, опасность которых не является очевидной, каждое из этих суждений оказывается под ударом критики.

Своего апогея она достигает в утверждениях о том, что опасность — это искусственный конструкт, что нет ни одного деяния, по природе своей обладающего опасностью, что криминализация продиктована исключительно политической волей законодателя. Последовательно аргументирует это воззрение Я. И. Гилинский: «Объективные основания криминализации многих деяний отсутствуют. Привычное обращение к “общественной опасности” малопродуктивно, поскольку трудно однозначно определить, что такое “общественная опасность” и с чьей точки зрения (каких “фрагментов” общества) ее надо определять. Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как порождение власти в целях

ограничения иных, не аффилированных с властью индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть»¹.

Сдержанная критика общественной опасности наблюдается в рассуждениях специалистов, которые, не исключая ценности данной категории, выводят ее за пределы уголовного права (либо в целом, либо как минимум за пределы процесса применения уголовно-правовых норм). Не претендуя на систематический анализ исследовательских позиций, можно, пожалуй, без боязни ошибиться представить абрис такого подхода:

— общественная опасность — это возможность негативных изменений, последствий, возможность причинения вреда обществу. Констатировать общественную опасность преступления можно только, если мы ведем речь о теоретическом понятии преступления или о его законодательной формуле. Реализация заложенной в общественной опасности деяния угрозы означает, что угроза миновала и опасности уже нет, она реализована²;

— опасность — категория возможности. Если вред уже наступил, то правильнее было бы говорить не об опасности совершенного действия, а о его общественной вредности, о тяжести преступления³;

— преступления в ряду иных правонарушений выделяются в первую очередь степенью вредности. Высокая степень вредности порождает новое качество — общественную опасность, лежащую, однако, за пределами общественной вредности как таковой, поскольку сама вредность при этом выступает только предпосылкой появления общественной опасности⁴;

— общественная опасность — категория социальная, а не уголовно-правовая. Ее необходимо искать за пределами уголовного права как совокупности правовых норм, то есть учитывать обстоятельства, находящиеся за рамками состава преступления⁵;

— включение столь дискуссионного признака, как общественная опасность, в дефиницию формального понятия «преступление» для обеспечения ее стабильности и содержательной ясности нецелесообразно⁶.

Эти рассуждения интересны и значимы. Если не считать, что речь идет только о терминологическом уточнении используемых уголовно-правовой наукой понятий, о замене «общественной опасности» «вредностью», то очевидно, что ключевой характеристикой совершенного преступления авторы признают не его опасность, а причиненный вред. Предполагается, видимо, что вред — категория объективная и неполитизированная, в отличие от опасности, а потому установление вреда признается задачей, сильной для правоприменителя, не такой как оценка общественной опасности вредоносного деяния, которая перекладывается на плечи законодательного органа.

Вместе с тем представления об объективных и неполитизированных характеристиках вреда, на наш взгляд, недостаточно убедительны. Вред — это не просто последствия, не просто изменения в охраняемом уголовным законом объекте. Вред — это изменения всегда негативные. И данный факт сам по себе с необходимостью предполагает использование оценочных суждений для характеристики вреда и его измерения. Умышленно или по неосторожности был причинен вред, с какой целью причинен, при каких обстоятельствах, какими действиями, кем, какие ценности пострадали, насколько? Эти и иные вопросы необходимо поставить и решить, чтобы охарактеризовать причиненный преступлением вред. В итоге вредоносность деяния из формально-объективной характеристики преступления вновь становится оценочной, причем уже не только на уровне абстрактного (возможного), но и на уровне конкретного (реально совершенного) деяния. Без оценки фактически причиненного вреда решить вопросы, связанные с реализацией уголовной

¹ Гилинский Я. И. Криминология и девиантология постмодерна. СПб. : Алетейя, 2024. С. 155, 181–181.

² Лопашенко Н. А. Общественная опасность деяния: верификация невозможна? // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8. С. 127–138.

³ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М. : Госюриздат, 1960. С. 99.

⁴ Марцев А. И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 155.

⁵ Ковалев М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1987. С. 59.

⁶ Смирнов А. М. О дефиниции понятия «преступление» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 3. С. 420.

ответственности, невозможно, даже если отказаться от категории общественной опасности в формулировке общего понятия преступления. Выставленная за дверь категория общественной опасности, пусть и в другом словесном обличье, вновь проникает в уголовное право, теперь уже через окно. В том числе по этой причине видится нецелесообразным отказ от самой категории общественной опасности преступления в уголовно-правовом дискурсе.

Проблема же в том, что в теоретической интерпретации общественной опасности гиперболизируются ее объективные характеристики в ущерб восприятию опасности в качестве категории оценочной. Убежден, что общественная опасность — не столько свойство самого деяния (и потенциально возможного, и реально совершенного), сколько результат оценки его различных свойств и признаков. Основное функциональное предназначение такой оценки — обособить группу деяний для целей их включения в корпус уголовно наказуемых (когда речь идет об оценке потенциально возможных деяний законодателем) либо установить, заслуживает ли деяние уголовно-правовой реакции (когда речь идет об оценке фактически совершенного деяния правоприменителем).

На оценку опасности деяний влияет великое множество факторов. Это прежде всего историческая ситуация, политическая, экономическая, социальная и т.д. обстановка в стране. Кроме того, особенности субъекта оценки: на уровне властных органов — его принадлежность к парламентским, судебным, правоохранительным структурам; на индивидуальном, личностном уровне — его опыт, возраст, образование, политические, мировоззренческие и прочие установки. Зависимость оценки деяния от внешних по отношению к деянию факторов позволяет констатировать такое ее значимое свойство, как контекстуальность⁷.

На контекст оценки опасности криминализируемых деяний неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, отмечая, что:

— законодатель определяет содержание положений уголовного закона, учитывая степень распространенности таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств⁸;

— в случаях, когда предусматриваемые законом меры публично-правовой ответственности перестают отвечать социальным реалиям, федеральный законодатель вправе обеспечить их приведение в соответствие с новыми социальными реалиями, соблюдая при этом конституционные принципы равенства, справедливости и гуманизма⁹.

Не игнорируется значимость контекста и для оценки реально совершенных деяний. Уголовный закон и практика его применения прямо это подтверждают. Например, статья 80.1 УК РФ позволяет освободить лицо от наказания, если совершенное им деяние перестало быть общественно опасным ввиду изменения обстановки, тем самым признавая наличие опасности деяния в одном контексте (при его совершении) и ее отсутствие — в другом (при рассмотрении дела в суде). Учет контекста совершения деяния предписан и постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11, в котором отмечено, что, оценивая характер и степень общественной опасности действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, следует учитывать, в частности, размер и состав аудитории, которой информация была доступна, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих эту аудиторию¹⁰. Все эти признаки характеризуют как раз контекст совершения деяния, но не само деяние.

⁷ См. об этом, например: *Мирошниченко Д. В.* Теоретико-методологическое обоснование общественной опасности деяния в уголовном праве // *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 10. С. 59–76.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2005. № 4.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2017. № 2.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2011. № 8.

Подключение категории «контекст» для оценки деяния как общественно опасного — сложная аналитическая процедура, требующая включения в орбиту рассуждений широкого круга факторов, соотносимых с обстановкой (условиями) совершения деяния и личностью деятеля. Основная трудность состоит в том, что «личность» и «обстановка» — понятия, которые с большой натяжкой можно, если вообще можно, назвать уголовно-правовыми. Это предмет исследования иных наук, прежде всего криминологии, криминальной психологии, уголовной социологии, уголовной политологии. О том, что эти науки у нас не развиты (или, выражаясь аккуратней, не развиты в должной степени), можно лишний раз не говорить. Но факт остается фактом: как отрасль научного знания ни уголовная социология, ни уголовная политология не институционализированы. Криминология — исключение, хотя сегодня, кажется, сделано всё для ее деинституционализации. Поэтому мы не располагаем ни необходимыми знаниями, ни механизмом перевода этих знаний в сферу уголовно-правовой догматики¹¹, ни адекватными нормативными и теоретическими конструкциями, позволяющими учесть контекст при оценке общественной опасности деяния.

Уголовное право сегодня развивается как знание о нормах права. Любая исследовательская попытка выйти за пределы нормы права встречает серьезные препятствия либо в виде отсутствия профессиональных навыков для изучения материала, не относимого к норме права и ее применению, либо в виде отсутствия нужной информации в смежных областях знания. Попытки компенсации нехватки знаний в виде использования социологических методов в уголовном праве (на что, вероятно, был серьезный расчет в 60-х гг. прошлого столетия) остаются слабыми и малорезультативными. Печальным итогом на этом фоне выглядит явное или подспудное желание некоторых представителей уголовно-правовой науки отмахнуться от категории общественной опасности вовсе, изъять проблематику опасности из отраслевого дискурса, а само это слово — из тезауруса науки. Такие попытки, думается, должны восприни-

маться не иначе как свидетельство раздраженной беспомощности.

Именно в современных условиях нарастающей сверхпунитивности и сверхкриминализации (явления не сугубо российского, а интернационального¹²), в условиях активизации призывов к «тотальной чистке» уголовного закона потребность в адекватном фильтре, сквозь который необходимо пропустить весь комплекс уголовно-правовых предписаний об ответственности за те или иные деяния, становится особенно острой. Конечно, на роль такого фильтра могут претендовать различные концепты — от аморальности до политической целесообразности. Но едва ли общество в целом и профессиональный правоприменитель как его часть будут удовлетворены результатами применения их «очищающих способностей». Именно общественная опасность криминализированных и фактически наказываемых в уголовно-правовом порядке деяний, при всех сложностях ее понимания, может, на наш взгляд, выступать вполне надежным критерием оценки разумности, справедливости и адекватности как уголовного закона, так и в целом реализуемого в стране уголовно-политического курса.

Состав преступления

Понятие состава преступления прочно вошло в доктрину уголовного права, являясь, без преувеличения, ядром учения о преступлении. Между тем любое устоявшееся понятие время от времени, а лучше сказать — постоянно, нуждается в дополнительном осмыслении с тем, чтобы в зависимости от результатов этого осмысления сохранить, скорректировать или отказаться от него.

На состав преступления покушаются очень немногие исследователи. Пожалуй, наиболее последовательным его критиком выступает А. П. Козлов, который отмечает нецелесообразность использования данной категории в науке и на практике¹³. Не имея намерения детально анализировать эту позицию, отмечу, что, по моему разумению, попытку автора отказаться от категории «состав преступления» в пользу кате-

¹¹ См. об этом: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Проблемы производства и оборота криминологической информации // Российский девiantологический журнал. 2021. № 1. С. 137–150.

¹² Husak D. Overcriminalization. The Limits of the Criminal Law. New York : Oxford University Press, 2008.

¹³ Козлов А. П. Понятие преступления. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. С. 174–192 ; Он же. Авторский курс уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 142–144.

гории «структура преступления» нельзя назвать в полной мере удачной. Структура преступления в его понимании — это набор элементов, которые в совокупности образуют общественно опасное, противоправное и виновное деяние. Мысль понятна. Но сущностные отличия этих констатаций от того, что писал А. Н. Трайнин про состав преступления в 1946 г., — не вполне. «Состав преступления, — указывал он, — всегда есть общественно опасное действие»; «элементом состава является каждый фактический признак, определяющий наличие и степень социальной опасности предусмотренного законом преступления»¹⁴. Как ни старайся, различий не найти. А. П. Козлов всё так же анализирует и объект, и объективную сторону, и субъективную сторону, и субъекта преступления, предлагая лишь иную компоновку этих элементов (которая, кстати, известна и сторонникам категории «состав преступления») и не называя их элементами состава преступления.

Содержательных аналогов категории «состав преступления» наука не предложила. Да это вряд ли необходимо, учитывая, что данная категория вполне справляется со своей ролью упорядочивать, систематизировать, отражать, закреплять, демонстрировать такие признаки деяния, минимальный набор которых требуется для признания его в качестве преступного.

В современной российской науке существуют две основные (конкурирующие) концепции состава преступления: состав как реальность и состав как нормативная конструкция¹⁵. В рамках настоящей публикации не предусмотрено проведение их сравнительного анализа. Наша задача будет состоять в ином: во-первых, попытаться понять, как отражены (если отражены) эти концепции в законе и на практике; во-вторых, продемонстрировать, как эти концепции соотносятся с признаками общественной опасности и противоправности деяния; в-третьих, установить связь концептуального понимания

состава преступления с представлением об основании уголовной ответственности; в-четвертых, выяснить, кто является «конструктором» состава преступления. Именно такой, сквозной анализ, предполагающий исследование связи состава преступления с базовыми характеристиками уголовно-правового регулирования, сегодня необходим не только для дополнительной легитимации самой категории состава, но и для обеспечения системного развития уголовно-правовой практики на основе последовательного и непротиворечивого отражения в ней строго определенной концепции состава преступления.

Состав преступления в законе и на практике

Ни законодатель, ни правоприменитель не заявляют прямо о своих теоретических предпочтениях (в этом их едва ли можно упрекнуть), а уголовно-правовая практика, как показывает опыт, вполне может комбинировать или произвольно использовать для решения собственных задач различные теоретические конструкции. Поэтому попытки выяснить, какая именно из двух конкурирующих концепций состава преступления отражена сегодня в уголовном законе и какой из них придерживается правоприменитель, могут восприниматься как безнадёжные или малоубедительные в своих итогах. И тем не менее такой поисковый опыт важен, хотя бы в качестве отправной точки для последующих рассуждений.

Текстуальный анализ УК РФ свидетельствует, что понятие «состав преступления» в интересующем нас контексте используется 32 раза (по состоянию на 11 ноября 2024 г.): три раза при описании общих положений об ответственности (ст. 8, 29, 31), два раза при описании признаков отдельных составов преступлений (ст. 116.1 и 171.5), 27 раз при описании условий освобо-

¹⁴ Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1946. С. 36, 64.

¹⁵ Известность, кстати, может сыграть с исследователями злую шутку, поскольку в анализе любой проблемы надо не полагаться на «известность» ее решений, а постоянно держать под рукой ранее высказанные позиции. К сожалению, в литературных источниках рассуждения о составе преступления часто ограничиваются ритуальными ссылками на некоторые сочинения, но не происходит творческого развития ранее представленных концепций. Навскидку вспоминается только несколько статей Н. Е. Крыловой, в которых предпринята творческая попытка развить учение Н. Ф. Кузнецовой о составе преступления: Крылова Н. Е. Дискуссионные вопросы учения о составе преступления // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2012. № 4. С. 26–43 ; Она же. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2017. № 6. С. 15–28.

ждения от уголовной ответственности (ст. 76.1 и примечания к ст. 110.2, 126, 127.1, 145.1, 178, 195, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 210, 212, 275, 275.1, 281.1, 281.2, 281.3, 282.1, 282.2, 282.3, 322, 322.2, 322.3).

В некоторых случаях закон говорит о *деянии*, содержащем или не содержащем состав преступления, в других — не о деянии, а о *действиях*. Иногда говорится о деянии, содержащем или не содержащем *признаки состава* преступления, иногда — о деянии, содержащем *состав* преступления. Эти отличия нуждаются в отдельном анализе, проведение которого не вписывается в наши исследовательские задачи.

Главное, на что в нашем случае надо обратить внимание, — это слово «содержит». На него указывала еще Н. Ф. Кузнецова. «Деяние содержит состав преступления» — вот базовая законодательная формула. Смеем предположить, что она в большей степени тяготеет к концепции реального состава, которая рассматривает состав как часть преступления, как то, что находится «внутри преступления, содержится в нем, образует его ядро. Будучи частью преступления, состав при таком его понимании выражает собой набор элементов деяния, необходимый и достаточный для привлечения к уголовной ответственности, поскольку этот набор выражает достаточный объем общественной опасности содеянного. Состав преступления — это система обязательных объективных и субъективных элементов деяния, «образующих его общественную опасность»», — писала Н. Ф. Кузнецова¹⁶.

Четкая связь состава преступления и общественной опасности — значимая характеристика рассматриваемой концепции. Если деяние содержит состав преступления, то оно общественно опасно. И наоборот, если в деянии не содержится состав преступления, то оно не представляет общественной опасности. Пожалуй, эту логику можно констатировать в современной практике уголовно-правовой оценки малозначительных деяний, когда именно отсутствие состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) служит основанием для прекращения уголовного дела.

Концепция реального состава возлагает на правоприменителя сверхважную задачу: установить в фактически совершенном деянии общие (указанные в ст. 14 УК РФ) и специальные (отраженные в диспозиции статей Особенной части УК РФ) признаки и только на этой основе сформулировать самостоятельный вывод о том, что такое деяние является, с одной стороны, описанным в законе, а с другой — настолько опасным, что требует уголовно-правовой реакции. Вывод этот звучит как наличие в деянии состава преступления. На правоприменителя, таким образом, лежит обязанность по оценке общественной опасности деяния, прежде всего для решения вопроса о том, имеются ли основания для привлечения виновного к уголовной ответственности.

Именно эта сверхактивная роль правоприменителя всегда оставалась слабым местом, создающим повод (иногда необоснованный) для критики рассматриваемой концепции, поскольку таковая, в принципе, создавала предпосылки для реализации составоконстатирующей функции правоприменителя даже при отсутствии описания специальных признаков преступления в статьях Особенной части УК РФ и в этом отношении оказывалась вполне пригодной для применения уголовного закона в условиях наличия в нем института аналогии.

Опыт правоприменительного «додумывания» признаков состава преступления имеется и сегодня, в условиях провозглашения формальной законности (ст. 3 УК РФ). Например, не чем иным, как судебным дополнением признаков состава незаконного проникновения в жилище, можно считать признание преступным лишь такого факта проникновения, которое было продиктовано неизвинительными мотивами¹⁷; дополнением признаков состава кражи можно считать установление существенности причиненного вреда¹⁸; дополнением признаков состава незаконного производства средств для негласного получения информации можно считать установление цели применить соответствующие предметы в качестве средства посягательства на конституционные права граж-

¹⁶ Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М. : Городец, 2007. С. 11.

¹⁷ Апелляционный приговор Верховного Суда Республики Алтай от 28.06.2018 по делу № 22-427/2018.

¹⁸ См. обзор практики по этому вопросу: Жилкин М. Г., Качалов В. В., Раненкова Е. А. Судебная практика квалификации кражи в незначительном размере как малозначительного деяния // Уголовное право. 2022. № 12. С. 10–20.

дан¹⁹. Приводя эти примеры, мы меньше всего склонны критиковать практику. Важно иное: в поиске общественной опасности деяния суды выходят за пределы установления признаков, непосредственно описанных в законе, и включают в число признаков состава преступления те характеристики деяния, которые, не будучи описанными в законе, позволяют оценить деяние как опасное.

Именно на волне оспаривания этих полномочий, очевидно, развивалась вторая — нормативистская концепция понимания состава преступления как совокупности признаков преступления, исчерпывающе описанных законодателем. Она была призвана подчеркнуть приоритетную роль именно закона, а не правоприменителя в установлении основания уголовной ответственности. Важно, что в рамках данной концепции признаки состава оказались в известной степени оторванными от признаков преступления, зафиксированных в ст. 14 УК РФ, и прежде всего от признака общественной опасности. Состав преступления стал в большей степени ассоциироваться с признаком противоправности деяния: то, что соответствует признакам состава, является противоправным, а противоправность является собой выражение, закрепление общественной опасности. Отсюда задача правоприменителя: не вторгаясь в обсуждение обоснованности законодательной оценки деяния как опасного, сконцентрироваться на установлении его противоправности с тем, чтобы любое деяние, подпадающее под признаки, установленные в законе, воспринимать в качестве основания уголовной ответственности. Думается, что именно в этом заключается весь пафос нормативистской концепции состава преступления.

Однако возникает устойчивое ощущение, что на практике складывается несколько иная ситуация. Для ее исследования необходимо понять конституционную логику уголовного процесса, проявляющую себя прежде всего в решении вопросов, связанных с выбором осно-

вания прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

Конституционный Суд РФ сформулировал несколько значимых позиций, имеющих прямое отношение к рассматриваемой нами проблеме.

Во-первых, он указал, что обсуждение вопроса о составе преступления возможно только при доказанности факта наличия общественно опасного деяния. «Лишь при установлении с помощью уголовно-процессуальных средств фактических обстоятельств, свидетельствующих о *наличии общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления*, возможна дальнейшая правовая оценка поведения лица на предмет наличия или отсутствия в нем состава преступления как основания уголовной ответственности»²⁰.

Это суждение представляется важным, поскольку констатация отсутствия самого события деяния означает прекращение поиска причастных к нему лиц. Причинения вреда либо не было вовсе (например, когда потерпевший сознательно или ненамеренно предполагает причинение ему вреда чьими бы то ни было действиями), либо причиненный вред причинно не связан с поведением человека (например, когда какое-либо имущество было утеряно виновным, но не похищено либо когда вред был причинен не деянием, а иными причиняющими силами, скажем природными факторами). Если же будет констатировано наличие деяния, то есть установлен предмет уголовно-правовой оценки, то прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления может косвенно свидетельствовать о наличии у деяния признаков состава иного (не уголовного) правонарушения, что требует соответствующей правовой реакции со стороны государства.

Во-вторых, Конституционный Суд РФ отметил, что обсуждение вопроса о составе преступления возможно только при доказанности факта причастности конкретного лица к совершению общественно опасному деянию.

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2021 № 13-П «По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. И. Тихомоловой» // СЗ РФ. 2021. № 17. Ст. 3044.

Прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления «предполагает предварительное подтверждение доказательствами, собранными в объеме, достаточном для установления совершения конкретным лицом самого общественно опасного деяния»²¹.

Это обстоятельство значимо и с практической точки зрения. «В соответствии с ч. 3 ст. 306 УПК РФ в случае вынесения оправдательного приговора, постановления или определения о прекращении уголовного преследования по основанию, предусмотренному пунктом 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления), а также в иных случаях, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, суд решает вопрос о направлении руководителю следственного органа или начальнику органа дознания уголовного дела для производства предварительного расследования и установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого»²². Понятно, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования за отсутствием состава преступления в ситуации, когда не установлены причастные к нему лица, блокирует возможность дальнейшего поиска причастных к причинению вреда лиц, что создает угрозу для конституционных прав граждан и правопорядка в целом.

Таким образом, состав преступления может быть установлен только в конкретных опасных действиях конкретного лица. Уже исходя из этого, надо говорить о том, что опасность деяния как его объективная характеристика существует до и вне зависимости от того, имеются ли в этом деянии признаки состава преступления и вообще предусмотрено ли это деяние в качестве уголовно-противоправного в законе. Общественная опасность деяния первична по отношению к составу. Это общепризнанный (хотя и оспариваемый) постулат уголовно-правовой доктрины.

Деяние может быть опасным вне зависимости от того, соответствует оно или не соответствует признакам состава. По этой причине, в частности, уголовное преследование лиц, не достигших возраста уголовной ответственности или невменяемых на момент совершения деяния, прекращается за отсутствием состава преступления, хотя констатация отсутствия состава не меняет общественно опасной природы самого деяния. В одном из решений Верховный Суд РФ прямо указал: «...Суть совершенного деяния как общественно опасного и запрещенного уголовным законом не претерпевает изменений в зависимости от того, были ли к лицу применены принудительные меры медицинского характера или нет, например по причине наступления его смерти или вследствие признания этого лица не нуждающимся в принудительном лечении»²³.

Вместе с тем установление признаков состава преступления в деянии, согласно логике Конституционного Суда РФ, еще не гарантирует того, что такое деяние общественно опасно именно в силу его соответствия составу, что в поведении лица имеется основание уголовной ответственности.

«...Как вводимые законодателем меры уголовной ответственности, так и их реализация в правоприменительной деятельности *не предполагают ее возложения за деяния, лишь формально подпадающие под признаки статьи Особенной части УК РФ*, но не представляющие того минимума опасности, которая является необходимым свойством преступления. <...> *Выявление формальных признаков состава преступления в совершенном деянии не всегда предопределяет признание его преступным*, поскольку содеянное в силу поведения самого виновного может и не достигать того уровня опасности, который легитимирует уголовное преследование»²⁴.

Такая логика уголовного процесса, по сути, дает основание полагать, что наличие состава

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2021 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова» // СЗ РФ. 2021. № 26. Ст. 5043.

²² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.08.2024 по делу № 74-УДП24-9-К9.

²³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.11.2023 по делу № 9-УД23-16-А4.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. М. Демьшиной» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.

преступления в деянии не является основанием ответственности, как это определяется статьей 8 УК РФ. Установление закрепленных диспозицией соответствующей статьи Особенной части УК РФ признаков *служит предпосылкой для правильной квалификации содеянного*²⁵, но само по себе не приводит к выводу о наличии основания уголовной ответственности. Задолго до решения Конституционного Суда РФ об этом писал В. И. Михайлов: «Состав преступления не предназначен для определения наличия или отсутствия преступления при совершении вредоносного деяния. Его служебная роль иная — определять, какое именно преступление совершено»²⁶.

Анализ приведенных позиций создает двойственное впечатление. С одной стороны, Конституционный Суд РФ исходит из того, что признаки состава преступления исчерпывающим образом описаны законодателем в законе. Это очевидное признание положений нормативистской концепции состава преступления. Но в то же время, вопреки положениям этой концепции, Суд признает, что противоправное деяние (то есть деяние, соответствующее признакам состава) вовсе не обязательно является общественно опасным, что признаки опасности деяния должны быть дополнительно установлены правоприменителем. В этом есть некая отсылка к теории реального состава преступления, хотя Конституционный Суд РФ прямо и не признает, что основание уголовной ответственности устанавливается самим правоприменителем. В итоге складывается парадоксальная ситуация, наглядно демонстрируемая опять же практикой прекращения уголовных дел по малозначительным деяниям, когда, прежде чем прекратить дело за отсутствием состава преступления, правоприменитель должен установить наличие признаков состава преступления.

Оценка ситуации

Противоречивость и непоследовательность отражения теоретических познаний о составе преступления в законе и правоприменительной

практике, вне сомнения, заслуживает критической оценки. Давно пора навести порядок в этой области уголовного права.

Концепция реального состава в ее чистом виде предполагает, что состав преступления как набор минимально необходимых и, главное, достаточных для привлечения к уголовной ответственности элементов деяния устанавливается правоприменителем. Именно он решает, имеется или нет в каждом конкретном деянии состав преступления, сопоставляя элементы деяния с его описанием в законе и, что крайне важно, оценивая эти элементы как в отдельности, так и в совокупности с точки зрения того, представляют ли они достаточную общественную опасность для того, чтобы активировать механизм уголовной репрессии. При таком подходе закон вполне может восприниматься лишь в качестве некоего ориентира для принятия правоприменительного решения. Бремя признания деяния общественно опасным здесь лежит на суде.

Согласно нормативистской концепции состава (опять же в чистом виде), набор признаков, минимально необходимых и достаточных для характеристики деяния как преступного, устанавливается исключительно законом. Именно закон исчерпывающим образом описывает состав преступления. Задача правоприменителя — соотнести признаки реального деяния с признаками, установленными в законе; в случае их совпадения вывод о наличии основания уголовной ответственности формулируется автоматически и безоценочно. Оценка опасности деяния как основания ответственности в данном случае вынесена за рамки правоприменительной деятельности, в область принятия законодательного решения.

Сходство и различия концепций очевидны. И та и другая исходят из того, что состав преступления выражает собой совокупность достаточных (!) элементов или признаков (здесь это неважно), свидетельствующих о криминальном уровне общественной опасности деяния, которое этими признаками (элементами) обладает. Общественная опасность деяния и состав преступления неразрывно связаны; деяние, содержащее состав (или, иначе, отвечающее

²⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2016 № 4-О «По жалобе гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 02.07.2013 № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 3.

²⁶ Михайлов В. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2007. № 1. С. 44.

признакам состава), является достаточно опасным, чтобы признать его основанием уголовной ответственности. Другое дело — распределение полномочий между законодателем и правоприменителем в установлении основания ответственности. Концепция реального состава отдает пальму первенства правоприменителю; он должен, установив наличие некоторых элементов, оценить деяние как опасное и признать за ним статус основания ответственности. Нормативистская концепция лишает правоприменителя полномочий по оценке; такая оценка до и вместо него выполняется законодателем, что сводит роль правоприменителя к установлению формального соответствия между деянием и составом.

Не будет большой натяжкой и ошибкой говорить на максимально высоком уровне о том, что концепция реального состава в большей степени тяготеет к началам социологической школы уголовного права и мало связана с формальным разделением властей; тогда как нормативистская концепция лучше сочетается с постулатами классической уголовно-правовой школы и жестким разграничением полномочий законодательной и судебной власти.

Между тем ни та, ни другая концепции не находят последовательного воплощения в современной правоприменительной практике. Сегодня складывается ситуация, когда общественная опасность деяния и состав преступления оказались не соотнесенными друг с другом. Состав преступления, по сути, замкнулся на таком признаке преступления, как противоправность²⁷. Однако установления противоправности деяния оказывается недостаточно для констатации общественной опасности деяния, а следовательно, и основания уголовной ответственности. Состав сегодня — минимально необходимый, но совершенно недостаточный для возложения уголовной ответственности набор признаков или элементов деяния. С одной стороны, следуя принципу законности, его функция стала «отсекательной»: то, что не

соответствует признакам состава преступления, не попадает в поле уголовно-правового регулирования. С другой стороны, вероятно в силу справедливости, формальное соответствие составу без признаков общественной опасности не позволяет рассматривать деяние в качестве основания уголовной ответственности.

Такое положение вещей сугубо из логических соображений может оказаться вполне приемлемым. Однако реализуемая на практике новая доктрина ставит принципиальный вопрос: где и какие расположенные за рамками состава преступления признаки деяния необходимо искать и учитывать для оценки деяния как общественно опасного? Где искать эту опасность, если опасности, отраженной в составе преступления, не всегда достаточно или всегда недостаточно?

Полагаем, что как минимум четыре подхода здесь можно предложить:

— первый: возобновить дискуссию о том, что общественная опасность деяния выступает отдельным, самостоятельным признаком состава преступления. Информационный повод к актуализации этого вопроса дает одно из недавних решений Президиума Верховного Суда РФ. В нем отмечается: «Совершенное деяние, посягающее на охраняемые законом права собственности, характеризующееся умышленной формой вины и корыстной целью, содержит все признаки состава преступления, включая его общественную опасность и противоправность»²⁸. Эта фраза востребована и в решениях кассационных судов²⁹. Сразу отметим, что едва ли такой подход будет правильным. Признак общественной опасности как признак преступления надо будет наполнять каким-то содержанием, которое с неизбежностью будет либо дублировать, либо конкретизировать известные объективные и субъективные признаки преступления, уже зафиксированные в диспозиции статьи Особенной части УК РФ³⁰;

— второй: криминальную опасность деяния сто́ит устанавливать, не ориентируясь фор-

²⁷ См.: *Иванчин А. В.* Конструирование состава преступления: теория и практика / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Проспект, 2014.

²⁸ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г. (постановление Президиума Верховного Суда от 12.04.2023 № 5-П23) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 7.

²⁹ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.07.2024 по делу № 77-2455/2024 (УИД 21RS0024-01-2023-003577-02).

³⁰ О неприемлемости признания опасности отдельным признаком состава писал еще А. Н. Трайнин (*Траинин А. Н.* Указ. соч. С. 60).

мально на признаки состава, а исследуя степень выраженности этих признаков в каждом конкретном деянии;

— третий: криминальную опасность деяния необходимо устанавливать, принимая во внимание не только признаки, включенные законодателем в состав, но и иные, в том числе относимые к обстоятельствам, отягчающим и смягчающим уголовное наказание, при условии что эти признаки характеризуют исключительно само совершенное деяние;

— четвертый: в оценке криминальной опасности деяния нужно учитывать не только признаки самого деяния (включенные либо не включенные в состав), но и обстоятельства, характеризующие личность виновного, контекст совершения деяния, поведение лица до и после совершения деяния.

При любом из предложенных подходов предполагается известная степень активности правоприменителя в установлении основания уголовной ответственности, причем активности, состоящей в оценке конкретного деяния. Как бы ни был решен вопрос с выбором тех обстоятельств, которые правоприменитель должен учитывать при оценке опасности деяния (к слову сказать, исповедуя контекстуальность общественной опасности, необходимо допустить учет самого широкого круга факторов, предписываемый четвертым из изложенных подходов³¹), появляются две проблемы принципиального свойства.

Первая: на ком лежит бремя доказывания наличия общественной опасности у деяния, формально соответствующего признакам состава преступления, и из какой презумпции исходить в данной ситуации?

Если предположить презумпцию неопасности деяния, содержащего все признаки состава преступления, то это полностью подорвет конституционные и принципиальные основы уголовного права и будет противоречить презумпции легитимной и добропорядочной деятельности парламента. Такая презумпция недопустима и не подлежит обсуждению. Рассуждая над проблемой, А. В. Иванчин пишет, что опасность деяния, соответствующего составу преступления, презюмируется, но презумпция эта

опровержима; общественную опасность нужно специально устанавливать лишь в ситуации, когда возникает вопрос: а имеется ли она или же нет³². Однако если исходить из презумпции опасности деяния, содержащего признаки состава, надо предположить, что в пограничных ситуациях следует доказывать отсутствие опасности. На ком лежит бремя доказывания? Едва ли субъектом доказывания неопасности станут представители стороны обвинения в уголовном процессе. Конституционность же возложения бремени доказывания отсутствия опасности на самого обвиняемого также весьма сомнительна, поскольку содержательно она сопоставима с доказыванием собственной невиновности.

Вторая принципиальная проблема — безграничное расширение пределов судейского усмотрения в решении вопроса об установлении основания уголовной ответственности, что чревато нарушением принципов законности и равенства граждан. В уголовно-политическом и широком — конституционном контексте это будет к тому же сопряжено с таким прочтением принципа разделения властей, которое едва ли соответствует стандартам конституционного государства.

Можно заключить, что попытка сведения функции состава преступления исключительно к выражению признака уголовной противоправности и возложения на правоприменителя функции оценки общественной опасности деяния в целях установления основания уголовной ответственности не является обоснованным решением. Оно противоречит обеим концепциям состава преступления и конституционным началам уголовно-правового регулирования.

Перспективы

Итак, необходимо упорядочить и унифицировать представления о составе преступления и основании уголовной ответственности в уголовно-правовой теории, уголовном законодательстве и практике его применения.

Есть одно допустимое решение этой проблемы. И здесь исходным пунктом является возвращение составу преступления его истин-

³¹ См., например: Рыбак А. З. Преступность общественно опасных деяний с учетом поведения лица до, во время и после их совершения: правоприменительный аспект // Юрист-Правоведъ. 2012. № 6. С. 42–45.

³² Иванчин А. В. Еще раз о принципиальной значимости правильного толкования нормы о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) в следственно-судебной практике // Российский следователь. 2022. № 5. С. 64–66.

ного предназначения: служить средством выражения, закрепления общественной опасности преступления, причем опасности минимально достаточной для установления основания уголовной ответственности. Стоит также помнить, что «криминализация тех или иных правонарушений, неразрывно связанная с конструированием состава преступления, системообразующими элементами которого являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, не предполагает обязательного наличия признаков преступной общественной опасности у каждого из них, — такие признаки могут отражать не все, а лишь отдельные элементы состава преступления»³³.

Отталкиваясь от такого понимания состава, необходимо провести работу по законодательной корректировке признаков составов преступлений таким образом, чтобы судебная практика не «додумывала» эти признаки, пытаясь легитимировать применение мер уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим действительно общественно опасные деяния. Признаки состава преступления могут и в ряде случаев должны быть детализированы, конкретизированы, дополнены непосредственно законодателем.

Устранение правоприменителя от работы по оценке опасности деяния на этапе установления состава преступления позволит четко разграничить функции парламента и суда в определении факта наличия основания уголовной ответственности.

Это вовсе не означает, что суд полностью лишается оценочных функций. Оценка общественной опасности деяния на правоприменительном уровне смещается на иной организационный этап, а именно на этап решения вопроса о том, необходимо ли реализовать уголовную ответственность в отношении лица, чьи действия содержат состав преступления, и, в случае положительного ответа на этот вопрос, в каком объеме и в какой форме эта ответственность должна быть реализована. Такое смещение не будет означать повторной оценки одного и того же предмета. Как отмечалось, состав

преступления содержит минимально необходимое и достаточное для установления основания ответственности, но далеко не полное описание признаков преступления. За рамками состава имеется широкий круг обстоятельств, которые могут влиять на параметры оценки общественной опасности преступления.

Ответственности за совершение деяний, запрещенных уголовным законом, подлежит конкретное лицо. Поэтому оценка опасности преступления на уровне принятия решения о реализации уголовной ответственности — вполне самостоятельный элемент судебной практики рассмотрения уголовных дел. Оценка должна проводиться с учетом того, что категория общественной опасности контекстуальна и в силу своей контекстуальности изменчива. Только оценив все обстоятельства события преступления, включая личность виновного, личность потерпевшего, причины и условия совершения преступления, обстановку его совершения, постпреступное поведение виновного и т.д., суд может вынести справедливое решение относительно ответственности.

Но еще раз подчеркнем: это решение не о наличии основания ответственности, а о возможности освобождения от ответственности при наличии основания, о мерах и формах воздействия на лицо, совершившее преступление. В связи с этим, кстати, имеются основания для пересмотра правовой природы малозначительного деяния и перевода его в разряд оснований освобождения (возможно, императивного) от уголовной ответственности.

Развитие идей процессуальной экономии при таком понимании соотношения опасности деяния и состава преступления не препятствует обсуждению вопроса о внедрении в уголовно-процессуальное законодательство и практику его применения принципа целесообразности уголовного преследования³⁴. Прокуратура, как писал еще Н. В. Муравьев, имеет полное и законное право в государственном или общественном интересе оставлять без судебного преследования известные формально преступные факты, поскольку «принцип целесообраз-

³³ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П.

³⁴ См. об этом, например: Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации: современные тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003 ; Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010 ; Ларина А. В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

ности предполагает наличие у обвинительной власти права усмотрения при осуществлении уголовного преследования. Будучи стороной в деле, обвинительная власть имеет право ставить вопрос не только о законности, но и целесообразности уголовного преследования; свободно распоряжается преследованием»³⁵.

Заключение

Общественная опасность необходима как критерий оценки деяний, заслуживающих уголовно-правовой репрессии. Без нее создать нормальный, работающий уголовный закон невозможно.

Проблематика общественной опасности должна анализироваться за пределами догматики уголовного права в контексте уголовной социологии, уголовной политологии и криминологии.

Конструирование состава преступления должно быть таким, чтобы зафиксированные в законе его признаки адекватно отражали опасность деяния, с которым стоит бороться сред-

ствами уголовного закона. С этой точки зрения нуждается в пересмотре едва ли не весь Уголовный кодекс РФ.

Применение уголовного закона не может осуществляться в постоянном сомнении относительно опасности криминализированных деяний. Если в деянии есть состав преступления (в рамках концепции реального состава) или если деяние отвечает всем установленным в законе признакам состава преступления (в рамках нормативистской концепции), то такое деяние должно признаваться общественно опасным и тем самым выполнять функцию основания уголовной ответственности.

Наличие основания уголовной ответственности не предрешает вопроса о том, необходимо ли и если да, то в каком объеме реализовывать предусмотренные законом ограничения, связанные с возложением бремени ответственности. Поэтому проблемы адекватного реагирования на опасные и уголовно-противоправные деяния могут быть решены либо через развитие института освобождения от уголовной ответственности, либо через внедрение принципа целесообразности уголовного преследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 62 с.

Глинский Я. И. Криминология и девиантология постмодерна. СПб. : Алетей, 2024. 242 с.

Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации: современные тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 54 с.

Жилкин М. Г., Качалов В. В., Раненкова Е. А. Судебная практика квалификации кражи в незначительном размере как малозначительного деяния // Уголовное право. 2022. № 12. С. 10–20.

Иванчин А. В. Еще раз о принципиальной значимости правильного толкования нормы о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) в следственно-судебной практике // Российский следователь. 2022. № 5. С. 64–66.

Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М. : Проспект, 2014. 352 с.

Ковалев М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1987. 203 с.

Козлов А. П. Авторский курс уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. М. : Юрлитинформ, 2018. 752 с.

Козлов А. П. Понятие преступления. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. 819 с.

Крылова Н. Е. Дискуссионные вопросы учения о составе преступления // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2012. № 4. С. 26–43.

Крылова Н. Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2017. № 6. С. 15–28.

Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М. : Госюриздат, 1960. 244 с.

Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М. : Городец, 2007. 336 с.

³⁵ Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурорской службы. Т. 1. М. : Унив. тип., 1889. С. 18–20.

Ларина А. В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 34 с.

Лопашенко Н. А. Общественная опасность деяния: верификация невозможна? // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8. С. 127–138.

Марцев А. И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 148–155.

Мирошниченко Д. В. Теоретико-методологическое обоснование общественной опасности деяния в уголовном праве // Lex russica. 2024. Т. 77. № 10. С. 59–76.

Михайлов В. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2007. № 1. С. 40–44.

Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурорской службы. Т. 1. М. : Унив. тип., 1889. 552 с.

Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Проблемы производства и оборота криминологической информации // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 137–150.

Рыбак А. З. Преступность общественно опасных деяний с учетом поведения лица до, во время и после их совершения: правоприменительный аспект // Юрист-Правоведъ. 2012. № 6. С. 42–45.

Смирнов А. М. О дефиниции понятия «преступление» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 3. С. 417–423.

Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1946. 185 с.

Husak D. Overcriminalization. The Limits of the Criminal Law. New York : Oxford University Press, 2008. 248 p.

REFERENCES

Apostolova NN. Expediency (discretion) in Russian criminal proceedings. The author's abstract of Dr. Diss. (Law). Moscow; 2010. (In Russ.).

Glinsky YaI. Criminology and deviantology of the post-modernity. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2024. (In Russ.).

Golovko LV. Alternatives to criminal prosecution as a form of procedural differentiation: Current development trends. The author's abstract of Dr. Diss. (Law). Moscow; 2003. (In Russ.).

Husak D. Overcriminalization. The Limits of the Criminal Law. New York: Oxford University Press; 2008.

Ivanchin AV. Again, on the fundamental importance of the correct interpretation of the norm of insignificance (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation) in investigative and judicial practice. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2022;5:64-66. (In Russ.).

Ivanchin AV. Constructing the corpus delicti: Theory and practice. Kruglikov LL, editor. Moscow: Prospekt Publ.; 2014. (In Russ.).

Kovalev MI. The concept of crime in Soviet criminal law. Sverdlovsk: Ural University Publishing House; 1987. (In Russ.).

Kozlov AP. The author's course on criminal law. General Part. Book 1. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2018. (In Russ.).

Kozlov AP. The concept of crime. St. Petersburg: Yuridichesskiy Tsentr-Press Publ.; 2004. (In Russ.).

Krylova NE. Discussion questions of the doctrine of the component elements of a crime. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11, Pravo [The Moscow University Herald. Series 11, Law]*. 2012;4:26-43. (In Russ.).

Krylova NE. Material, formal and truncated crimes: Ongoing Discussion. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11, Pravo [The Moscow University Herald. Series 11, Law]*. 2017;6:15-28. (In Russ.).

Kudryavtsev VN. The objective side of the crime. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1960. (In Russ.).

Kuznetsova NF. The Problem of Crime Classification: Lectures for the Option Course 'The Basics of Crimes Classification'. Moscow: Gorodets Publ.; 2007. (In Russ.).

Larina AV. Discretionary powers of the prosecutor in pre-trial proceedings in Russia and other CIS countries (comparative legal study). The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2012. (In Russ.).

Lopashenko NA. Public danger of the act: Is verification impossible? *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(8):127-138. (In Russ.).

Martsev AI. Public harmfulness and public danger of crime. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 2001;4(237):148-155. (In Russ.).

Mikhailov V. Enforcement of the law as a circumstance excluding criminality of an act. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2007;1:40-44. (In Russ.).

Miroshnichenko DV. Theoretical and methodological justification of the public danger of an act in criminal law. *Lex russica*. 2024;77(10):59-76. (In Russ.).

Muravev NV. Prosecutor's supervision in its structure and activities: The Prosecutor's Office in the West and in Russia. A manual for the prosecutor's office. Vol. 1. Moscow: Univ. tip. Publ.; 1889. (In Russ.).

Pudovochkin YuE, Babaev MM. Problems of production and turnover of criminological information. *Rossiyskiy deviantologicheskii zhurnal*. 2021;1:137-150. (In Russ.).

Rybak AZ. Criminality of socially dangerous acts, taking into account the behavior of a person before, during and after their commission: A law enforcement aspect. *Yurist-Pravoved*. 2012;6:42-45. (In Russ.).

Smirnov AM. On the definition of the concept of «crime» in the Criminal Code of the Russian Federation. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2018;12(3):417-423. (In Russ.).

Traynin AN. The doctrine of the body of the crime. Moscow: Yurid. izdat. Minyusta SSSR Publ.; 1946. (In Russ.).

Zhilkin MG, Kachalov VV, Ranenkova EA. Judicial practice of classifying a petty theft as an insignificant act. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2022;12:10-20. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
11081975@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yury E. Pudovochkin, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Moscow, Russian Federation
11081975@list.ru

Материал поступил в редакцию 8 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2025 г.

Received 08.09.2024.

Revised 14.04.2025.

Accepted 15.04.2025.

Правовые аспекты формирования общего биржевого пространства ЕАЭС в свете наилучших практик интеграционных объединений

Резюме. Формирование общего биржевого пространства ЕАЭС является неотъемлемой составляющей развития общего финансового рынка и осуществляется на основе Плана мероприятий, утвержденного Коллегией ЕЭК в 2020 г., и Концепции создания общего финансового рынка, принятой Высшим Евразийским экономическим советом в 2019 г. Разработаны и согласованы почти со всеми государствами — членами ЕАЭС проекты двух международных договоров, которые послужат фундаментом общего биржевого пространства. Суть этих соглашений заключается в предоставлении национального режима внутри ЕАЭС профессиональным участникам и ценным бумагам, зарегистрированным в других государствах-членах. Посредством обзора практики ряда европейских, африканских и латиноамериканских интеграционных объединений авторы выделили важнейшие элементы правового регулирования общего биржевого пространства, которые могут быть использованы в ЕАЭС. Гармонизация законодательства государств — членов интеграционных объединений эффективна в тех случаях, когда в ее основание положены правовые акты органов интеграции прямого действия или правовые акты, обязывающие государства-члены изменить национальное законодательство. Данная гармонизация может базироваться также на модельных или типовых законах либо рекомендациях финансовых органов интеграционных объединений. Административное сотрудничество национальных регуляторов рынка ценных бумаг воплощается в учреждении постоянно действующего органа, объединяющего таких регуляторов и обеспечивающего контакты не только на уровне руководителей национальных ведомств, но и на более низком уровне. С учетом санкционных рисков и геополитической турбулентности наднациональный орган в настоящее время может быть создан с акцентом на «мягкое» правотворчество.

Ключевые слова: интеграционное объединение; общий финансовый рынок; общее биржевое пространство; гармонизация; взаимное признание; наднациональный орган; гармонизация; право ЕАЭС

Для цитирования: Лифшиц И. М., Смбалян А. С. Правовые аспекты формирования общего биржевого пространства ЕАЭС в свете наилучших практик интеграционных объединений. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 5. С. 113–129. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.113-129

Благодарности. Статья подготовлена в рамках НИР по заказу Минэкономразвития России на тему «Оценка результатов I этапа Концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС до 2025 г., разработка предложений по совершенствованию второго этапа с учетом интересов России и новых условий функционирования ЕАЭС», шифр темы: П125-10-24.

Legal Aspects of the Formation of the Common EAEU Exchange Space in the Light of Best Practices of Integration Associations

Ilya M. Lifshits

Anait S. Smbatyan

Russian Foreign Trade Academy
Moscow, Russian Federation

Abstract. The formation of the EAEU common exchange space (CES) is an integral component of the common financial market and is carried out on the basis of the Action Plan approved by the EEC Board in 2020, as well as on the basis of the Concept of Creating a Common Financial Market adopted by the Supreme Eurasian Economic Council in 2019. Drafts of two international treaties, which will form the basis of the CES, have been developed and agreed with almost all the EAEU member States. The essence of these agreements is to provide national treatment within the EAEU to professional participants and securities registered in other member states. Based on a review of the practice of a number of European, African and Latin American integration associations, the authors have identified the main elements of the legal regulation of the CES that can be used in the EAEU. The harmonization of the legislation of the member States of integration associations is effective in cases where it is carried out on the basis of legal acts of integration bodies having direct application or on the basis of legal acts obliging the member States to amend national legislation. Such harmonization can also be carried out on the basis of model laws or recommendations of financial authorities of integration associations. The administrative cooperation of national securities market regulators is carried out via the creation of a permanent body that unites such regulators and ensures contacts not only at the level of heads of national departments, but also at a lower level. Taking into account the sanctions risks and geopolitical turbulence, a supranational body can currently be created with an emphasis on «soft» law-making.

Keywords: integration association; common financial market; common exchange space; harmonization; mutual recognition; supranational body; harmonization; EAEU law

Cite as: Lifshits IM, Smbatyan AC. Legal Aspects of the Formation of the Common EAEU Exchange Space in the Light of Best Practices of Integration Associations. *Lex Russica*. 2025;78(5):113-129. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.113-129

Acknowledgements. The paper was prepared as part of a research project commissioned by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation on the topic «Assessment of the results of the first stage of the Concept of forming the common financial market of the EAEU until 2025, development of proposals for improving the second stage, taking into account the interests of Russia and the new conditions of functioning of the EAEU», topic code: P125-10-24.

Введение

Мировая практика формирования общего биржевого пространства (ОБП) в интеграционных объединениях подтверждает необходимость установления единого правового режима осуществления профессиональной деятельности по организации торгов, клиринговой и депозитарной деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, а также

необходимость определения правил доступа эмиссионных ценных бумаг к торгам внутри объединения. В ЕАЭС вопросы построения ОБП затронуты в Концепции создания общего финансового рынка Союза¹ и Платежном плане мероприятий («дорожной карте») по формированию общего биржевого пространства в рамках ЕАЭС². На текущий момент подготовлены проекты двух соглашений: о допуске брокеров и дилеров одного государства — члена ЕАЭС к участию в

¹ Утверждена решением Высшего Евразийского экономического совета от 01.10.2019 № 20 // URL: <https://ees.eaeunion.org/commission/department/dofp/conception.php> (дата обращения: 12.09.2024).

² Утвержден распоряжением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 03.11.2020 № 159 // URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01427627/err_06112020_159 (дата обращения: 31.08.2024).

организованных торгах бирж (организаторов торговли) других государств-членов³ и о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах — членах ЕАЭС⁴. Ни одно из них пока не подписано, однако эти соглашения в совокупности с программным документом, Концепцией⁵, дают представление о направлениях правовой мысли государств — членов ЕАЭС.

Так, первое соглашение предусматривает предоставление национального режима государством регистрации биржи для допуска брокеров и дилеров другого государства-члена (п. 4 ст. 2 проекта), при этом такой допуск предоставляется на основе лицензии, выданной в государстве происхождения брокера/дилера (п. 5 ст. 2), то есть фактически соглашение устанавливает взаимное признание лицензий. Интересно при этом, что иностранный брокер/дилер не обязан соблюдать лицензионные требования к профессиональной деятельности и следовать пруденциальным нормативам, установленным в стране регистрации биржи (п. 8 ст. 2). Уполномоченный орган страны регистрации биржи вправе проводить проверки иностранного брокера/дилера и применять меры воздействия (п. 1, 3 ст. 6).

Второе соглашение возлагает на государство, в котором находится биржа, обязательство предоставить национальный режим для допуска ценных бумаг, зарегистрированных в другом государстве-члене (п. 2 ст. 2 проекта), кроме того, устанавливается обязанность эмитента раскрывать информацию по правилам государства своего нахождения и государства регистрации биржи (п. 1 ст. 7), а уполномоченному органу последнего государства предоставлено право проверять процесс размещения и/или обращения допущенных к торговле ценных бумаг и привлекать эмитента и его должностных лиц к ответственности за правонарушения на финансовом рынке (п. 1, 4 ст. 8).

Дорожная карта формирования ОБП, помимо подписания двух названных соглашений, предусматривает построение системы раскрытия корпоративной и финансовой информации, гармонизацию законодательства государств-членов в части требований к корпоративному

управлению, разработку международного договора в рамках Союза о правовой помощи и взаимодействии по уголовным и административным делам в финансовой сфере, оценку целесообразности разработки международного договора о принципе окончательности расчетов и изучение вопроса создания института центрального контрагента.

В первой части статьи проанализирована практика отдельных интеграционных объединений на предмет выявления общих закономерностей и тенденций. Во второй дана оценка состояния законодательства государств — членов ЕАЭС в области биржевой торговли ценными бумагами. В завершение представлены рекомендации для ЕАЭС в свете наилучших мировых практик создания ОБП.

Анализ международной практики формирования общего биржевого пространства

Европейский Союз

В течение последних десятилетий в ЕС были предприняты значительные усилия по построению общего (единого) рынка капиталов, частью которого является ОБП. Принятая в 1979 г. первая директива (79/279/ЕЕС), относящаяся непосредственно к обращению ценных бумаг, была посвящена допуску ценных бумаг к листингу на биржах. За ней последовали Директива о формулярах листинга 1980 г. (80/390/ЕЕС), Директива о промежуточных отчетах 1982 г. (82/121/ЕЕС) и Директива об информации, подлежащей опубликованию в случае приобретения или отчуждения крупного пакета акций, 1988 г. (88/627/ЕЕС). Вторая директива (89/298/ЕЕС) еще более определенно высказалась в отношении допуска ценных бумаг к официальному листингу на фондовых биржах, установив, что такой допуск ставится в зависимость от публикации информационного листа (information sheet), называемого «формуляр листинга» (listing particular), предварительно одобренного компетентным органом.

В конце 80-х — начале 90-х гг. был принят ряд директив, посвященных рынку ценных бумаг, в частности Директива о проспектах 1989 г.

³ Утвержден распоряжением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25.04.2023 № 56 // URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01441138/err_28042023_56 (дата обращения: 31.08.2024).

Распоряжением Коллегии ЕЭК от 23.07.2024 № 110 одобрен проект распоряжения Совета Коллегии ЕАЭС о проекте данного соглашения, в котором государствам — членам ЕАЭС предложено в течение 90 дней проинформировать Комиссию о ходе выполнения внутригосударственных процедур, необходимых для

(89/298/ЕЕС), Директива об инсайдерских операциях 1989 г. (89/592/ЕЕС) и Директива об инвестиционных услугах 1993 г. (93/22/ЕЕС). Директивой о проспектах введен единый проспект общего рынка для первоначальных публичных предложений ценных бумаг, по которым как предполагается, так и не предполагается получать допуск к официальному листингу. Директива об инвестиционных услугах установила так называемый единый паспорт для инвестиционных фирм и банков для работы на фондовом рынке всех государств-членов, закрепив принцип взаимного признания (*mutual recognition*). Последний заключается в признании принимающим государством (*host state*) разрешения на осуществление деятельности, выданного инвестиционной фирме государством ее происхождения (*home state*). Провозглашен также принцип надзора в государстве происхождения (*home member state supervision*). Эта Директива была своего рода кодексом фондовых операций ЕС, отменена только с введением в действие новой комплексной Директивы 2004 г. о рынках финансовых инструментов (*MiFID 2004/39/ЕС*). С принятием Директивы об инвестиционных услугах впервые правом ЕС стало регулироваться приобретение статуса регулируемого рынка.

Несмотря на значительные усилия ЕС, принятые для гармонизации фондового регулирования в целях создания единого рынка финансовых услуг, Европейская комиссия в конце 1990-х гг. оценила такое регулирование как эпизодическое и недостаточно развитое. Необходимо было заменить фрагментарный подход, применявшийся около 30 лет, комплексной регулятивной системой. Комитетом министров экономики и финансов (ЭКОФИН) в 2000 г. был учрежден независимый форум, известный как Комитет мудрецов, под председательством барона А. Ламфалусси. Работа Комитета оказалась настолько успешной, что весь процесс реформирования европейского фондового регулирования получил название процесса Ламфалусси. Образование единого финансового рынка к 2004 г. было связано с реализацией плана Ламфалусси⁶, результатами введения евро и осуществления Плана действий в сфере финансовых услуг, включавшего несколько десятков правовых и организационных мероприятий⁷. Предусматривалось обновление и расширение гармонизирующих национальное финансовое законодательство директив, создание трех комитетов с целью сближения надзорных практик государств-членов и принятия рекомендаций, призванных привести к

подписания Соглашения (URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01445382/err_26072024_110 (дата обращения: 31.08.2024)). Вместе с тем из другого акта следует, что внутригосударственное согласование проекта завершено во всех государствах-членах (Отчет о ходе исполнения плана мероприятий по гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС в сфере финансового рынка за 2023 год, приложение к Распоряжению Коллегии Комиссии от 25.06.2024 № 91. С. 23 // URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/430/8200/> (дата обращения: 31.08.2024)).

⁴ Утвержден распоряжением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20.09.2022 № 164 // URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01436218/err_22092022_164 (дата обращения: 31.08.2024).

По информации Комиссии, внутригосударственное согласование проекта завершено во всех государствах-членах, кроме Республики Казахстан. См.: Отчет о ходе исполнения плана мероприятий по гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС в сфере финансового рынка за 2023 год, приложение к Распоряжению Коллегии Комиссии от 25.06.2024 № 91. С. 24.

Проект одобрен Российской Федерацией распоряжением Правительства РФ от 18.05.2023 № 1290-р // URL: <http://government.ru/docs/all/147636/>.

⁵ Некоторые исследователи относят Концепцию к доктринально-правовым или к мягко-правовым актам. См.: Малько А. В., Гайворонская Я. В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 7 ; Яковлева М. А. Финансово-правовое значение Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза // Вестник Московского университета. Серия 26, Государственный аудит. 2020. № 4. С. 86.

⁶ Final Report of the Committee of Wise Men on the Regulation of European Securities Markets. Brussels, 15 February 2001 // URL: https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/library/2015/11/lamfalussy_report.pdf (дата обращения: 31.08.2024).

⁷ Financial Services: implementing the framework for the financial markets : Action Plan. Communication of the Commission COM (1999) 232, 11.05.1999.

единому стандарту поведение участников финансового рынка.

Под влиянием глобального финансового кризиса в 2010 г. проведена реформа финансового надзора ЕС, заключающаяся в учреждении трех надзорных органов: Европейского банковского органа — ЕБО (Регламент 1093/2010), Европейского органа по страхованию и профессиональным пенсиям — EIOPA (Регламент 1094/2010) и Европейского органа по ценным бумагам и рынкам — ESMA (Регламент 1095/2010), а также общего для трех секторов Европейского совета по системным рискам — ESRB (Регламент 1096/2010). Надзорные органы, начавшие работу в 2011 г., совместно с национальными финансовыми регуляторами образуют Европейскую систему финансовых регуляторов — European System of Financial Supervisors, ESFS.

Полномочия этих органов были серьезно расширены по сравнению с полномочиями их правопреемников, учрежденных в 2001–2004 гг. в качестве комитетов. Если в банковской сфере надзор за крупными (значимыми) банками в 2014 г. был передан на уровень Европейского центрального банка⁸, то в фондовой сфере полномочия по надзору за осуществлением соответствующих видов деятельности практически полностью остались за компетентными органами государств — членов ЕС. Исключение составляют кредитно-рейтинговые агентства, торговые репозитории и репозитории сделок по секьюритизации, находящиеся под надзором ESMA.

Европейский орган по ценным бумагам и рынкам координирует деятельность нацио-

нальных регуляторов, разрабатывает проекты нормативных правовых актов в своей области, рассматривает споры между национальными регуляторами, а в чрезвычайных случаях имеет право давать им и профессиональным участникам рынка обязательные предписания. Для обеспечения консультаций с заинтересованными лицами в сфере компетенции органа создана Группа заинтересованных лиц по ценным бумагам и рынкам (Securities and Markets Stakeholder Group), состоящая из 30 членов, 13 из которых представляют участников финансового рынка, оперирующих на рынке ЕС; 13 — их работников, а равно потребителей, пользователей финансовых услуг и субъектов малого и среднего бизнеса; четверо являются независимыми учеными с высшим рейтингом (top-ranking academics). По аналогии с Банковским союзом проводятся мероприятия, направленные на создание Союза рынков капитала (Capital Markets Union)⁹, который станет основой для еще большей централизации функций регулирования фондового рынка. Ведущий европейский исследователь Ниамх Молони (Niamh Moloney) назвал дату начала работы ESMA эпохальным днем для регулирования финансовых рынков ЕС¹⁰.

В настоящее время на уровне ЕС установлены обязательные правила¹¹, составляющие нормативную основу ОБП в таких сферах, как: 1) порядок осуществления деятельности профессиональных участников рынка капиталов: инвестиционных фирм, включая брокеров и дилеров, а также регулируемых рынков, в том числе фондовых бирж¹²; 2) порядок организации расчетной инфраструктуры на рынке цен-

⁸ Council Regulation (EU) No. 1024/2013 of 15 October 2013 conferring specific tasks on the European Central Bank concerning policies relating to the prudential supervision of credit institutions // OJ L 287. 29.10.2013. P. 63–89.

⁹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, A Capital Markets Union for People and Businesses-New Action Plan COM/2020/590 final.

Критику Союза рынков капитала как эффективной архитектуры для регулирования рынка см.: *Bavoso V. Market-Based Finance, Debt and Systemic Risk: A Critique of the EU Capital Markets Union* // Accounting, Economics, and Law : A Convivium. 2018. P. 1–26.

¹⁰ *Moloney N. The European Securities and Markets Authority and Institutional Design for the EU Financial Market — A Tale of Two Competences. Part 1: Rule-Making* // European Business Organization Law Review. 2015. No. 12. P. 43.

¹¹ Обзор правовых актов ЕС в финансовой сфере см.: Overview of financial services legislation // URL: https://finance.ec.europa.eu/regulation-and-supervision/financial-services-legislation/overview-financial-services-legislation_en (дата обращения: 31.08.2024).

¹² Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU (recast). Text with EEA relevance // OJ L 173. 12.06.2014. P. 349–496.

ных бумаг¹³; 3) порядок допуска к торговле эмиссионных ценных бумаг, а также раскрытия информации об эмитенте (финансовые и натуральные показатели деятельности, рыночные условия, информация о руководстве компании и т.д.)¹⁴; 4) порядок осуществления торговли на рынке капитала¹⁵.

Регулирование сферы финансовых услуг в ЕС, в том числе ОБП, основано на следующих принципах:

1) разрешительный (лицензионный) порядок осуществления деятельности регулируемого рынка (фондовой биржи) и инвестиционной фирмы, в том числе управляющей многосторонней торговой площадкой (multilateral trading facility — MTF) и организованной торговой площадкой (organized trading facility — OTF);

2) установление на уровне ЕС основных требований к соискателю лицензии, в частности требований к капиталу, организационной структуре, системе внутреннего контроля, к правилам оказания услуг и торговли (для MTF и OTF), правилам защиты инвесторов, прозрачности рынка и правилам добросовестной практики совершения операций;

3) взаимное признание лицензий на осуществление инвестиционной деятельности в сфере ценных бумаг, выражающееся во введении так называемых общеевропейских паспортов, а также допуск ценных бумаг, зарегистрированных в одном государстве, к размещению на биржах всего ЕС; возможность удаленного доступа к регулируемым рынкам (биржам) без необходимости физического присутствия в государстве пребывания такой биржи (ст. 36 Директивы MIFID);

4) предоставление доступа к расчетной инфраструктуре (центральному контрагенту, кли-

ринговым и расчетным системам) для инвестиционных компаний других государств-членов (ст. 37 Директивы MiFID);

5) право инвестиционной фирмы открывать филиалы и запрет для государств-членов устанавливать для таких филиалов дополнительные требования по сравнению с установленными базовой Директивой MiFID;

6) надзор страны происхождения инвестиционной фирмы и регулируемого рынка;

7) сотрудничество надзорных органов;

8) введение единых стандартов осуществления профессиональной деятельности на территории ЕС;

9) разделение торговых, пост-торговых (клиринг, поставка против платежа) и депозитарных операций (хранение ценных бумаг, функция налогового агента);

10) защита общих ценностей (public values): добросовестности финансовых практик на рынке и стабильности финансовой системы, прозрачности рынка и финансовых продуктов; защита инвесторов;

11) обеспечение равных условий конкуренции и предотвращение регулятивного арбитража (недобросовестной конкуренции право порядков разных государств-членов)¹⁶.

Среди авторитетных европейских объединений участников рынка следует назвать Федерацию европейских фондовых бирж (The Federation of European Securities Exchanges — FESE)¹⁷, которая объединяет 35 бирж из 30 стран. На конец 2021 г. почти 10 тыс. публичных компаний с общей капитализацией 11 426 747,24 млн евро¹⁸ имели листинг на биржах — членах Федерации. Это объединение выполняет как информационную функцию, так и регулятивную.

¹³ Regulation (EU) No. 648/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on OTC derivatives, central counterparties and trade repositories. Text with EEA relevance // OJ L 201. 27.07.2012.

¹⁴ Regulation (EU) 2017/1129 of the European Parliament and of the Council of 14 June 2017 on the prospectus to be published when securities are offered to the public or admitted to trading on a regulated market, and repealing Directive 2003/71/EC. Text with EEA relevance // OJ L 168. 30.06.2017. P. 12–82.

¹⁵ Regulation (EU) No. 596/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on market abuse (market abuse regulation) and repealing Directive 2003/6/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directives 2003/124/EC, 2003/125/EC and 2004/72/EC. Text with EEA relevance // OJ L 173. 12.06.2014. P. 1–61.

¹⁶ См. более подробно: *Лифшиц И. М.* Правовое регулирование рынка ценных бумаг в Европейском Союзе : монография. М. : Статут, 2012. С. 112–135.

¹⁷ URL: <https://www.fese.eu/> (дата обращения: 31.08.2024).

¹⁸ URL: <https://www.fese.eu/statistics/> (дата обращения: 31.08.2024).

Западноафриканские интеграционные объединения

Западноафриканский экономический и валютный союз (ЗАЭВС) поставил цель создания общего рынка, основанного на четырех «свободах передвижения»: свободном передвижении товаров, лиц, услуг и капиталов. В данном объединении не только устранены внутренние барьеры на перемещение товара, но и осуществляется регулирование как косвенных, так и прямых налогов, в том числе по обложению операций с ценными бумагами¹⁹. Как отмечают исследователи, в этих вопросах право ЗАЭВС опережает многие другие интеграционные правовые порядки, включая право ЕС²⁰. С 1998 г. в Абиджане (Кот-д'Ивуар) действует Региональная фондовая биржа — прообраз единых фондового и финансового рынков²¹. В составе актов вторичного права ЗАЭВС, помимо регламентов, обладающих прямым действием, директив и решений (аналогия с ЕС), имеются циркуляры и инструкции Банковской комиссии и Регионального совета по публичным сбережениям и финансовым рынкам²². Кроме того, принимаются рамочные (единообразные) законы, утверждаемые Советом министров ЗАЭВС и вводимые в действие в идентичной редакции парламентами государств-членов²³.

В учредительном договоре другого интеграционного объединения — Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) поставлена цель улучшить многостороннюю систему клиринга платежных операций между государствами-членами²⁴. Для обеспечения свободного движения капитала предусмотрено создание Комитета по вопро-

сам капитала (Capital Issues Committee), в задачи которого входит развитие национальных и региональных бирж, обеспечение связи между ними, обеспечение широкого использования биржевых котировок²⁵.

В западноафриканском регионе учрежден Совет по интеграции рынков капитала, в состав которого входят руководители фондовых бирж зоны ЗАЭВС, а также Кабо Верде, Ганы и Сьерра-Леоне (WACMIC). Комитет принял трехэтапную программу интеграции: Спонсируемый доступ (этап I), Квалифицированный западноафриканский брокер (этап II) и Полностью интегрированный западноафриканский рынок ценных бумаг (этап III)²⁶. На первом этапе доступ иностранных брокеров осуществляется через локального профессионального участника (спонсора), который проводит заявку иностранного брокера через свою систему внутреннего контроля. На втором этапе будет происходить лицензирование иностранных брокеров, которые получают те же права, что и локальный участник рынка. На третьем этапе планируется создать рынок, который будет отображать операции всех участвующих в нем фондовых бирж. Данная инициатива стала общим проектом для двух интеграционных объединений — ЗАЭВС и ЭКОВАС.

Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР)

В МЕРКОСУР в 1991 г. создана Комиссия по фондовому рынку, участниками которой являются национальные регуляторы фондовых рынков. Основные цели Комиссии — мониторинг процесса регулирования фондовых рынков стран-членов, поиск путей гармонизации стандартов и надзорной практики для дости-

¹⁹ Директива 02/2010/CM/UEMOA о гармонизации налогообложения ценных бумаг в государствах — членах ЗАЭВС.

²⁰ Интеграционное право : учебник / В. В. Блажеев, С. Ю. Кашкин, П. А. Калиниченко [и др.] ; отв. ред. С. Ю. Кашкин. М. : Проспект, 2023. С. 539.

²¹ URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1730729&lang=ru> ; URL: <https://www.umoatitres.org/fr/partenaires/bourse-regionale-valeurs-mobilieres-brvm/> (дата обращения: 31.08.2024).

²² URL: <http://www.bceao.int/> ; URL: <http://www.crepmf.org/> ; URL: <https://www.umoatitres.org/en/le-conseil-regional-de-lepargne-publique-et-des-marches-financiers-crepmf/> (дата обращения: 31.08.2024).

Пример акта: Инструкция No. 80/AMF/UMOA/2023 о требованиях к информационным системам Центрального депозитария / Расчетного банка (DC/BR).

²³ Интеграционное право : учебник. С. 530.

²⁴ ECOWAS Revised Treaty, Art. 51 // URL: <https://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2022/08/Revised-treaty-1.pdf> (дата обращения: 31.08.2024).

²⁵ ECOWAS Revised Treaty, Art. 53.

²⁶ См.: сайт Западноафриканского монетарного института. URL: https://www.wami-ima.org/en/integration-projects/capital-market-integration?language_content_entity=en (дата обращения: 31.08.2024).

жения интеграции посредством трансграничной торговли услугами. Для достижения этих целей определено минимальное регулирование, включающее стандартизацию подготовки, представления и раскрытия бухгалтерской информации и финансовой отчетности, регулирование деятельности участников финансового рынка. В 1993 г. принято Решение Совета общего рынка о минимальном регулировании финансового рынка на основании Рекомендации № 8/93 рабочей подгруппы № 4 «Бюджетно-денежная политика, связанная с торговлей»²⁷. Регулирование предполагалось проводить в рамках сделок с ценными бумагами, выпущенными публичными обществами стран — членов МЕРКОСУР, за исключением государственных долговых ценных бумаг.

В данном Решении урегулированы положения, касающиеся регистрации компаний-эмитентов, эмиссии ценных бумаг, стандартизации информации, прав акционеров, паевых инвестиционных фондов, бирж и посредников, независимых аудиторов и др. Решение Совета общего рынка № 8/93 действует в настоящее время и дополнено Решением Совета общего рынка № 31/10 «Минимальные правила финансового рынка капитала в отношении подготовки и раскрытия финансовой отчетности», принятым в 2010 г.²⁸ Авторизованные государства — участниками МЕРКОСУР компании, размещающие публичную оферту на ценные бумаги в рамках блока, должны представлять свою квартальную и годовую финансовую отчетность в соответствии с требованиями Международных стандартов финансовой отчетности (МСФО). Разработан документ с идеями создания регионального рынка ценных бумаг и ведется работа над рамочными соглашениями для обеспечения равной конкуренции в процессе размещения ценных бумаг на едином интегрированном рынке²⁹.

С целью создания регионального фондового рынка Комиссией по фондовым рынкам

МЕРКОСУР были обозначены положения для гармонизации в области государственных облигаций, публичной оферты частных ценных бумаг, паевых инвестиционных фондов; мер по регулятивному сотрудничеству, взаимодействию физических лиц, арбитражному разрешению споров, взаимному признанию выпусков ценных бумаг при наличии паспорта МЕРКОСУР. Ежегодно обновляемая статистическая информация — один из факторов, содействующих интеграции. Кроме того, на каждом заседании Комиссии по фондовым рынкам МЕРКОСУР рассматриваются законодательные изменения в сфере финансовых рынков каждого государства-члена, что закрепляется в протоколах по результатам заседаний.

Латиноамериканский интегрированный рынок (MILA) — Тихоокеанский альянс

Латиноамериканский интегрированный рынок (Mercado Integrado Latinoamericano — MILA) представляет собой результат соглашения, подписанного между Фондовой биржей Сантьяго, Колумбийской фондовой биржей, Фондовой биржей Лимы и Мексиканской фондовой биржей, а также депозитариями ценных бумаг Deceval, DCV, Cavali и Indeval, которые составляют региональный рынок ценных бумаг четырех стран: Чили, Колумбии, Перу и Мексики. Миссия MILA — интеграция рынков ценных бумаг стран-членов и содействие росту финансового бизнеса при обеспечении лучших условий для инвестиций, диверсификации, ликвидности и финансирования³⁰. Данная инициатива получила поддержку Тихоокеанского альянса после присоединения к ней рынка ценных бумаг Мексики в 2014 г. Тихоокеанский альянс является интеграционной межправительственной организацией, в состав которой входят указанные страны. Тихоокеанский альянс был создан в апреле 2011 г. на основании Рамочного соглашения, которое вступило в силу в июле 2015 г.³¹

²⁷ MERCOSUR/CMC/DEC, No. 8/93, Regulacion Minima Del Mercado De Capitales // URL: https://www.sgt4.mercosur.int/es-es/Documents/Regulacion_Minima_CMVM_DEC_08_1993.pdf (дата обращения: 31.08.2024).

²⁸ Decisión No. 31/10 del CMC: Reglamentación mínima del mercado de capitales sobre la elaboración y divulgación de los estados financieros // URL: <https://normas.mercosur.int/public/normativas/2341> (дата обращения: 31.08.2024).

²⁹ URL: <https://www.sgt4.mercosur.int/es-es/comisiones/mercado-de-valores> (дата обращения: 31.08.2024).

³⁰ URL: <https://www.bolsadesantiago.com/mila> (дата обращения: 31.08.2024).

³¹ Acuerdo marco de la Alianza del Pacifico // URL: <https://alianzapacifico.net/instrumentos-acuerdo-marco-de-la-alianza-del-pacifico/> (дата обращения: 31.08.2024).

В пределах Тихоокеанского альянса в сфере финансовой интеграции действует Совет министров финансов, учрежденный на основании Декларации Паракаса в 2015 г.³² В рабочей повестке Декларации закреплялась необходимость консолидации MILA, для чего предполагалось применение мер по *взаимному признанию эмитентов* при первичном публичном размещении ценных бумаг, расширению инструментов торговли на различных платформах. Следующим шагом в развитии финансовой интеграции фондовых рынков стала инициатива 2017 г. по разработке *Фондового паспорта*, который позволяет авторизованным инвестиционным фондам участвовать в торговле в каждой стране блока, таким образом облегчая доступ на новые рынки и расширяя первичное публичное предложение для локальных инвесторов. Для этого была провозглашена совместная декларация надзорных органов и министров финансов четырех стран-участниц, а также приняты некоторые правила по торговле в рамках открытых и коллективных фондов³³.

В регионе Латинской Америки действуют две ассоциации фондовых бирж: Американская ассоциация рынков капитала (AMERCA)³⁴ и Иберо-американская федерация фондовых бирж (Federación iberoamericana de bolsas — FIAB)³⁵.

Оценка интеграционного сотрудничества государств — членов ЕАЭС в направлении формирования общего биржевого пространства

Правовой режим осуществления профессиональной деятельности по организации торгов в законодательстве государств — членов ЕАЭС

Правовой режим осуществления профессиональной деятельности по организации торгов в законодательстве государств — членов Союза различается, но не до степени непреодолимых противоречий. Так, в законодательстве России *термин «биржа»* определен весьма формально как «организатор торговли, имеющий лицензию биржи»³⁶, в то время как в законодательстве остальных государств — членов ЕАЭС даны более развернутые определения. В Армении центральная роль в регулировании организованной торговли принадлежит оператору регулируемого рынка, коим выступает лицо (лица), организующее (организующие) деятельность регулируемого рынка³⁷. В России иностранным брокерам дозволено принимать участие в организованных торгах иностранной валютой и в организованных торгах, на которых заключаются договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами³⁸. В Армении допускается оказание инвестиционных услуг иностранными лицами, но при условии создания на территории страны дочерней компании или филиала³⁹.

Интересно, что в законодательстве Армении отсутствуют понятия «брокер», «брокерская деятельность». Вместо них употребляются «лица, предоставляющие инвестиционные услуги», «инвестиционные услуги», «услуги

³² Declaracion de Paracas, 2015 // URL: <https://alianzapacifico.net/download/declaracion-de-paracas-julio-20-de-2015/> (дата обращения: 31.08.2024).

³³ Declaración de Intención para la creación del Pasaporte Vehículo de Inversión Colectiva de la Alianza // URL: <https://alianzapacifico.net/wp-content/uploads/2.1.1.-Declaracio%CC%81n-de-Intenciones-sobre-el-establecimiento-del-Pasaporte-de-Vehi%CC%81culos-de-Inversio%CC%81n-Colectiva.pdf> (дата обращения: 31.08.2024).

³⁴ См.: Bolletin engoque Amerca. 2023. № 17. URL: <https://www.bolsanic.com/wp-content/uploads/amerca/BOLETINENFOQUEAMERCAN17.pdf> (дата обращения: 31.08.2024).

³⁵ Federación iberoamericana de bolsas // URL: <https://www.fiabnet.org/index.php> (дата обращения: 31.08.2024).

³⁶ Ст. 8 Федерального закона от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6726.

³⁷ П. 32 ст. 3 Закона Республики Армения от 11.10.2007 НО-195-Н «О рынке ценных бумаг» // Правовая система «Континент». URL: <https://continent-online.com/> (дата обращения: 20.08.2024).

³⁸ П. 3–4 ст. 16 Федерального закона «Об организованных торгах».

³⁹ Ст. 49 Закона Армении «О рынке ценных бумаг».

дополнительного характера». В Беларуси и Киргизии участие в биржевой торговле нерезидентов не предусматривается. В Казахстане такое участие возможно при условии, что иностранные дилеры и (или) иные юридические лица — члены фондовой биржи и (или) клиринговые участники клиринговой организации являются клиентами центрального депозитария⁴⁰. Исследователи отмечают, что «фондовые биржи в странах ЕАЭС закрепляют различные требования и условия для получения допуска к участию в торгах на них»⁴¹.

Законодательство всех государств — членов ЕАЭС устанавливает детализированные *правила выдачи лицензий* на осуществление деятельности на рынке ценных бумаг. Срок действия лицензий не ограничен. Что касается *совмещения профессиональных видов деятельности* на рынке ценных бумаг, то по данному вопросу есть расхождения. Так, в Киргизии имеется возможность совмещения брокерской, дилерской деятельности и деятельности по доверительному управлению инвестиционными активами; депозитарной, клиринговой деятельности и деятельности по организации торговли на рынке ценных бумаг⁴².

В России запрещено совмещение деятельности по ведению реестра с другими видами профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, за исключением депозитарной деятельности⁴³, а в Казахстане, например, это возможно.

Глубина *требований к профессиональным участникам рынка ценных бумаг* государств — членов ЕАЭС различна. В то время как законодательство Беларуси⁴⁴ и Киргизии⁴⁵ содержит лишь квалификационные и технические требования, в России весьма подробно прописаны положения, касающиеся системы внутреннего контроля профессионального участника рынка ценных бумаг, управления рисками, выявления конфликта интересов и др. вопросов⁴⁶. Наличие биржевого совета предусмотрено только в России⁴⁷. *Правила ведения реестра владельцев ценных бумаг* в странах Союза детализированы неодинаково. Если в Киргизии⁴⁸ и Казахстане⁴⁹ закреплены только общие формулировки в отношении ведения такого реестра, то законодательство России проработано детально: в него включены такие вопросы, как понятие деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг и самого реестра, порядок ведения записей о лицах, которым открыты лицевые счета, и записей о ценных бумагах, детально регламентированы обязанности держателя реестра⁵⁰.

В Армении существует возможность создания филиалов и представительств иностранных участников рынка ценных бумаг. В России к публичному обращению могут быть допущены ценные бумаги иностранных эмитентов, подпадающих под строго определенные категории⁵¹. В Киргизии ценные бумаги иностранных эмитентов могут публично предлагаться после регистрации уполномоченным государствен-

⁴⁰ Ст. 78 Закона Республики Казахстан от 02.07.2003 № 461-III «О рынке ценных бумаг» // Правовая система «Континент». URL: <https://continent-online.com/> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴¹ Канатов Р. К. Понятие, признаки и виды брокерских услуг на рынке ценных бумаг в праве стран Евразийского экономического союза: доктрины, законодательство и правовое регулирование // Международное право и международные организации. 2020. № 2. С. 24–37.

⁴² П. 2 ст. 52 Закона Кыргызской Республики «О рынке ценных бумаг» // Правовая система «Континент». URL: <https://continent-online.com/> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴³ Ст. 10 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

⁴⁴ Ст. 28 Закона Республики Беларусь от 05.01.2015 № 231-З «О рынке ценных бумаг» // Правовая система «Континент». URL: <https://continent-online.com/> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴⁵ П. 4 ст. 41, ст. 51 Закона Киргизии «О рынке ценных бумаг».

⁴⁶ Ст. 10.1-1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг».

⁴⁷ П. 1 ст. 10.10 Федерального закона «Об организованных торгах».

⁴⁸ П. 1–2 ст. 49 Закона Киргизии «О рынке ценных бумаг».

⁴⁹ П. 4 ст. 80 Закона Казахстана «О рынке ценных бумаг».

⁵⁰ П. 1, 3 ст. 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг».

⁵¹ П. 1, 2 ст. 51.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг».

⁵² П. 2 постановления Правительства Кыргызской Республики от 23.09.2011 № 588 «Об утверждении Положения о допуске ценных бумаг, выпущенных эмитентами других государств, к публичному предложению на территории Кыргызской Республики».

ным органом по регулированию рынка ценных бумаг⁵². Сходные требования действуют в Казахстане⁵³.

Отдельно следует затронуть вопрос *электронного документооборота*. Такая возможность предусмотрена в трех из пяти государств Союза (отсутствует в законодательстве Киргизии и Армении). При этом применимые правила электронного документооборота различны. В Беларуси определены только общие требования о том, что доставка электронных документов осуществляется посредством электронной почты, информационной системы ведомственного документооборота и единого портала электронных услуг⁵⁴. В законодательстве России содержится общая формулировка об обязанности организатора торговли обеспечить возможность представления в Банк России электронных документов, а также возможность получения от Банка России электронных документов в порядке, установленном Банком России⁵⁵. Наиболее разработанные правила действуют в Казахстане: зафиксирован принцип функциональной эквивалентности электронных документов бумажным при условии удостоверения посредством электронной цифровой подписи⁵⁶.

Регламентация клиринговой и депозитарной деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг в законодательстве государств — членов ЕАЭС

Гармонизация расчетов по ценным бумагам и систем учета прав на ценные бумаги является центральным элементом выстраивания архитектуры общего биржевого пространства ЕАЭС. В этих вопросах в национальном законодательстве государств — членов ЕАЭС сохраняются ре-

гуляторные различия. Полномочия *центрального контрагента* в отношении исполнения обязательств участников клиринга определены в законодательстве России⁵⁷, Беларуси⁵⁸ и Казахстана⁵⁹. В Армении и Киргизии соответствующие правила *отсутствуют*. Это проблемный аспект, поскольку центральный контрагент — один из ключевых элементов инфраструктуры развитых биржевых рынков.

Что касается института *центрального депозитария*, то он создан во всех странах Союза. При этом, однако, существуют серьезные организационно-правовые нюансы. Так, в Киргизии функции центрального депозитария могут выполнять организации, имеющие лицензию профессионального участника рынка ценных бумаг на осуществление депозитарной деятельности⁶⁰. В Армении центральный депозитарий — акционерное общество, наделенное функциями централизованного хранителя, держателя реестра и оператора расчетной системы ценных бумаг⁶¹. На него возложены функции скорее системного интегратора, нежели института, самостоятельно подтверждающего права на ценные бумаги. Система выстроена таким образом, что работу с клиентскими ценными бумагами ведет не депозитарий, а операторы счетов в лице банков и инвестиционных компаний, которые одновременно формируют необходимые эмитентам данные для осуществления корпоративных действий. В Беларуси функции центрального депозитария принадлежат государственной организации — республиканскому унитарному предприятию «Республиканский центральный депозитарий ценных бумаг»⁶², что выбивается из общей картины и не соответствует мировой практике. В Казахстане функциями

⁵³ П. 19 постановления Правления Агентства Республики Казахстан по регулированию и надзору финансового рынка и финансовых организаций от 29.10.2008 № 170.

⁵⁴ П. 13–15 постановления Минюста Республики Беларусь от 06.02.2019 № 19 «Об утверждении Инструкции о порядке работы с электронными документами в государственных органах, иных организациях».

⁵⁵ П. 13 ст. 5 Федерального закона «Об организованных торгах».

⁵⁶ Ст. 7 Закона Республики Казахстан от 07.01.2003 № 370 «Об электронном документе и электронной цифровой подписи».

⁵⁷ Федеральный закон от 07.02.2011 № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 904.

⁵⁸ Постановление Минфина Республики Беларусь от 23.05.2016 № 33 «Об утверждении Инструкции об условиях и порядке осуществления клиринговой деятельности».

⁵⁹ Закон Казахстана «О рынке ценных бумаг».

⁶⁰ П. 2.7 Положения о клиринговой деятельности на рынке ценных бумаг в Кыргызской Республике.

⁶¹ П. 1 ст. 175 Закона Армении «О рынке ценных бумаг».

⁶² П. 1.3 Указа Президента Республики Беларусь от 28.04.2006 № 277 «О некоторых вопросах регулирования рынка ценных бумаг».

централизованного держателя реестра обла- дает специализированное некоммерческое акционерное общество⁶³.

Центральный депозитарий в Казахстане выполняет функции расчетно-клиринговой системы, включая ведение банковских счетов в национальной валюте депонентов и переводные операции в национальной и иностранной валютах. В России принят отдельный закон о центральном депозитарии, согласно которому центральный депозитарий — небанковская кредитная организация, которой присвоен соответствующий статус⁶⁴. Центральные депозитарии в странах ЕАЭС не являются институтами, перед которыми эмитенты прямо обязаны раскрывать информацию о корпоративных событиях. При этом во всех странах Союза они принимают участие в организации проведения собраний акционеров эмитентов, ценные бумаги которых обслуживают.

Требования к клиринговым организациям в законодательстве государств — членов ЕАЭС неоднородны. В России клиринговой организацией может быть только хозяйственное общество⁶⁵. В законодательстве Казахстана установлены организационно-структурные требования к клиринговой организации⁶⁶. В законодательстве Армении понятие клиринговой деятельности и требования к клиринговым организациям законодательно не закреплены.

Столь важный вопрос, как *окончателъность расчетов* по ценным бумагам, регулируется законодательством, к сожалению, только в Армении⁶⁷ и России⁶⁸. При этом в России окончательность расчетов скорее имплицитно вытекает из правила об окончательности записей по

лицевым счетам, в то время как в законодательстве Армении данный вопрос регламентирован детально, включая такие нюансы, как порядок перевода на счета в результате определения чистых позиций по одним и тем же видам требований и обязательств, формирование центральным депозитарием фонда гарантийных средств, возможность передачи в залог учитываемых в системе хранения ценных бумаг с целью гарантирования окончательного расчета. Можно предположить, что пробел в регулировании данного вопроса в остальных странах Союза должен быть восполнен.

Правила доступа эмиссионных ценных бумаг к торгам в законодательстве государств — членов ЕАЭС

В законодательстве государств — членов ЕАЭС с различной степенью детализации прописаны требования к эмитентам ценных бумаг, включая требования к раскрытию корпоративной и финансовой информации. В то же время объем подлежащей раскрытию информации различается существенно. Если в Киргизии⁶⁹ и Беларуси⁷⁰ изложены только общие требования к раскрытию информации, то в Казахстане⁷¹ и России⁷² они указаны очень подробно. Законодательство стран Союза с разной степенью детализации регламентирует также *требования к ценным бумагам*, равно как и *детальные правила листинга* различных категорий ценных бумаг. Законодательство большинства государств — членов ЕАЭС (кроме Киргизии) предусматривает категории инвесторов, допущенных к участию в организованных торгах⁷³.

Процедура и сроки проверки полученных от эмитента документов на предмет соблю-

⁶³ П. 73 ст. 1 Закона Казахстана «О рынке ценных бумаг».

⁶⁴ Ст. 2 Федерального закона от 07.12.2011 № 414-ФЗ «О центральном депозитарии» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7356.

⁶⁵ Ст. 5 Федерального закона «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте».

⁶⁶ П. 4 постановления Правления Национального Банка Республики Казахстан от 29.10.2018 № 254 «Об утверждении Правил осуществления клиринговой деятельности по сделкам с финансовыми инструментами».

⁶⁷ Ст. 202, п. 1, 3 ст. 203 Закона Армении «О рынке ценных бумаг».

⁶⁸ Ст. 8.5 Федерального закона «О рынке ценных бумаг».

⁶⁹ П. 1 ст. 30, п. 1, 2 ст. 31 Закона Киргизии «О рынке ценных бумаг».

⁷⁰ Ст. 55, 56 Закона Республики Беларусь от 05.01.2015 № 231-З «О рынке ценных бумаг».

⁷¹ Ст. 102 Закона Казахстана «О рынке ценных бумаг».

⁷² Положение Банка России от 27.03.2020 № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» // Вестник Банка России. 2020. № 39–40.

⁷³ См.: ст. 23 Закона Армении «О рынке ценных бумаг»; ст. 53-1 Закона Беларуси «О рынке ценных бумаг»; ст. 5, 5.1 Закона Казахстана «О рынке ценных бумаг»; пп. 29, 30 п. 1 ст. 2, п. 2 ст. 51.2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг».

дения требований к допуску ценных бумаг к участию в торгах в странах Союза установлены законодательством и правилами листинга ценных бумаг организаторов торговли. Например, в российском законе предусмотрено, что ценные бумаги допускаются к организованным торгам путем осуществления их листинга, который проводится организатором торговли при условии соответствия ценных бумаг требованиям законодательства⁷⁴, в Казахстане данный вопрос регламентируется указаниями Национального банка⁷⁵ и правилами листинга фондовой биржи⁷⁶. Что касается *порядка взаимодействия брокеров с клиентами*, то в законодательстве Киргизии он изложен в самом общем плане⁷⁷, в то время как в Казахстане⁷⁸ и Беларуси⁷⁹ — вплоть до применимых норм гражданского права. *Правила регистрации сделок с эмиссионными ценными бумагами* в странах Союза различаются в точки зрения процедур, документации и сроков ее хранения.

Законодательство всех государств — членов Союза *предусматривает допуск к торгам ценных бумаг иностранных эмитентов*, хотя условия разнятся. Так, в Беларуси эмитенты вправе размещать ценные бумаги, зарегистрированные за пределами страны, при условии их допуска к размещению на территории страны в порядке, установленном республиканским органом государственного управления, осуществляющим государственное регулирование рынка ценных бумаг⁸⁰. В Российской Федерации допуск к обращению финансовых инструментов иностранных эмитентов осуществляется при условии присвоения им международного кода идентификации и квалификации таких финансовых инструментов в качестве ценных бумаг в порядке, установленном Банком

России⁸¹. В Армении Центральный банк может зарегистрировать проспект иностранного эмитента, составленный согласно законодательству иностранного государства, если, по мнению Центрального банка: 1) проспект составлен в соответствии с международными стандартами, принятыми международными организациями органов, контролирующими рынок ценных бумаг, включая стандарты раскрытия информации, принятые Международной организацией комиссий по ценным бумагам; 2) требования к включаемой в проспект информации, установленные законодательством страны эмитента, эквивалентны требованиям национального законодательства⁸².

Рекомендации для ЕАЭС в свете общих тенденций и наилучших мировых практик формирования общего биржевого пространства

Общие закономерности, тенденции и наилучшие законодательные практики формирования ОБП в интеграционных объединениях, рекомендуемые для использования в ЕАЭС, могут быть суммированы в следующих основных положениях.

Гармонизация законодательства. В объединениях с высокой степенью интеграции непосредственно в учредительных договорах предусмотрен гармонизирующий акт, обязательный для государств-участников, в соответствии с требованиями которого они обязаны привести свое национальное законодательство. В отдельных случаях отношения на фондовом рынке могут напрямую регулироваться правовыми актами интеграционного законодательства — такие акты имеют *прямое действие*. Гармонизация может достигаться и посредством принятия мо-

⁷⁴ П. 2 ст. 40 Федерального закона «О рынке ценных бумаг».

См. также: Правила листинга ПАО «Московская биржа», утвержденные решением Наблюдательного совета от 25.03.2024, протокол № 23 // URL: <https://fs.moex.com/files/257/48125> (дата обращения: 31.08.2024).

⁷⁵ Постановление Правления Национального банка Республики Казахстан от 27.03.2017 № 54.

⁷⁶ Правила листинга АО «Казахстанская фондовая биржа» от 11.03.2021.

⁷⁷ П. 18 постановления Правительства Кыргызской Республики от 26.07.2011 № 409 «Об утверждении стандартов внутреннего учета операций с ценными бумагами в брокерских компаниях».

⁷⁸ Ст. 63, 64 Закона Казахстана «О рынке ценных бумаг».

⁷⁹ Абз. 1, 3 ст. 31 Закона Беларуси «О рынке ценных бумаг»; п. 7, 12.1–12.4 постановления Минфина Республики Беларусь от 31.08.2016 № 76 «О регулировании рынка ценных бумаг».

⁸⁰ Ст. 18 Закона Беларуси «О рынке ценных бумаг».

⁸¹ П. 1 ст. 51.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»; указание Банка России от 03.10.2017 № 4561-У.

⁸² Ст. 23 Закона Армении «О рынке ценных бумаг».

дельных, типовых актов, а также путем издания рекомендаций органами интеграционных образований.

Основой для гармонизации законодательства государств — членов интеграционного образования являются *международные финансовые стандарты*, издаваемые под эгидой международных организаций, устанавливающих стандарты (standard setting bodies)⁸³. Допуск поставщиков услуг из третьих стран может производиться в упрощенном порядке, если в результате анализа законодательства третьей страны решением органа интеграции будет выявлена эквивалентность финансового регулирования и надзора. И наконец, гармонизация законодательства имеет механизм мониторинга и контроля, подкрепляемый в ряде случаев возможностью для исполнительного органа интеграции предъявить в суд интеграционного объединения требование о приведении законодательства государства-члена в соответствие с гармонизирующим актом. Процесс мониторинга и контроля может осуществляться исполнительным органом интеграционного объединения, а может быть построен по модели *peer-reviews*, когда экспертная группа из одной или нескольких стран оценивает торговый режим в сфере финансовых услуг в другой стране.

Административное сотрудничество регуляторов государств — членов интеграционного образования выражается в обмене информацией между ними на постоянной основе, а также планомерной работе по сближению правил регулирования и надзора. Такое сотрудничество воплощается в создании постоянно действующего органа (ассоциации, комиссии), объединяющего регуляторов и обеспечивающего контакты не только на уровне руководителей национальных ведомств, но и на более низком уровне (департаментов и отделов). Для надзора за финансовыми группами, ведущими трансграничную деятельность, могут создаваться *надзорные коллегии* из представителей регуляторов из разных государств-членов. По мере развития деятельности постоянно действующего органа он может наделяться и надзорными функциями в отношении отдельных участников финансового рынка.

Взаимное признание лицензий профессиональных участников рынка ценных бумаг и взаимное признание регистрации выпусков эмиссионных ценных бумаг — ключевые признаки общего финансового рынка. В биржевой сфере устанавливается взаимный допуск брокеров и дилеров к биржевой торговле и расчетной инфраструктуре. Такое признание предваряет гармонизация законодательства государств-членов, а также *сближение стандартов регулирования* и надзора, стандартов подготовки и квалификации персонала финансовых организаций. Взаимное признание дополняется *принципом надзора страны происхождения*, когда регулятор, выдавший лицензию финансовой организации, надзирает за ее деятельностью не только на территории соответствующей страны, но и в других государствах. Во взаимном признании лицензий и выпусков ценных бумаг может быть отказано, если финансовая организация обращается за административным актом к регулятору определенного государства без реального намерения вести деятельность в этом государстве, а лишь для получения более лояльного режима регулирования. Положения о запрете *регулятивного арбитража* и правила его установления закрепляются в правовых актах. Взаимное признание в развитых интеграционных объединениях может быть дополнено правилом о возможности оказания финансовых услуг *без учреждения*, то есть без создания филиала или дочерней компании в стране осуществления деятельности.

Программный подход к финансовой интеграции предполагает принятие дорожных карт или планов действий, утверждаемых решениями исполнительных органов интеграционных объединений и/или на встречах регуляторов государств — членов интеграционных объединений⁸⁴. Такие планы могут утверждаться на основании результатов работы экспертных групп, так называемых комитетов мудрецов.

Создание ассоциаций профессиональных участников рынка ценных бумаг (фондовых бирж, клиринговых и депозитарных организаций) может способствовать обмену опытом, выработке профессиональных стандартов, в том числе по вопросам трансграничного доступа к биржевой торговле и расчетной инфраструктуре.

⁸³ О международных финансовых стандартах см.: Lifshits I., Ponamorenko V. International Financial Standards in the Global Legal Order and in EU and EAEU Law // Russian Law Journal. 2020. No. 8 (3). P. 4–31.

⁸⁴ Подробнее о программном подходе к регулированию рынка финансовых услуг в ЕС см.: Касьянов Р. А. Регулирование рынка финансовых услуг по праву ЕС и ЕАЭС : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10. М., 2019. С. 263–299.

Результаты анализа состояния законодательства государств — членов ЕАЭС и наилучших практик интеграционных объединений позволяют дополнительно сформулировать следующие выводы и рекомендации для ЕАЭС.

Во-первых, функционирующие в государствах — членах ЕАЭС модели биржевой торговли и применимые к ним правила обладают разной степенью зрелости. Отмечается разнообразие понятийного аппарата и способов формулирования соответствующих правил. Несмотря на это, фундаментальных противоречий в регулировании не выявлено, что приводит к положительному выводу о *наличии* предпосылок для формирования ОБП Союза.

Во-вторых, в ноябре 2020 г. распоряжением коллегии ЕЭК утвержден амбициозный план мероприятий по формированию ОБП в рамках ЕАЭС, предусматривающий конкретные шаги в данном направлении на период 2020–2030 гг. За прошедшие годы сделано немного: разработаны проекты двух соглашений (о взаимном допуске брокеров и трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг).

В-третьих, ключевым фактором создания ОБП выступает совместимость процедур и правил работы расчетно-клиринговых и учетных институтов. Поэтому важно разработать механизмы взаимодействия депозитариев для формирования основ их функциональной совместимости. Задача формирования ОБП Союза требует также унификации национальных стандартов корпоративного управления, особенно в части раскрытия информации. Это — ключевой фактор защиты прав инвесторов при организации трансграничной торговли ценными бумагами, гарантия качества корпоративного управления и основа принятия инвестиционных решений.

В-четвертых, сближение расчетно-учетных систем финансовых рынков государств — членов ЕАЭС невозможно без перехода их основ-

ных институтов на электронный документооборот, включая стандартизацию документов, автоматизацию их обработки и функциональную эквивалентность иностранных электронных подписей. Для этого может потребоваться заключение договора о взаимном признании электронных подписей или сертификатов их ключей. Единые согласованные форматы электронных документов и сообщений должны как минимум охватывать такие вопросы, как подача распоряжений на проведение трансграничных операций по переходу прав собственности и осуществление платежей.

В-пятых, хотя создание наднационального регулятора финансовых рынков предусмотрено Договором о ЕАЭС в 2025 г., это видится маловероятным, прежде всего в силу санкционных рисков и очевидной политической преждевременности такого шага с учетом текущего геополитического контекста. В частности, нельзя не учитывать то обстоятельство, что 12 июня 2024 г. со стороны США были введены блокирующие санкции против Московской биржи, а также ее дочерних компаний — Национального расчетного депозитария и Национального клирингового центра⁸⁵.

Отметим здесь, что Концепция формирования общего финансового рынка ЕАЭС 2019 г. и не предполагала наделяния наднационального органа (вопреки такому названию) какими-либо властными полномочиями, ограничиваясь функциями по анализу финансовых рынков, законодательства, ведению информационного реестра субъектов рынка и выработке рекомендаций по внедрению международных стандартов, а также полномочиями по анализу правовых актов государств-членов⁸⁶. «Ненаднациональный» характер проектируемого финансового органа отмечался исследователями⁸⁷, делались предложения о предоставлении этому органу права прямого надзора за системно значимыми финансовыми институтами⁸⁸.

⁸⁵ US Department of Treasury, Press release (June 12, 2024) // URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy2404> (дата обращения: 31.08.2024).

⁸⁶ В качестве полномочий указано также международное сотрудничество, но без ущерба для полномочий национальных финансовых органов.

⁸⁷ Например, Р. А. Касьяновым и одним из авторов настоящей статьи: Касьянов Р. А. Критический анализ международного опыта в контексте решения задачи по формированию наднационального органа ЕАЭС по регулированию финансового рынка // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 6. С. 110–122; Лифшиц И. М. Международное финансовое право и право Европейского Союза: взаимодействие и взаимовлияние М.: Юстицинформ, 2020. С. 376.

⁸⁸ Алексеев П. В., Звонова Е. А. Развитие концептуальной модели формирования общего финансового рынка государств — членов Евразийского экономического союза // Банковское право. 2020. № 4. С. 44–51.

На наш взгляд, однако, наиболее реалистичный сценарий на пути позитивной интеграции — разработка рекомендательных норм и «мягких» правил, практическая реализация которых на национальном уровне может способствовать сближению регулирования государств — членов ЕАЭС. Целесообразно было бы включить в состав проектируемого финансового органа ЕАЭС представителей финансового рынка и академического сообщества госу-

дарств — членов ЕАЭС по аналогии с Группой заинтересованных лиц по ценным бумагам и рынкам, созданной в ESMA. В целом, думается, реализация рекомендаций, разработанных на основе анализа международной практики и приведенных в статье, поможет созданию общего биржевого пространства и общего финансового рынка ЕАЭС, что послужит стимулом для дальнейшего развития экономики этого интеграционного объединения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев П. В., Звонова Е. А. Развитие концептуальной модели формирования общего финансового рынка государств — членов Евразийского экономического союза // *Банковское право*. 2020. № 4. С. 44–51.
- Интеграционное право : учебник / В. В. Блажеев, С. Ю. Кашкин, П. А. Калинин [и др.] ; отв. ред. С. Ю. Кашкин. М. : Проспект, 2023. 720 с.
- Канатов Р. К. Понятие, признаки и виды брокерских услуг на рынке ценных бумаг в праве стран Евразийского экономического союза: доктрины, законодательство и правовое регулирование // *Международное право и международные организации*. 2020. № 2. С. 24–37.
- Касьянов Р. А. Критический анализ международного опыта в контексте решения задачи по формированию наднационального органа ЕАЭС по регулированию финансового рынка // *Журнал российского права*. 2024. Т. 28. № 6. С. 110–122.
- Касьянов Р. А. Регулирование рынка финансовых услуг по праву ЕС и ЕАЭС : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10. М., 2019. 554 с.
- Лифшиц И. М. Международное финансовое право и право Европейского Союза: взаимодействие и взаимовлияние М. : Юстицинформ, 2020. 548 с.
- Лифшиц И. М. Правовое регулирование рынка ценных бумаг в Европейском Союзе : монография. М. : Статут, 2012. 253 с.
- Малько А. В., Гайворонская Я. В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № 1. С. 4–25.
- Яковлева М. А. Финансово-правовое значение Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза // *Вестник Московского университета. Серия 26, Государственный аудит*. 2020. № 4. С. 82–88.
- Bavoso V. Market-Based Finance, Debt and Systemic Risk: A Critique of the EU Capital Markets Union // *Accounting, Economics, and Law : A Convivium*. 2018. P. 1–26.
- Lifshits I., Ponamorenko V. International Financial Standards in the Global Legal Order and in EU and EAEU Law // *Russian Law Journal*. 2020. No. 8 (3). P. 4–31.
- Moloney N. The European Securities and Markets Authority and Institutional Design for the EU Financial Market — A Tale of Two Competences. Part 1: Rule-Making // *European Business Organization Law Review*. 2015. No. 12. P. 41–86.

REFERENCES

- Alekseev PV, Zvonova EA. Development of a conceptual model for the formation of a common financial market of the member states of the Eurasian Economic Union. *Bankovskoe pravo*. 2020;4:44-51. (In Russ.).
- Bavoso V. Market-Based Finance, Debt and Systemic Risk: A Critique of the EU Capital Markets Union. *Accounting, Economics, and Law: A Convivium*. 2021;11(3):20170039. <https://doi.org/10.1515/ael-2017-0039>.
- Blazheev VV, Kashkin SYu, Kalinichenko PA, et al. Integration Law. Kashkin SYu, ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Kanatov RK. The concept, signs and types of brokerage services in the securities market in the law of the countries of the Eurasian Economic Union: Doctrines, legislation and legal regulation. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii*. 2020;2:24-37. (In Russ.).

Kasyanov RA. A critical analysis of international experience in the context of solving the problem of forming a supranational EAEU body for regulating the financial market. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2024;28(6):110-122. (In Russ.).

Kasyanov RA. Regulation of the financial services market under the law of the EU and the EAEU. Dr. Diss. (Law). Moscow; 2019. (In Russ.).

Lifshits I, Ponamorenko V. International Financial Standards in the Global Legal Order and in EU and EAEU Law. *Russian Law Journal*. 2020;8(3):4-31.

Lifshits IM. International Financial law and the law of the European Union: Interaction and mutual influence. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2020. (In Russ.).

Lifshits IM. Legal regulation of the securities market in the European Union: A monograph. Moscow: Statut Publ.; 2012. (In Russ.).

Mal'ko AV, Gaivoronskaya YaV. Doctrinal acts as the main instrument of legal policy. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2018;1:4-25. (In Russ.).

Moloney N. The European Securities and Markets Authority and Institutional Design for the EU Financial Market — A Tale of Two Competences: Part 1: Rule-Making. *European Business Organization Law Review*. 2015;(12):41-86.

Yakovleva MA. Financial and legal significance of the Concept of forming a common financial market of the Eurasian Economic Union. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 26, Gosudarstvennyy audit*. 2020;4:82-88. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лифшиц Илья Михайлович, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

д. ба, Воробьевское шоссе, г. Москва 119285, Российская Федерация
i.lifshits@edaslawfirm.ru

Сambatyan Анаит Сергеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

д. ба, Воробьевское шоссе, г. Москва 119285, Российская Федерация
anait_smbatyan@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ilya M. Lifshits, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of International Law, Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russian Federation
i.lifshits@edaslawfirm.ru

Anait S. Smbatyan, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of International Law, Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russian Federation
anait_smbatyan@mail.ru

Материал поступил в редакцию 12 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 12 сентября 2024 г.

Принята к печати 15 апреля 2025 г.

Received 12.09.2024.

Revised 12.09.2024.

Accepted 15.04.2025.

Ю. С. Харитонов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация

Правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта: уроки китайского права

Резюме. Принятие в ЕС Закона об искусственном интеллекте и включение в план работы законодательных органов Китая разработки соответствующего единого закона об ИИ показывает, что от этических кодексов и стратегий развития технологии мир переходит к вопросу всеохватного регулирования применения ИИ. В российской литературе на фоне большого внимания к актам ЕС недостаточное внимание уделено регулированию ИИ в Китае. Анализ показал, что уникальный опыт сегментарного регулирования в Китае и в определенной степени экспериментально-правового подхода в России позволяет действовать максимально аккуратно в создании системы регулятивной песочницы, формируя достаточно узко дифференцированное регулирование систем ИИ. Китайский подход к соблюдению социалистической морали и нравственности при применении ИИ в духе «развития науки и технологий во благо» и «подхода, ориентированного на человека» соответствует тенденциям российского права к защите традиционных духовно-нравственных ценностей. Китайская схема регулирования рисков классифицирует риски не горизонтально, а в зависимости от возникающих из одного и того же продукта, что больше подходит для таких технологий, как генеративный ИИ. Это может быть учтено при формировании российской позиции к содержанию правового регулирования применения ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; генеративный искусственный интеллект; цифровые технологии; китайское право; цифровое право; прозрачность искусственного интеллекта; объяснимость искусственного интеллекта; классификация систем искусственного интеллекта

Для цитирования: Харитонов Ю. С. Правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта: уроки китайского права. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 5. С. 130–138. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.130-138

Legal Approaches to Artificial Intelligence Regulation: Chinese Law Lessons

Yulia S. Kharitonova

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract. The adoption of the Law on Artificial Intelligence in the EU and the inclusion in the work plan of the Chinese legislative bodies of the development of a corresponding unified law on AI shows that the world is moving from ethical codes and technology development strategies to the issue of comprehensive regulation of the use of AI. In the Russian literature, against the background of great attention to the EU acts, the regulation of AI in China receives insufficient attention. The analysis showed that the unique experience of segmental regulation in China and, to a certain extent, the experimental legal approach in Russia allows us to act as carefully as possible in creating a regulatory sandbox system, forming a rather narrowly differentiated regulation of AI systems. The Chinese approach to observing socialist morality and ethics in the application of AI in the spirit of «developing science and technology for the benefit» and «a human-centered approach» corresponds to the trends of Russian

law towards the protection of traditional spiritual and moral values. The Chinese risk management scheme classifies risks not horizontally, but depending on those arising from the same product, which is more suitable for technologies such as generative AI. This can be taken into account when forming the Russian position on the content of legal regulation of the use of AI.

Keywords: artificial intelligence; generative artificial intelligence; digital technologies; Chinese law; digital law; transparency of artificial intelligence; explainability of artificial intelligence; classification of artificial intelligence systems

Cite as: Kharitonova YuS. Legal Approaches to Artificial Intelligence Regulation: Chinese Law Lessons. *Lex Russica*. 2025;78(5):130-138. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.130-138

Введение

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) привело к возникновению значимых вызовов перед правовыми порядками всего мира. При этом одним из ключевых вопросов сегодня является обеспечение прозрачности и объяснимости ИИ на фоне недопущения нарушения фундаментальных прав граждан и обеспечения информационной безопасности в Сети. В настоящее время принципы разработки технологий ИИ рассматриваются на международном и национальном уровнях. Деятельность по надзору и управлению в области искусственного интеллекта становится всё более интенсивной во всем мире.

Ключевым актом в России является Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года¹, в которой выделены основные принципы развития и использования технологий ИИ. Выделенные в российском законодательстве принципы регулирования разработки технологий не получили глубокого толкования в правоприменительной практике или разъяснениях уполномоченных органов и в большой степени носят рекомендательный характер. При этом перечисленные в Стратегии принципы частично перекликаются с наборами аналогичных постулатов, отраженных в этических кодексах и рекомендациях в России и за рубежом.

Цели и последствия правового регулирования в Китае и ЕС

Одним из наиболее ярких примеров зарубежного опыта регулирования принципов применения технологии ИИ, безусловно, можно назвать европейский Закон об искусственном интеллекте² (AIA). Этот Закон призван ввести первое всеобъемлющее международное регулирование систем искусственного интеллекта, представляющее такие новшества, как риск-ориентированный подход к ИИ и акцент на защите фундаментальных прав человека, а также конституционных ценностей в сфере, где ИИ постоянно присутствует. Согласно ст. 3 AIA, системы ИИ представляют собой машинные системы, предназначенные для автономной работы, потенциально адаптирующиеся после развертывания и обрабатывающие входные данные для создания выходных результатов, таких как прогнозы, контент, рекомендации или решения, влияющие на физическую или виртуальную среду. Системы ИИ делятся на три категории:

1. АИС высокого риска: как правило, системы, используемые в критической инфраструктуре, здравоохранении и правоохранительных органах, которые должны соответствовать строгим требованиям безопасности, управления рисками и постоянного мониторинга в связи с их значительным влиянием на безопасность и основные права.

2. АИС с ограниченным риском: АИС, к которым применяются умеренные правила, требующие гарантий для предотвращения злоупотреблений и обеспечения прозрачности, что

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

² COM/2021/206 Final. Proposal For A Regulation Of The European Parliament And Of The Council Laying Down Harmonised Rules On Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) And Amending Certain Union Legislative Acts // URL: https://www.presidioeuropa.net/blog/wp-content/uploads/2024/02/Nuovo-Testo-TEN-T-2024-Annex-to-the-letter-of-9-February-2024_FINAL_EN.pdf.

позволяет устранить потенциальное воздействие без жестких мер, применяемых к системам с высоким риском.

3. АИС с минимальным риском: АИС, представляющие незначительные риски. Они в значительной степени освобождены от нормативного надзора, но всё же должны придерживаться основных принципов прозрачности, чтобы информировать пользователей о взаимодействии с ИИ.

Для систем всех видов предусмотрено обеспечение прозрачности и объяснимости работы ИИ. Такой подход получил закрепление после длительного периода консолидации мнений экспертов разных стран. Однако не является единственным путем регулирования в сфере ИИ.

Китайские исследователи подчеркивают, что применение ИИ не только повышает эффективность в отдельных областях человеческой деятельности, но и способствует развитию экономики и общества³. Некоторые исследователи утверждают, что влияние технологий на человеческое общество огромно и глубоко, учитывая идею, что «развитие технологий приводит к социальной эволюции»⁴. В то же время ученые исходят из осторожной позиции о том, что риски ИИ трудно предсказать на ранних стадиях технологического развития, хотя на современном этапе наша способность контролировать технологическое развитие относительно сильна. Но по мере развития технологии возможности контролировать технологии станут крайне ограниченными, потому что в это время «технология приобретет достаточную мощь и свой собственный путь развития»⁵.

Безопасность, неприкосновенность частной жизни и дискриминация составляют основу регулирования ИИ в Китае. При разработке и

использовании ИИ субъекты могут внедрять алгоритмическую предвзятость и предвзятость больших данных в ИИ в процессе построения задач, анализа данных и выбора критериев работы, что приводит к дискриминационным результатам. Этим задачам и посвящены конкретные нормы права. Принцип прозрачности ИИ рассматривается в китайском праве в непосредственной связи с объяснимостью и интерпретируемостью ИИ, которые называют связующим звеном между ИИ и правом. Поскольку «юридически оформить можно только то, что уже понятно», интерпретируемость ИИ стала необходимым условием для продвижения и применения ИИ, а также для решения проблемы его юридической ответственности⁶.

Опыт Китая в регулировании применения ИИ

Регулирование технологии искусственного интеллекта в Китае идет по собственному пути. Усилия законодателей и правоведов направлены на поиск способов минимизации рисков применения ИИ, а также поиска справедливого распределения ответственности.

В 2017 г. Государственный совет Китайской Народной Республики опубликовал План развития искусственного интеллекта следующего поколения⁷. План представляет собой акт национального стратегического уровня, в котором установлено, что ИИ является лидирующей технологией для будущего. Планируется, что к 2030 г. «теория, технология и применение ИИ в Китае в целом выйдут на мировой уровень, что сделает Китай крупным мировым центром инноваций в области ИИ и даст заметные результаты в развитии “умной” экономики, которая станет важной основой для превращения Китая

³ Яо З. В., Ли З. Л. Правовое регулирование рисков генеративного контента искусственного интеллекта // Журнал Сианьского университета Цзяотун (издание по общественным наукам). 2023. № 43 (05). С. 147.

⁴ Пу К., Сян В. Возможности и проблемы, возникающие при использовании ChatGPT в качестве генеративного ИИ, и стратегия реагирования // Журнал Чунцинского университета (издание по социальным наукам). 2023. № 29 (3). С. 102–114.

⁵ Шэнь Ф. Риски и управление генеративным искусственным интеллектом: решение «дилеммы Коллингриджа» // Журнал Чжэцзянского университета (издание по гуманитарным и социальным наукам). 2024. № 6. С. 73.

⁶ Лю Я. Исследование интерпретируемости искусственного интеллекта и юридической ответственности ИИ. 2022 // URL: <https://www.pkulaw.com/specialtopic/c85e5a72b1dd1e16fffd1d820bf85550bdfb.html?key word=%E4%BA%BA%E5%B7%A5%E6%99%BA%E8%83%BD%E7%9A%84%E5%8F%AF%E8%A7%A3%E9%87%8A%E6%80%A7%E5%8E%9F%E5%88%99&way=listView>.

⁷ Новая стратегия развития искусственного интеллекта // URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm.

в ведущую инновационную и экономическую державу»⁸. В то же время изначально предполагалось, что к 2025 г. Китай только «устанавливает правовые нормы, этические стандарты и систему политики в области ИИ, формируя возможности оценки и контроля безопасности ИИ»⁹. П. В. Трошинский подчеркивает, что «проводимая китайскими властями политика в области законодательства характеризуется неспешной разработкой и последующим принятием необходимых для страны локальных актов правотворчества»¹⁰. Сейчас же в Китае всё чаще возникает дискуссия о необходимости обеспечения единства законодательства в данной сфере или даже о подготовке единого закона об ИИ, как в Евросоюзе. Закон об искусственном интеллекте был включен в план законодательной работы Госсовета КНР на 2023–2024 гг. Независимо от готовности государства принять единый акт, многие придерживаются мнения, что законодательство должно создать плюралистическую нормативную систему регулирования искусственного интеллекта, уточнить функции национальных и отраслевых стандартов, расширить пространство для групповых стандартов и сосредоточить внимание на роли этических норм¹¹.

Китайские юристы очень осторожны в разработке конечных правил и двигаются по этому направлению «малыми шагами». С 2022 г. Китай начал последовательно принимать нормативные документы, касающиеся алгоритмических рекомендаций, технологий глубокого синтеза и генеративных услуг ИИ. Регулирование ИИ строится исходя из областей его применения. Так, с 1 марта 2022 г. вступило в силу Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями в информационных интернет-услугах¹² (далее — Положение об алгоритмах), согласно которому была введена норма о создании системы регистрации алгоритмов. Компании обязаны подавать заявки на регистрацию

алгоритмов через систему регистрации алгоритмов Управления киберпространства Китая (САС, 国家互联网信息办公室), раскрывая основные параметры работы технологии.

Положение об управлении глубоким синтезом в информационных интернет-сервисах¹³ от 25.11.2022 было принято для усиления всестороннего управления информационными услугами в Интернете и создало основу для регистрации систем ИИ. Процедуры и правила регистрации стандартизированы на основе практики. 10 июля 2023 г. Управление киберпространства Китая опубликовало Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта¹⁴, вступившие в силу 15 августа 2023 г. В данном акте определена концепция генеративного ИИ и обязательства для поставщиков соответствующих продуктов и услуг. Тем самым Китай внедрил механизм «двойной регистрации», состоящий из системы регистрации алгоритмов и системы регистрации ИИ (для больших языковых моделей). Регистрация больших языковых моделей требует наиболее эффективного взаимодействия регулирующих органов и поставщиков услуг для накопления опыта регулирования и разработки четких и конкретных правил, которые будут стимулировать предприятия выполнять свои обязательства по регистрации алгоритмов, особенно в части оценки их безопасности в области больших языковых моделей. Раскрытие алгоритмов при регистрации, по мнению контролирующих органов, обеспечит прозрачность применения ИИ в конкретных сферах.

Параллельно с национальными правилами и нормами вводились местные акты, такие как Положение о развитии индустрии искусственного интеллекта в специальной экономической зоне Шэньчжэнь (《深圳经济特区人工智能产业促进条例》) от 01.11.2022 или Положение о развитии индустрии искусственного интеллекта в Шанхае (《上海市促进人工智能产业发展条例》) от 10.10.2022.

⁸ URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm.

⁹ URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm.

¹⁰ Трошинский П. В. Развитие китайского законодательства в последние годы // Международное публичное и частное право. 2015. № 3. С. 36–40.

¹¹ Сун Х. Разработка нормативной структуры в законодательстве об искусственном интеллекте // Журнал Восточно-Китайского университета политических наук и права. 2024. № 5. С. 6.

¹² 互联网信息服务算法推荐管理规定 // URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2022/content_5682428.htm.

¹³ 互联网信息服务深度合成管理规定 // URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-12/12/content_5731431.htm.

¹⁴ 生成式人工智能服务管理暂行办法 // URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202307/content_6891752.htm.

То есть в решение вопросов применимости конкретных продуктов ИИ включалось и региональное нормотворчество.

В названных актах установлено, что развитие индустрии ИИ в городе следует принципам технологичности, ориентированности на приложения, ориентированности на людей, принципам безопасности и управляемости. Причем изначально к ИИ в китайском праве выстраивалось отношение не как к отдельному объекту, а как к части индустрии. В частности, в Шанхайском Положении определялось, что термин «индустрия искусственного интеллекта» относится к основным отраслям, таким как исследования, разработка и производство программных и аппаратных продуктов, системных приложений и интегрированных услуг, связанных с искусственным интеллектом, а также интеграция и применение искусственного интеллекта, исследования в сфере жизнеобеспечения людей, социального управления, экономического развития и других смежных областях (ст. 3).

1 марта 2024 г. Национальным комитетом Китая по стандартизации технологий кибербезопасности были официально опубликованы Основные требования безопасности для услуг генеративного искусственного интеллекта¹⁵. Данный акт детализирует требования к реализации соответствующих положений Временных мер по управлению услугами генеративного ИИ, таких как законность источников данных, безопасность контента и т.д., и предоставляет эффективные методы для поставщиков услуг генеративного ИИ для оценки безопасности. Это не только улучшает возможности предприятий в области безопасности услуг генеративного ИИ, но и предоставляет стандарты для регулирующих органов для оценки уровня безопасности конкретных услуг.

Регулирование ИИ на уровне подзаконных актов не должно противоречить законам КНР, которые составляют основу правового регулирования информационного и технологического развития страны, таким как: Закон КНР о кибербезопасности¹⁶, Закон КНР о безопасности данных¹⁷, Закон КНР о защите персональных данных¹⁸, Закон КНР о научно-техническом прогрессе¹⁹, а также Положение об оценке безопасности информационных интернет-сервисов с атрибутами общественного мнения или возможностями социальной мобилизации²⁰, Правила управления информационными сервисами публичных учетных записей интернет-пользователей²¹. Эти нормативные акты образуют систему управления алгоритмами в различных секторах, особенно в предоставлении генеративных услуг ИИ. В целом регулирование применения ИИ в китайском праве касается установления обязанностей нескольких типов: обязательства, связанные с механизмами надзора; обязательства, связанные с обучением алгоритмов; обязательства, связанные с управлением контентом; обязательства поставщиков услуг в отношении пользователей.

Основные особенности китайского подхода к регулированию ИИ

На фоне расширения сфер применения искусственного интеллекта в Китае активно проводится работа по созданию механизма правового обеспечения принципа прозрачности. Во многом обращение к принципу прозрачности связывают с его ключевым значением для решения проблемы «черного ящика» алгоритма²². Исследователи отмечают, что концепция прозрачности включает в себя две составляющие: формальную и предметную (по существу)²³.

¹⁵ 生成式人工智能服务安全基本要求 // URL: <https://www.tc260.org.cn/front/postDetail.html?id=20240301164054>.

¹⁶ 中华人民共和国科学技术进步法 // URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-12/25/content_5664471.htm.

¹⁷ 互联网信息服务算法推荐管理规定 // URL: https://www.cac.gov.cn/2022-01/04/c_1642894606364259.htm.

¹⁸ 中华人民共和国个人信息保护法 // URL: https://www.cac.gov.cn/2021-08/20/c_1631050028355286.htm?eqid=b7a9c7a1000acbc7000000026465ed77.

¹⁹ 中华人民共和国科学技术进步法 // URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-12/25/content_5664471.htm.

²⁰ 具有舆论属性或社会动员能力的互联网信息服务安全评估规定 // URL: https://www.cac.gov.cn/2018-11/15/c_1123716072.htm.

²¹ 互联网用户公众账号信息服务管理规定 // URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-01/24/content_5582219.htm.

²² Чжан Ю. О правовой реализации принципа прозрачности в сфере искусственного интеллекта // Юридический факультет Южно-Китайского нормального университета. Серия политико-правовых дискуссий. 2024. № 2. С. 124.

²³ Чжан Ю. Указ. соч.

Формальная прозрачность подразумевает раскрытие базовой информации об искусственном интеллекте, делающее развертывание и использование искусственного интеллекта несекретным. Предметная прозрачность тесно связана с интерпретируемостью искусственного интеллекта, она подчеркивает важность объяснения раскрываемой информации в понятной форме, что должно сделать соответствующую информацию действительно познаваемой. На первый взгляд, такой подход созвучен европейскому. Статья 4 Положения об алгоритмах предусматривает, что предоставление услуг алгоритмических рекомендаций должно следовать принципам справедливости и честности, открытости и прозрачности. Поставщики услуг должны сформулировать и обнародовать правила выработки рекомендаций (ст. 7), оптимизировать прозрачность и интерпретируемость правил поиска, сортировки, выбора, продвижения и показа контента (ст. 12), информировать пользователей о принципах, цели и намерениях применения рекомендательных сервисов, а также об основных механизмах работы алгоритмических рекомендательных услуг²⁴.

Специфика китайского подхода состоит в следующем. Прежде всего, в Китае многие исследования ИИ ведутся через призму доктрины верховенства права²⁵. В данном контексте логично общее указание на то, что при реализации принципа верховенства права следует тщательно учитывать принципы прозрачности и объяснимости: с учетом технических условий необходимо устанавливать различные обязательства по раскрытию и разъяснению содержания информации в соответствии с возможностями регулирующих органов и ответственности.

Второй особенностью китайского подхода можно назвать стремление к классификации систем ИИ. В литературе отмечается, что в сфере цифрового права в Китае произошла смена парадигмы: от первоначального индивидуального предотвращения рисков юристы перешли к систематическому управлению рисками, основанному на иерархическом и классифи-

цированном управлении, управлении полным жизненным циклом ИИ-систем²⁶. Такой взгляд может быть сопоставлен с европейским. Как и в ЕС, классификация алгоритмов и управление безопасностью рассматриваются как основной инструмент управления безопасностью алгоритмов в будущем. Но и здесь мы обнаруживаем отличительные черты китайского подхода.

В Положении об алгоритмах установлены общие критерии классификации поставщиков услуг рекомендательных алгоритмов исходя из атрибутов общественного мнения или способности к социальной мобилизации сервиса, категории контента, количества пользователей, степени важности данных, обрабатываемых технологией рекомендаций алгоритмов, степени вмешательства в поведение пользователя и т.д. Положение об алгоритмах на уровне надзора за платформами предусматривает иерархическую и классифицированную систему управления, а для платформ общего назначения — обязанность вести веб-журналы и сотрудничать с государством. Для платформ, являющихся лидерами общественного мнения или обладающих возможностями социальной мобилизации, вводится система регистрации и требуется проактивная оценка безопасности. Те, кто предоставляет новостные и информационные услуги в Интернете, должны получить лицензию на предоставление таких услуг в соответствии с законодательством. С точки зрения применения Положения об алгоритмах эталонный стандарт классификации алгоритмов зависит и от степени «чувствительности» данных, но в настоящее время меняется на показатель степени «важности» данных, что в наибольшей степени соответствует нормам Закона о безопасности данных.

Обязанность поставщиков услуг принимать превентивные меры должна быть более строгой в случаях незаконного и нежелательного контента, связанного с национальной и общественной безопасностью, характеризующегося высоким риском, и относительно менее строгой в случаях незаконного и нежелательного кон-

²⁴ Харитонов Ю. С., Тяньфан Я. Рекомендательные системы цифровых платформ в Китае: правовые подходы и практика обеспечения прозрачности алгоритмов // Закон. 2022. № 9. С. 40–49.

²⁵ Чжан Ю. Указ. соч. ; Чжан С. Продвижение верховенства закона с главным направлением продвижения нового качества продуктивности цифрового интеллекта // Цифровое правовое государство. 2024. № 4. С. 1.

²⁶ Чжао Ц., Чжоу Ж. О смене парадигмы цифровых юридических исследований: системное управление рисками // Академический журнал Цюши. 2024. № 4. С. 136.

тента, связанного только с нарушением частных прав, характеризующегося низким риском²⁷.

Таким образом, для разных уровней риска ИИ в Китае принимаются стандарты реализации, основанные на классификации и сценариях, что способствует реализации принципа прозрачности в двух аспектах: защита пользователей и права общественности на информацию и обеспечение национальных регулирующих полномочий. Однако, в отличие от европейского подхода, в Китае придерживаются позиции, что с учетом технических условий необходимо дифференцировать требования к содержанию информации, подлежащей раскрытию и разъяснению, в соответствии с различными возможностями регулирующих органов и общественности, а также принять градуированные и классифицированные подсценарии внедрения стандартов для различных уровней риска различных ИИ.

Третьей значимой особенностью китайского подхода можно назвать приверженность требований к применению ИИ в рамках социалистической морали и нравственности. Общеизвестно, что дискриминация не должна создавать алгоритмическую власть и не должна нарушать права личности и права на личную информацию других лиц. В то же время особенностью китайского подхода является то, что, например, Временные меры по управлению услугами генеративного ИИ требуют, чтобы при предоставлении и использовании услуг генеративного ИИ соблюдались основные социалистические ценности, принимались эффективные меры по предотвращению дискриминации по признаку этнической принадлежности, убеждений, страны происхождения и т.д.; эти услуги не должны приводить к формированию алгоритмической власти или нарушать права личности, права и интересы других лиц в отношении личной информации, должны повышать прозрачность услуг генеративного искусственного интеллекта, а также точность и надежность генерируемого контента.

Положение об алгоритмах устанавливает стандарты информационных услуг в ст. 6–10, которые в основном посвящены контролю за незаконной и нежелательной информацией; так, в ст. 8 четко указано, что «никакая алгорит-

мическая модель не должна быть создана для того, чтобы побуждать пользователей к зависимости или чрезмерному потреблению информации в нарушение законов и правил или против этики и морали». Положение об алгоритмах также запрещает использование алгоритмов для манипулирования информацией и влияния на общественное мнение в Интернете. Положение об алгоритмах, таким образом, требует соблюдения не только писаных законов и правил, но и общественной морали и этики, деловой и профессиональной этики, принципов справедливости и честности, открытости и прозрачности, научной обоснованности, а также честности и благонадежности.

Нарушение основных социалистических ценностей и дискриминационный контент относятся к категории высокого риска и требуют особого внимания и управления. Развитие ИИ в Китае можно обеспечить путем создания и совершенствования системы тестирования, системы надзора и системы юридической ответственности²⁸. Определения рисков безопасности помогают поставщикам услуг лучше выявлять и избегать потенциальных административных нарушений.

Вывод

Обобщение опыта правового регулирования применения ИИ в Китае в сравнении с подходами Европейского Союза позволяет выявить некоторые идеи, которые могут быть восприняты в российской законотворческой практике. Прежде всего, и китайский, и европейский опыт показал, что единое законодательство об ИИ тяготеет к концепции всеохватности на фоне осмотристельности и градации классификации рисков. В то же время уникальный опыт сегментарного регулирования в Китае и в определенной степени экспериментально-правового подхода в России позволяет действовать максимально аккуратно при формировании системы регулятивной пещи, создавая достаточно узко дифференцированное регулирование систем ИИ. Во всех случаях вводится система контроля и надзора за соблюдением требований закона в отношении применения ИИ. Однако компетенция и органы

²⁷ Яо З. В., Ли З. Л. Правовое регулирование рисков генеративного контента искусственного интеллекта // Журнал Сианьского университета Цзяотун (издание по общественным наукам). 2023. № 43 (05). С. 147.

²⁸ Ян Ц. Развитие заслуживающего доверия искусственного интеллекта и построение правовой системы // Восточное правоведение. 2024. № 4. С. 95.

либо комиссии, уполномоченные осуществлять такой контроль, действуют на основе разных принципов. В то же время более жесткий, чем в ЕС, китайский подход к соблюдению социалистической морали и нравственности при применении ИИ в духе «развития науки и технологий во благо» («科技向善»), соответствует тенденциям российского права к защите традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

Некоторые ученые отмечают, подход ЕС к ограничениям применения высокорисковых систем ИИ может привести к чрезмерному регули-

рованию и негативно повлиять на развитие отрасли, например генеративного ИИ или работы с биометрическими данными. Китайская схема регулирования рисков, по сути, является переходом от классификации рисков для различных продуктов к классификации различных рисков, возникающих из одного и того же продукта²⁹, что больше подходит для таких технологий, как генеративный ИИ. Таким образом, при формировании российского подхода к правовому регулированию применения ИИ следует учесть позиции разных стран для минимизации рисков и выработки адекватных правовых решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лю Я. Исследование интерпретируемости искусственного интеллекта и юридической ответственности ИИ. 2022. [刘艳红.人工智能的可解释性与AI的法律责任问题研究 2022].

Пу К., Сян В. Возможности и проблемы, возникающие при использовании ChatGPT в качестве генеративного ИИ, и стратегия реагирования // Журнал Чунцинского университета (издание по социальным наукам). 2023. № 29 (3). С. 102–114 [蒲清平, 向往.生成式人工智能 — ChatGPT的变革影响、风险挑战及应对策略[J].重庆大学学报(社会科学版), 2023,29(03):103].

Сун Х. Разработка нормативной структуры в законодательстве об искусственном интеллекте // Журнал Восточно-Китайского университета политических наук и права. 2024. № 5 [宋华琳.人工智能立法中的规制结构设计 //《华东政法大学学报》2024. № 5. С. 6].

Трощинский П. В. Развитие китайского законодательства в последние годы // Международное публичное и частное право. 2015. № 3. С. 36–40.

Харитонов Ю. С., Тяньфан Я. Рекомендательные системы цифровых платформ в Китае: правовые подходы и практика обеспечения прозрачности алгоритмов // Закон. 2022. № 9. С. 40–49.

Чжан С. Продвижение верховенства закона с главным направлением продвижения нового качества продуктивности цифрового интеллекта // Цифровое правовое государство. 2024. № 4 [张效羽.以促进数智化新质生产力为主线推进法治建设.《数字法治》双月刊2024年第4期第1].

Чжан Ю. О правовой реализации принципа прозрачности в сфере искусственного интеллекта // Юридический факультет Южно-Китайского нормального университета. Серия политико-правовых дискуссий. 2024. № 2 [张永忠.论人工智能透明度原则的法治化实现 // 华南师范大学法学院. 2024.2.124.].

Чжао Ц., Чжоу Ж. О смене парадигмы цифровых юридических исследований: системное управление рисками // Академический журнал Цюши. 2024. № 4 [赵精武; 周瑞珏.论数字法学研究范式的转向:风险体系化治理 //《求是学刊》].

Шэнь Ф. Риски и управление генеративным искусственным интеллектом: решение дилеммы Коллингриджа // Журнал Чжэцзянского университета (издание по гуманитарным и социальным наукам). 2024. № 6. [沈芳君.生成式人工智能的风险与治理 — 兼论如何打破《科林格里奇困境》《浙江大学学报(人文社会科学版)》2024,6:73].

Яо З. В., Ли З. Л. Правовое регулирование рисков генеративного контента искусственного интеллекта // Журнал Сианьского университета Цзяотун (издание по общественным наукам). 2023. № 43 (05) [姚志伟,李卓霖.生成式人工智能内容风险的法律规制[J].西安交通大学学报(社会科学版), 2023,43(05):147].

Ян Ц. Развитие заслуживающего доверия искусственного интеллекта и построение правовой системы // Восточное правоведение. 2024. № 4 [杨建.可信人工智能发展与法律制度的构建 //《东方法学》. 2024. № 4. С. 95].

Arrieta A. B. et al. Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, taxonomies, opportunities and challenges toward responsible AI // Information fusion. 2020. T. 58. P. 82–115.

²⁹ Arrieta A. B. et al. Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, taxonomies, opportunities and challenges toward responsible AI // Information fusion. 2020. T. 58. C. 82–115.

REFERENCES

- Arrieta AB et al. Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, taxonomies, opportunities and challenges toward responsible AI. *Information fusion*. 2020;58:82-115.
- Kharitonova YuS, Tianfang Ya. Recommender systems of digital platforms in China: Legal approaches and practices for ensuring transparency of algorithms. *Zakon*. 2022;9:40-49. (In Russ.).
- Lu Ya. A study of the interpretability of artificial intelligence and the legal responsibility of AI [刘艳红.人工智能的可解释性与AI的法律责任问题研究 2022]. 2022. (In Chinese).
- Pu K, Xiang V. The opportunities and challenges that arise when using ChatGPT as a generative AI, and a response strategy. *Journal of Chongqing University (Social Sciences Publication)* [蒲清平, 向往. 生成式人工智能 — ChatGPT的变革影响、风险挑战及应对策略[J]. 重庆大学学报(社会科学版), 2023, 29(03):103]. 2023;29(3):102-114. (In Chinese).
- Shen F. Risks and management of generative artificial intelligence: Solving the Collingridge dilemma. *Journal of Zhejiang University (publication on Humanities and social Sciences)* [沈芳君. 生成式人工智能的风险与治理 — 兼论如何打破«科林格里奇困境»《浙江大学学报(人文社会科学版)》]. 2024;6:73. (In Chinese).
- Sun H. Development of a regulatory structure in the legislation on artificial intelligence. *Journal of the East China University of Political Sciences and Law* [宋华琳. 人工智能立法中的规制结构设计 //《华东政法大学学报》]. 2024;5:6. (In Chinese).
- Troshchinsky PV. The development of the Chinese legislation in recent years. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2015;3:36-40. (In Russ.).
- Yang Ts. The development of trustworthy artificial intelligence and the construction of a legal system. *Eastern Jurisprudence*. [杨建. 可信人工智能发展与法律制度的构建 //《东方法学》]. 2024;4:95. (In Chinese).
- Yao ZV, Lee ZL. Legal regulation of the risks of generative artificial intelligence content. *Journal of Xi'an Jiaotong University (Social Sciences publication)*. 2023;43(05):147. [姚志伟, 李卓霖. 生成式人工智能内容风险的法律规制[J]. 西安交通大学学报(社会科学版), 2023, 43(05):147] (In Chinese).
- Zhang S. Promoting the rule of law with the focus on promotion of a new quality of productivity of digital intelligence. *Digital Rule of law* [张效羽. 以促进数智化新质生产力为主线推进法治建设.《数字法治》双月刊2024年第4期第1]. 2024;4. (In Chinese).
- Zhang Yu. On the legal implementation of the principle of transparency in the field of artificial intelligence. Faculty of Law of South China Normal University. *A series of political and legal discussions*. [张永忠. 论人工智能透明度原则的法治化实现 // 华南师范大学法学院. 2024.2.124.]. 2024;2. (In Chinese).
- Zhao C, Zhou J. About the paradigm shift in digital legal research: Systemic risk management. *Academic Journal of Qiushi* [赵精武; 周瑞珏. 论数字法学研究范式的转向: 风险体系化治理 //《求是学刊》]. 2024;4. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Харитоновна Юлия Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, руководитель НОЦ «Центр правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики», профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова д. 1, Ленинские горы, г. Москва 119991, Российская Федерация
sovet2009@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia S. Kharitonova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Research Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy, Professor, Department of Business Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
sovet2009@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 3 октября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 31 октября 2024 г.
Принята к печати 15 апреля 2025 г.

Received 03.10.2024.
Revised 31.10.2024.
Accepted 15.04.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.139-149

А. А. Селькова

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Метавселенная: вопросы подсудности и порядка разрешения споров

Резюме. В статье рассматриваются юрисдикционные аспекты разрешения споров, возникающих в метавселенной — цифровом мире, ключевые особенности которого включают в себя: использование иммерсивных технологий (виртуальная реальность); представление пользователей через аватары; проведение транзакций с помощью блокчейна; существование централизованных и децентрализованных платформ; наличие в коммерческом обороте нематериализованных активов и NFT. Автор приводит классификацию споров, которые могут возникнуть в метавселенной: споры между пользователями и операторами платформ; споры между пользователями; споры по поводу интеллектуальной собственности. В первой категории автор особенно выделяет правовые конфликты, касающиеся виртуальной недвижимости, а также споры по поводу персональных данных пользователей платформ, операторы которых не могут гарантировать защиту от хакерских атак. Касательно споров между пользователями автор отмечает, что многие из них связаны с отсутствием в метавселенной какого-либо контроля за оказанием виртуальных услуг, созданием цифровых активов и совершением транзакций. Обращаясь к вопросу о применимом праве и подсудности, автор указывает, что в большинстве случаев соответствующие положения включаются в пользовательские соглашения отдельных платформ и не подлежат изменению. В статье рассмотрены три инструмента разрешения споров, возникающих в метавселенной: «традиционный» — в государственных судах или в рамках арбитража; «модифицированный», где правила судопроизводства адаптируются к специфике виртуальных правоотношений, и «децентрализованный» — в рамках онлайн-урегулирования споров, сочетающий в себе элементы блокчейна, краудсорсинга и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: метавселенная; договорная подсудность; арбитраж; коллизионные привязки; виртуальная реальность

Для цитирования: Селькова А. А. Метавселенная: вопросы подсудности и порядка разрешения споров. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 5. С. 139–149. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.139-149

The Metaverse: Issues of Jurisdiction and Dispute Resolution

Anastasia A. Selkova

Ural State Law University Yakovleva
Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The paper examines the jurisdictional aspects of dispute resolution in the metaverse, a digital world whose key features include the use of immersive technologies (virtual reality); user representation through avatars; conducting transactions using blockchain; the existence of centralized and decentralized platforms; the availability of intangible assets and NFTs in commercial turnover. The author provides a classification of disputes that may arise in the metaverse, namely disputes between users and platform operators; disputes between users; disputes over intellectual property. In the first category, the author highlights legal conflicts related to virtual real estate, as well as disputes over the personal data of users of platforms whose operators cannot guarantee protection from hacker attacks. Regarding disputes between users, the author notes that many of them are related to the lack of any control in the metaverse over the provision of virtual services, the creation of digital assets and transactions. Turning to the question of applicable law and jurisdiction, the author points out that in most cases the relevant provisions are included in the user agreements of individual platforms and are not

© Селькова А. А., 2025

subject to change. The paper discusses three dispute resolution tools that arise in the metaverse: «traditional» — in state courts or in arbitration; «modified», where the rules of procedure are adapted to the specifics of virtual legal relations, and «decentralized» — in the framework of online dispute resolution, combining elements of blockchain, crowdsourcing and artificial intelligence.

Keywords: metaverse; contractual jurisdiction; arbitration; conflict of laws bindings; virtual reality

Cite as: Selkova AA. The Metaverse: Issues of Jurisdiction and Dispute Resolution. *Lex Russica*. 2025;78(5):139-149. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.139-149

I. Экспозиция

Стремительно меняющийся мир ставит перед законодателями всех государств задачу по адаптации правовых норм к условиям цифрового пространства, сочетающего в себе big data, искусственный интеллект, интернет Web 3.0 и почти безграничную анонимность. Наиболее яркое проявление феномена цифрового пространства — метавселенная, ставшая площадкой для взаимодействия в онлайн-мире. В результате виртуальных коммуникаций внутри него возникают совершенно новые социальные структуры, требующие надлежащего правового режима. Бурное и непредсказуемое по своей направленности развитие метавселенной не позволяет полагаться на существующие законы. Их можно использовать лишь в качестве отправной точки для разработки норм, регламентирующих взаимодействия в виртуальной реальности, охватывающих невероятное количество гипотетических сценариев правоотношений.

Виртуальный мир метавселенной так же восприимчив к спорам, как и реальный мир. Торговля цифровой недвижимостью и NFT, расчеты криптовалютой, использование онлайн-сервисов являются сферами, где нередко возникают конфликты между пользователями и операторами платформ метавселенной и между самими пользователями. Вот лишь несколько примеров: оператор платформы может удвоить количество доступных цифровых активов, значительно сократив стоимость каждого из них; пользователь может нарушить обязательство передать NFT; оператор платформы может удалить учетную запись пользователя, причинив ему этим убытки. Сказанное предопределяет необходимость выработки нового подхода к процедурным аспектам судебного рассмотрения правовых споров в метавселенной.

Названные споры сопровождаются рядом процессуальных вопросов: какой суд обладает юрисдикцией и какое законодательство применяется, если оператор платформы организован децентрализованно, спорное имущество находится в метавселенной, а в договоре не содержится условия о подсудности или применимом праве? Кто является надлежащим ответчиком, если отсутствуют сведения о личности оператора платформы или пользователя метавселенной? Достаточно ли имеющегося процессуального порядка судебного разбирательства или необходим новый механизм разрешения споров, например полностью автоматизированный? Какую роль будет играть арбитраж?

Ученые до сих пор не пришли к консенсусу относительно значения термина «метавселенная», хотя он был придуман еще в 1992 г.¹ Попытаемся обозначить собственную интерпретацию, основанную на анализе преобладающих в научном дискурсе позиций. Поиск определения понятия — важнейшая предпосылка для оценки правовых последствий расширения метавселенной, содержание которой постоянно меняется ввиду стремительного развития цифровых технологий. Здесь следует отметить временный характер элементов метавселенной, связанный с растущим числом цифровых платформ и виртуальных миров, которых в обозримом будущем, вероятно, будет еще больше².

При этом до сих пор неясно, насколько эти платформы будут совместимы между собой и смогут ли пользователи одной платформы взаимодействовать с пользователями другой, или же все платформы станут автономными системами. Совершенно точно лишь то, что метавселенная еще окончательно не сформирована и на данном этапе развития не ограничивается совокупностью конкретных технологий, а представляет собой уникальную конвергенцию

¹ Risch M. Virtual Rule of Law // *West Virginia Law Review*. 2009. Vol. 112. No. 1. P. 2–52.

² Ambrosio A. Past, present and future of Virtual Reality: Analysis of its technological variables and definitions // *Culture & History Digital Journal*. 2020. Vol. 9. No. 1. P. 2–10.

многих из них. В этой связи метавселенную не следует сводить исключительно к виртуальной реальности (VR)³.

Подобный ограниченный взгляд значительно сужает масштаб метавселенной, для подключения к которой достаточно наличия телефона у пользователя, не требуются специальные устройства или гарнитуры. Отметим также, что метавселенная не является заменой реальной жизни или усовершенствованной версией цифровой жизни, которая формируется через наше общение в социальных сетях и по электронной почте⁴. Метавселенная представляет собой новый способ цифрового взаимодействия, с сохранением автономности физического существования. Позиция, ограничивающая метавселенную исключительно миром компьютерных игр и геймеров, также видится не совсем верной⁵. Несмотря на то что игровая виртуальная реальность сыграла огромную роль в становлении метавселенной, последующее ее развитие простирается гораздо дальше, выходя даже за рамки четвертой промышленной революции⁶.

Представляется, что попытки определить метавселенную через какой-то один элемент не обеспечивают целостного взгляда на данный феномен, не позволяют отразить его суть. Более предпочтительно рассматривать метавселенную комплексно — как систему, состоящую из масштабных, постоянных и совместимых между собой виртуальных пространств, отображающихся в режиме реального времени и в 3D-формате. Благодаря конвергенции ряда технологических инструментов (включая специальное программное обеспечение, Web 3.0, искусственный интеллект, блокчейн), пользователи метавселенной получают возможность иммерсивного и интерактивного погружения в виртуальную реальность и цифрового опыта взаимодействия с ее объектами.

II. Классификация споров, возникающих в метавселенной

Типы споров, которые возникают в результате взаимодействия внутри метавселенной, могут быть классифицированы следующим образом, исходя от субъектного состава:

- споры между пользователем и оператором платформы метавселенной;
- споры между пользователями платформ метавселенной;
- споры относительно прав интеллектуальной собственности с участием как пользователей, так и операторов платформ.

В силу новизны метавселенной как феномена, скорее всего, с течением времени будут появляться новые типы споров, а уже существующие приобретать дополнительные характеристики.

1. Споры между пользователем и оператором платформы метавселенной

Операторы платформ метавселенной предоставляют обособленные виртуальные пространства пользователям, в которых они взаимодействуют, общаются, совершают транзакции и инвестиции⁷. В результате этих действий может быть причинен как материальный, так и нематериальный ущерб, потенциально возмestimый в рамках судебного разбирательства. Следует отметить, что транзакции и инвестиции, совершаемые через платформы метавселенной, предполагают расчеты в криптовалюте⁸. С ее использованием осуществляются все платежные операции, в том числе продажа и покупка цифровых активов, стоимость которых часто превосходит стоимость аналогов в реальном мире. Например, в 2021 г. на платформе Roblox была продана цифровая сумка Gucci более чем 4 000 долл. США, что в несколько раз превышает цену материального аналога⁹. Еще

³ Lemley M. Law, Virtual Reality, and Augmented Reality // University of Pennsylvania Law Review. 2018. № 5. P. 1051–1138.

⁴ Lastowka F. The Laws of Virtual Worlds // California Law Review. 2004. № 1. P. 8–12.

⁵ Samuli L. Why Playing Augmented Reality Games Feels Meaningful to Players? The Roles of Imagination and Social Experience // Computers in Human Behavior. 2021. Vol. 121. P. 2–10.

⁶ Orin S. The Problem of Perspective in Internet Law // Georgetown Law Journal. 2003. Vol. 91. P. 362–364.

⁷ Sanisloy S. A View of the Future of the Metaverse Economy on the Basis of the Global Financial System: New Opportunities and Risks // Journal of Corporate Governance, Insurance, and Risk Management. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 28–41.

⁸ Sanisloy S. Op. cit.

⁹ A Virtual Gucci Bag Sold For More Money on Roblox Than The Actual Bag // Hypebeast. 26.05.2021. URL: <https://hypebeast.com/2021/5/virtual-gucci-bag-roblox-resale> (дата обращения: 11.07.2024).

более дорогостоящими являются участки виртуальной земли. Так, в 2022 г. аукционный дом Portion приобрел участок на децентрализованной платформе Decentraland за 1,2 млн долл. США¹⁰. Многие всемирно известные компании, включая JP Morgan, Samsung и HSBC, имеют филиалы в метавселенной¹¹. Более того, в ней представлены и государства. Например, в 2021 г. правительство Барбадоса приобрело на платформе Decentraland участок виртуальной земли для посольства¹².

Волатильность криптовалюты, децентрализованность многих платформ и отсутствие единообразных правил их организации определяют характер потенциальных споров между пользователями и операторами платформ. Рассмотрим наиболее вероятные конфликтные ситуации:

А. Цифровая недвижимость

— Пользователь приобрел виртуальный участок земли у оператора платформы, который обязался не создавать рядом иных участков, однако затем нарушил данное условие договора.

— Пользователь приобрел виртуальный участок земли, ценность которого зависит от близлежащего объекта, который оператор платформы удаляет из виртуального пространства без надлежащего уведомления.

Б. Ведение предпринимательской деятельности

— Оператор платформы удаляет или изменяет функцию, от которой зависит организация бизнеса пользователя (например, продажа цифровых товаров или предоставление услуг).

— Оператор платформы удаляет учетную запись пользователя, в результате чего последний теряет возможность продолжать предпринимательскую деятельность.

— Оператор платформы осуществляет техническое обслуживание ненадлежащим образом, что препятствует ведению пользователем бизнеса и становится причиной материального ущерба.

В. Криптовалюта и цифровые активы

Как было отмечено выше, пользователи получают прибыль от предпринимательской деятельности на платформах метавселенной в криптовалюте. При этом не на всех платформах доступна функция обналичивания криптовалюты или ее продажи на криптовалютных биржах. В связи с этим вполне вероятны споры по поводу отсутствия у пользователей, желающих реализовать криптовалюту, полученную на платформе, соответствующей возможности. Следует учитывать, что правомерность требования в отношении цифровых активов (таких как виртуальная земля) в значительной степени зависит от их правового режима¹³.

Не во всех юрисдикциях цифровые активы признаются собственностью. Например, цифровые активы (в том числе внутриигровые цифровые активы и NFT) квалифицируются в Великобритании как финансовые услуги и регулируются Актом о финансовых услугах и рынках (Financial Services and Markets Act)¹⁴. В ЕС для регулирования криптоактивов был принят Регламент 2023/1114 (the Markets in Crypto-assets Regulation, MiCAR)¹⁵. Согласно его положениям, криптоактив представляет собой цифровое выражение прав, которые могут передаваться и храниться в электронном виде с использованием технологии распределенного реестра. MiCAR подразделяет криптоактивы исходя из нескольких критериев, таких как: количество держателей, стоимость выпущенного токена, территория деятельности эмитента (например,

¹⁰ NFT art auction house Portion buys virtual estate in Decentraland for \$1.2 million // Surtidora creativa. 15.02.2022. URL: <https://www.surtidoracreativa.com/como-suenos-copy-copy/> (дата обращения: 11.07.2024).

¹¹ The Coming Boom In Metaverse Lending For Banks // Forbes. 14.02.2022. URL: <https://www.forbes.com/sites/ronshevlin/2022/02/14/the-coming-boom-in-metaverse-lending-for-banks/> (дата обращения: 15.07.2024).

¹² Барбадос станет первым в мире государством с посольством в метавселенной // ТАСС. 18.11.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12960839> (дата обращения: 11.07.2024).

¹³ William T. When the Virtual and Real Worlds Collide: Beginning to Address the Clash Between Real Property Rights and Augmented Reality Location-Based Technologies Through a Federal Do-Not-Locate Registry // Iowa Law Review. 2017. Vol. 103. No. 1. P. 331–366.

¹⁴ UK Confirms Regulatory Regime for Cryptoassets // Sidley. 29.11.2023. URL: <https://www.sidley.com/en/insights/newsupdates/2023/11/uk-confirms-regulatory-regime-for-cryptoassets> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁵ Practical Guide: Markets in Crypto Assets (MiCA) Regulation // Nasdaq. URL: <https://www.nasdaq.com/solutions/fintech/resources/whitepapers/practical-guide-markets-in-crypto-assets-regulation> (дата обращения: 15.07.2024).

использование токена для международных платежей и переводов).

Выпуск и обращение цифровых финансовых активов (ЦФА) в Российской Федерации регулируются Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁶. Данный Закон определяет ЦФА в качестве цифровых прав (включая денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и т.д.), созданных с помощью технологии распределенных реестров.

Г. Нематериальный ущерб

В онлайн-мире метавселенной с особой яркостью высвечиваются вопросы анонимности, конфиденциальности персональных данных, диффамации, защиты чести, достоинства и деловой репутации. В первую очередь это связано с огромным количеством данных, которые циркулируют и обрабатываются в метавселенной (например, онлайн-поведение пользователей, биометрические данные)¹⁷. Между тем на многих платформах отсутствует политика конфиденциальности, что делает данные в метавселенной уязвимыми для неправомерного доступа¹⁸. Кроме того, по причине анонимности большинства пользователей (их личности скрыты за аватарами), сложно точно установить, кто именно пострадал от актов диффамации или харрасмента, которые могут иметь опосредованную форму, например NFT-аватары с оскорбительными выражениями в названии¹⁹. В попытке нивелировать названную проблему целесообразно выработать механизм контроля за обменом информацией в системе блокчейна, превратив ее в прозрачную и относительно управляемую.

2. Споры между пользователями платформ метавселенной

Как было отмечено выше, метавселенная предоставляет множество инновационных

способов взаимодействия в цифровой среде. В зависимости от вида платформы пользователи могут покупать и продавать цифровые активы, а также предлагать друг другу виртуальные услуги (например, обучение, консультирование). Многие из споров, вытекающие из этих взаимодействий, по своим характеристикам сходны со спорами, возникающими в Интернете, однако обладают и уникальными чертами. Ниже перечислены наиболее вероятные сценарии правовых конфликтов между пользователями метавселенной:

— покупатель обнаруживает, что купленный на платформе цифровой актив (например, NFT) ненадлежащего качества (например, искажены ключевые атрибуты);

— собственник участка цифровой земли может предъявить негаторный иск к владельцу соседнего участка, каким-либо образом препятствующему реализации права собственности;

— покупатель участка земли в метавселенной оспаривает размер комиссионного сбора, взимаемого виртуальным агентством недвижимости при заключении договора купли-продажи.

Характер споров между пользователями, вероятно, будет зависеть от сложности транзакций и сделок, проводимых на той или иной платформе. В рамках большинства централизованных платформ (например, Roblox) действуют детализированные правила торговли и оказания услуг, значительно снижающие риск возникновения споров. С другой стороны, некоторые платформы (например, Second Life) давно отказались от специального регулирования и предоставили пользователям почти полную свободу договора, что привело к увеличению числа споров в связи с ненадлежащим исполнением обязательств. Говоря о платформах, основанных на технологии блокчейн, следует заметить, что формой большинства заключаемых там договоров является смарт-контракт, представляющий собой самоисполняющийся протокол транзакций и условий, записанных

¹⁶ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁷ Neil M. Privacy's Other Path: Recovering the Law of Confidentiality // Georgetown Law Journal. 2007. Vol. 96. No. 1. P. 123–182.

¹⁸ Sebastian G. A Descriptive Study on Metaverse: Cybersecurity Risks, Controls, and Regulatory Framework // International Journal of Security and Privacy in Pervasive Computing. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 2–14.

¹⁹ Travis A. Pokemon Go: Emerging Liability Arising from Virtual Trespass for Augmented Reality Applications // Texas A&M Journal of Property Law. 2018. Vol. 4. P. 273–295.

специальным кодом²⁰. Практика заключения смарт-контрактов также ставит вопрос о том, каким образом должны разрешаться споры, связанные с исполнением таких контрактов внутри метавселенной.

3. Споры по поводу результатов интеллектуальной деятельности

Многие споры, возникающие между пользователями платформ, касаются прав на результаты интеллектуальной деятельности. В первую очередь это связано с тем, что внутри метавселенной они могут быть представлены в совершенно новых и инновационных форматах. Уже сейчас многочисленные технологические достижения и возможности метавселенной используются такими крупными брендами, как Disney, McLaren и NFL, сотрудничающими с наиболее популярными платформами — Roblox и Fortnite²¹. Соответственно, неизбежны проблемы поиска баланса между защитой права интеллектуальной собственности и свободой творчества. Наиболее часто возникают споры по поводу товарных знаков и NFT в виртуальном коммерческом обороте, выступающих в качестве элемента маркетинговой стратегии большинства фирм, начинающих свою деятельность в метавселенной²².

Например, в 2022 г. руководство дома высокой моды Hermès посчитало, что токен MetaBirkin до степени смешения сходен со знаменитой моделью сумок Birkin, и предъявило иск к автору данного NFT с требованием о возмещении убытков в форме упущенной выгоды²³. Суд подтвердил факт нарушения права на товарный знак и киберсквоттинга. В мотивировочной части судебного решения, в частности, указывается, что NFT MetaBirkin, для создания которого использовались цифровые изображения сумок Birkin и фирменный принт Hermès, вызывает прямую ассоциацию с продукцией Hermès и вводит в заблуждение потребителей,

причиняя тем самым компании репутационный и финансовый ущерб. Помимо этого, суд квалифицировал регистрацию домена metabirkins.com (сайт, на котором можно было приобрести NFT MetaBirkin) в качестве киберсквоттинга — формы недобросовестного использования доменного имени для получения прибыли от товарного знака или фирменного наименования, принадлежащих другому лицу. Этот пример демонстрирует, что права владельцев товарных знаков должны защищаться в метавселенной таким же образом, как и в реальном мире.

Еще одним моментом, заслуживающим внимания, является искаженное восприятие обществом виртуального искусства, которое понимается как цифровой вариант реального, а не как самостоятельный феномен. В некотором смысле решение по делу MetaBirkin представляет собой также своеобразное предупреждение для авторов, решивших продвигать и коммерциализировать свои работы в цифровом пространстве, о необходимости избегать таких средств привлечения внимания аудитории и потенциальных покупателей, которые наносят ущерб законным интересам правообладателей²⁴.

Не менее примечательным является дело Nike v. StockX. В феврале 2022 г. компания Nike подала иск в отношении популярного онлайн-магазина спортивной обуви, выпустившего серию NFT-кроссовок, стиль которых полностью повторял одну из моделей Nike. В исковом заявлении было указано, что StockX нарушила права на товарный знак, незаконно воспользовавшись дизайном Nike для создания цифровой обуви. В свою очередь, в отзыве на иск отмечено, что StockX не намеревались вводить в заблуждение потребителей, а идея продажи цифровых кроссовок заключалась в том, чтобы позволить клиентам покупать NFT, привязанные к физическому продукту, с обязательной виртуальной проверкой аутентичности. Судебное разбирательство по данному спору до сих пор

²⁰ Werbach K. The Song Remains the Same: What Cyberlaw Might Teach the Next Internet Economy // Florida Law Review. 2017. Vol. 69. No. 3. P. 887–957.

²¹ 10 Ways Brands are Using Metaverse + Examples // Adcore. 27.01.2023. URL: <https://www.adcore.com/blog/10-ways-brands-are-using-metaverse/> (дата обращения: 15.07.2024).

²² Packin N. The Cambridge Handbook of Law and Policy for NFTs. Cambridge : Cambridge University Press, 2024. P. 221.

²³ Hermes wins permanent ban on «MetaBirkin» NFT sales in US lawsuit // Reuters. 23.06.2023. URL: <https://www.reuters.com/business/hermes-wins-permanent-ban-metabirkin-nft-sales-us-lawsuit-2023-06-23/> (дата обращения: 11.07.2024).

²⁴ Saw C. The Subsistence and Enforcement of Copyright and Trade Mark Rights in the Metaverse // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2023. № 3. P. 371–384.

должается, итоговое решение так и не вынесено.

Данный пример иллюстрирует, что политика большинства платформ, разрешающая пользователям украшать свои аватары одеждой или аксессуарами в форме NFT, неизбежно приведет к увеличению количества споров по поводу нарушения авторских прав в отношении произведений, созданных как вне, так и внутри метавселенной. Помимо этого, возможность пользователей создавать оригинальный контент через их аватары значительно повышает вероятность возникновения споров по поводу прав авторства. По мере роста покупательной способности и пользовательского контента на многих платформах в метавселенной увеличится и число «контрафактных» цифровых объектов²⁵. Правообладатели должны будут адаптироваться к сопутствующим рискам незаконного использования средств индивидуализации в виртуальном коммерческом обороте.

III. Разрешение споров в метавселенной и договорная подсудность

Несмотря на то что ни на международно-правовом, ни на национально-правовом уровне не разработано норм, касающихся порядка разрешения споров в метавселенной, вопрос об оптимальном варианте подобного регулирования уже изучается. Например, Рабочей группой UNIDROIT по цифровым активам и частному праву были приняты Принципы регламентации цифровых активов²⁶. В документе учтено своеобразие правовых конфликтов внутри метавселенной, не позволяющее применять к ним существующие модели нормативного регулирования.

Как правило, в пользовательском соглашении той или иной платформы предусматриваются положения о применимом праве и подсудности. Например, в пользовательском соглашении платформы Decentraland в качестве применимого права определено законодательство Панамы, а расположенный там Арбитраж ICC — в качестве компетентного суда; по правилам платформы Axie Infinity применимым

правом является законодательство Каймановых островов, а компетентным судом — Верховный суд Каймановых островов. Сказанное, однако, не означает, что стороны не могут предварительно заключить отдельный договор о подсудности или согласовать соответствующее условие при совершении транзакции в метавселенной. Между тем правила работы платформ обычно не включают каких-либо разъяснений о непосредственном порядке разрешения споров. Оптимальным вариантом устранения подобной неясности является включение соответствующего условия непосредственно в код смарт-контракта, необходимого для автоматического проведения транзакций в метавселенной.

Здесь следует добавить, что соглашения о подсудности заключаются либо в письменной форме, либо в любых иных формах, позволяющих идентифицировать текст²⁷. Применительно к данному аспекту условие об урегулировании споров, включенное в код смарт-контракта, сохраняет возможность последующего использования текста. Тем не менее пока неясно, каким образом удостовериться, что пользователь платформы ознакомился и согласился с условиями, зашифрованными в коде смарт-контракта. Представляется, что многое будет зависеть от субъектного состава сделки и ее характера.

Отсутствие соглашения о подсудности или о применимом праве коллизионными привязками, обычно используемыми в международном частном праве, являются личный закон физического лица, закон места нахождения вещи, закон места заключения договора или исполнения договора²⁸. Однако ни одна из этих привязок не подходит для транзакций, совершаемых в метавселенной анонимными аватарами по поводу дематериализованных активов, местоположение которых неизвестно. Вероятные связующие факторы — расположение серверов или юрисдикция регистрации доменов — кажутся в равной степени неподходящими, так как не в полной мере отражают специфику транзакций в метавселенной.

В научной литературе высказано мнение о необходимости создания универсальной юрис-

²⁵ Packin N. Op. cit. P. 227.

²⁶ Study LXXXII — Digital Assets and Private Law Project // UNIDROIT. 04.10.2023. URL: <https://www.unidroit.org/work-in-progress/digital-assets-and-private-law/> (дата обращения: 15.07.2024).

²⁷ Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж : монография. М. : Статут, 2021. С. 87.

²⁸ Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : Infotropic Media, 2012. С. 98.

дикции, в рамках которой все национальные суды будут компетентны рассматривать споры по поводу взаимодействий в метавселенной²⁹. Однако при этом упускается из вида, что универсальная юрисдикция всегда предполагает отступление от требования наличия связи с конкретной территорией или личным статусом. Более подходящим решением является предоставление заинтересованному субъекту права инициировать разбирательство в суде по месту проживания или по месту осуществления предпринимательской деятельности. Этот вывод подтвержден в решении по делу *Rajkumar v. Unknown Persons* Высшим судом Сингапура, постановившим, что он обладает компетенцией рассматривать спор, несмотря на неизвестность текущего места жительства ответчика³⁰. Суд признал надлежащим связующим фактором ведение истцом бизнеса в Сингапуре и принял иск к рассмотрению. То есть, несмотря на децентрализованную природу блокчейна, затрудняющую установление надлежащей юрисдикции, компетентный суд всегда может быть определен посредством анализа фактических обстоятельств спора.

Хотя, *lex domicilii* и *lex societatis* оцениваются некоторыми авторами в качестве неудовлетворительных формул прикрепления для договорного правоотношения³¹, представляется, что обращение к ним вполне оправданно в отношении обязательств в метавселенной. В данном случае можно не только гарантировать доступность правосудия, но и связать сделку с конкретным правовым порядком, тем самым избежав неясности при определении надлежащей юрисдикции.

Обращаясь к вопросу о действительности соглашения о подсудности спора, следует отметить некоторые проблемные аспекты.

Во-первых, анонимность пользователей метавселенной, действующих через аватары, затрудняет определение их правоспособности.

Во-вторых, пользовательское соглашение некоторых платформ предполагает, что заинтересованное лицо принимает все его положения безоговорочно (в том числе и о подсудности спора), без возможности изменения. В контексте правоотношения между платформой и пользователем это видится недобросовестной практикой заключения договора присоединения, по своему характеру являющегося односторонним.

Примечательно решение Верховного суда США по делу *Coinbase v. Bielski*³². В 2021 г. Абрахам Бельский создал аккаунт на платформе Coinbase, специализирующейся на обмене криптовалюты. Вскоре после этого учетная запись Бельского была взломана, а из его электронного кошелька пропала крупная сумма. Неоднократные обращения Бельского к оператору платформы с просьбой о содействии в возврате денежных средств оказались безрезультатными. Поэтому через некоторое время Бельский совместно с другими пользователями, столкнувшимися с аналогичной проблемой, подал групповой иск, в котором утверждалось, что Coinbase, фактически являясь финансовым учреждением, нарушила обязанность по возврату денежных средств, изъятых в результате мошеннических действий. В возражении на иск представители Coinbase указали на неподсудность спора окружному суду, так как пользовательское соглашение платформы содержит условие о рассмотрении всех споров в рамках процедуры арбитража. Однако суд отклонил довод ответчика, указав на недобросовестность включения в пользовательское соглашение арбитражной оговорки без возможности ее изменения.

Описанное дело также наталкивает на мысль об увеличении количества групповых исков в метавселенной как более эффективного средства восстановления нарушенных прав нескольких пользователей, которые также смогут снизить свои расходы на оплату услуг адвоката или прибегнуть к судебному финан-

²⁹ *Tan J. Blockchain Arbitration for NFT-Related Disputes // Contemporary Asia Arbitration Journal. 2023. Vol. 16. No. 1. P. 145–186.*

³⁰ *Singapore Court recognises non-fungible tokens as property and grants interim injunction against persons unknown in Janesh s/o Rajkumar vs Unknown Person // Baker McKenzie. 09.11.2022. URL: <https://insightplus.bakermckenzie.com/bm/dispute-resolution/singapore-court-recognises-non-fungible-tokens-as-property-and-grants-interim-injunction-against-persons-unknown-in-janesh-so-rajkumar-v-unknown-person-chefpierre-2022-sghc-264> (дата обращения: 15.07.2024).*

³¹ *Асосков А. В. Указ. соч. С. 186.*

³² *Coinbase arbitration win deepens appellate divide on threshold issue // Reuters. 08.12.2023. URL: <https://www.reuters.com/legal/transactional/column-coinbase-arbitration-win-deepens-appellate-divide-threshold-issue-2023-12-07/> (дата обращения: 15.07.2024).*

сированию. Заметим, что возрастание числа групповых производств будет более заметно в юрисдикциях, где действует модель присоединения opt-out, подразумевающая автоматическое включение в группу истцов, без выражения волеизъявления³³.

В-третьих, существует неясность относительно субъектного состава: кто является оферентом и акцептантом при заключении смарт-контракта на платформе? Специфика технологии блокчейн обуславливает необходимость полной осведомленности относительно условий контракта как для оферты, так и для акцепта. Большинство авторов атрибутирует соответствующую осведомленность к личности составителя смарт-контракта, а не пользователя³⁴. Вместе с тем названная точка зрения не учитывает того факта, что сведения, доступные составителю, ограничены временем написания кода контракта и не охватывают обстоятельств, возникших после его заключения.

IV. Применимость Нью-Йоркской конвенции и надлежащая правовая процедура

Требуется уточнения применимость ст. II Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений к арбитражным соглашениям, заключаемым внутри метавселенной. Рекомендации ЮНСИТРАЛ позволяют расширительно толковать ст. II Нью-Йоркской конвенции, и сообразно этому любые юридические документы, касающиеся порядка совершения коммуникаций в цифровой среде, не должны регламентировать их техническую сторону³⁵. Тем не менее взаимодействия в метавселенной весьма абстрактны и едва сходны с перепиской по электронной почте, поэтому весьма вероятно возникновение вопросов о порядке заключения арбитражных соглашений. Распространительное толкование ст. II Нью-Йоркской конвенции способствует преодолению категоричности требования о письменной форме, так как технология блокчейн позволяет создавать неизменные записи.

Здесь важно подчеркнуть обязательность обеспечения надлежащей правовой процедуры при разрешении споров внутри метавселенной независимо от формата проведения судебного разбирательства: в зале суда или дистанционно. Вместе с тем децентрализованный характер многих платформ, отсутствие детальной регламентации и абстрактная природа виртуального пространства могут стать факторами, затрудняющими выполнение требований надлежащей правовой процедуры. Например, в тех случаях, когда арбитры анонимны и представлены только как аватары, сложнее соблюдать принцип независимости арбитров. Кроме того, их беспристрастность может быть поставлена под сомнение, если принадлежащие им токены каким-либо образом повышают заинтересованность в исходе дела. Сказанное подтверждает необходимость максимально точного определения правил надлежащей правовой процедуры в координации с международным правом и национальными правовыми порядками.

Заключение

Потенциал совершенствования метавселенной безграничен, и по мере ее развития будет расти и разнообразие споров в ней.

Между тем нельзя точно ответить на вопрос: в каком порядке должны разрешаться подобные споры? Представляется, что характер претензий пользователей к платформам будет значительно различаться в зависимости от специализации последних и условий пользовательских соглашений. Аналогичным образом способ разрешения споров, по крайней мере на ранних стадиях, будет иметь специфику, обусловленную принятыми на той или иной платформе правилами. Пока не разработано единых норм права, касающихся метавселенной, и ее специфика ограничивает применение коллизионных привязок, традиционно используемых в международном частном праве, потребуются адаптация большинства правовых институтов к новому контексту.

³³ Долганичев В. В. «Opt-in» против «opt-out»: две различные модели формирования группы в групповом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 2. С. 20–24.

³⁴ Sanisloy S. A Op. cit.

³⁵ Рекомендация относительно толкования пункта 2 статьи II и пункта 1 статьи VII Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, совершенной в Нью-Йорке 10 июня 1958 г. // URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/explanatorytexts/recommendations/foreign_arbitral_awards (дата обращения: 15.07.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : Infotropic Media, 2012. 640 с.
- Долганичев В. В. «Opt-in» против «opt-out»: две различные модели формирования группы в групповом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 2. С. 20–24.
- Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж : монография. М. : Статут, 2021. 416 с.
- Ambrosio A. Past, present and future of Virtual Reality: Analysis of its technological variables and definitions // Culture & History Digital Journal. 2020. Vol. 9. No. 1. P. 2–10.
- Lastowka F. The Laws of Virtual Worlds // California Law Review. 2004. № 1. P. 8–12.
- Lemley M. Law, Virtual Reality, and Augmented Reality // University of Pennsylvania Law Review. 2018. № 5. P. 1051–1138.
- Neil M. Privacy's Other Path: Recovering the Law of Confidentiality // Georgetown Law Journal. 2007. Vol. 96. No. 1. P. 123–182.
- Orin S. The Problem of Perspective in Internet Law // Georgetown Law Journal. 2003. Vol. 91. P. 362–364.
- Packin N. The Cambridge Handbook of Law and Policy for NFTs. Cambridge : Cambridge University Press, 2024. 450 p.
- Risch M. Virtual Rule of Law // West Virginia Law Review. 2009. Vol. 112. No. 1. P. 2–52.
- Samuli L. Why Playing Augmented Reality Games Feels Meaningful to Players? The Roles of Imagination and Social Experience // Computers in Human Behavior. 2021. Vol. 121. P. 2–10.
- Sanisloy S. A View of the Future of the Metaverse Economy on the Basis of the Global Financial System: New Opportunities and Risks // Journal of Corporate Governance, Insurance, and Risk Management. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 28–41.
- Saw C. The Subsistence and Enforcement of Copyright and Trade Mark Rights in the Metaverse // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2023. № 3. P. 371–384.
- Sebastian G. A Descriptive Study on Metaverse: Cybersecurity Risks, Controls, and Regulatory Framework // International Journal of Security and Privacy in Pervasive Computing. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 2–14.
- Tan J. Blockchain Arbitration for NFT-Related Disputes // Contemporary Asia Arbitration Journal. 2023. Vol. 16. No. 1. P. 145–186.
- Travis A. Pokemon Go: Emerging Liability Arising from Virtual Trespass for Augmented Reality Applications // Texas A&M Journal of Property Law. 2018. Vol. 4. P. 273–295.
- Werbach K. The Song Remains the Same: What Cyberlaw Might Teach the Next Internet Economy // Florida Law Review. 2017. Vol. 69. No. 3. P. 887–957.
- William T. When the Virtual and Real Worlds Collide: Beginning to Address the Clash Between Real Property Rights and Augmented Reality Location-Based Technologies Through a Federal Do-Not-Locate Registry // Iowa Law Review. 2017. Vol. 103. No. 1. P. 331–366.

REFERENCES

- Ambrosio A. Past, present and future of Virtual Reality: Analysis of its technological variables and definitions. *Culture & History Digital Journal*. 2020;9(1):2-10.
- Asoskov AV. Conflict regulation of contractual obligations. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2012. (In Russ.).
- Dolganichev VV. «Opt-in» versus «opt-out»: Two different models of group formation in class action. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess [Arbitrazh and Civil Procedure]*. 2015;2:20-24. (In Russ.).
- Kurochkin SA. Arbitration and international commercial arbitration: A monograph. Moscow: Statut Publ.; 2021. (In Russ.).
- Lastowka F. The laws of virtual worlds. *California Law Review*. 2004;1:8-12.
- Lemley M. Law, Virtual Reality, and Augmented Reality. *University of Pennsylvania Law Review*. 2018;5:1051-1138.
- Neil M. Privacy's other path: Recovering the law of confidentiality. *Georgetown Law Journal*. 2007;96(1):123-182.
- Orin S. The problem of perspective in internet law. *Georgetown Law Journal*. 2003;91:362-364.
- Packin N. The Cambridge handbook of law and policy for NFTs. Cambridge: Cambridge University Press; 2024.

- Risch M. Virtual rule of law. *West Virginia Law Review*. 2009;112(1):2-52.
- Samuli L. Why playing augmented reality games feels meaningful to players? The roles of imagination and social experience. *Computers in Human Behavior*. 2021;121:2-10.
- Sanisloy S. A View of the future of the metaverse economy on the basis of the global financial system: New opportunities and risks. *Journal of Corporate Governance, Insurance, and Risk Management*. 2023;10(1):28-41.
- Saw C. The subsistence and enforcement of copyright and trade mark rights in the metaverse. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2023;3:371-384.
- Sebastian G. A Descriptive study on metaverse: Cybersecurity risks, controls, and regulatory framework. *International Journal of Security and Privacy in Pervasive Computing*. 2023;14(1):2-14.
- Tan J. Blockchain arbitration for NFT-related disputes. *Contemporary Asia Arbitration Journal*. 2023;16(1):145-186.
- Travis A. Pokemon Go: Emerging liability arising from virtual trespass for augmented reality applications. *Texas A&M Journal of Property Law*. 2018;4:273-295.
- Werbach K. The song remains the same: What cyberlaw might teach the next internet economy. *Florida Law Review*. 2017;69(3):887-957.
- William T. When the virtual and real worlds collide: Beginning to address the clash between real property rights and augmented reality location-based technologies through a federal do-not-locate registry. *Iowa Law Review*. 2017;103(1):331-366.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Селькова Анастасия Андреевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
д. 54, Колмогорова ул., г. Екатеринбург 620034, Российская Федерация
a.a.selkova@uslu.s

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia A. Selkova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Procedure, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation
a.a.selkova@uslu.s

Материал поступил в редакцию 14 сентября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 октября 2024 г.
Принята к печати 15 апреля 2025 г.

Received 14.09.2024.
Revised 14.10.2024.
Accepted 15.04.2025.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

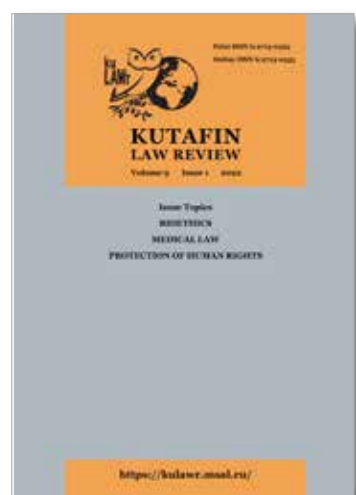
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008